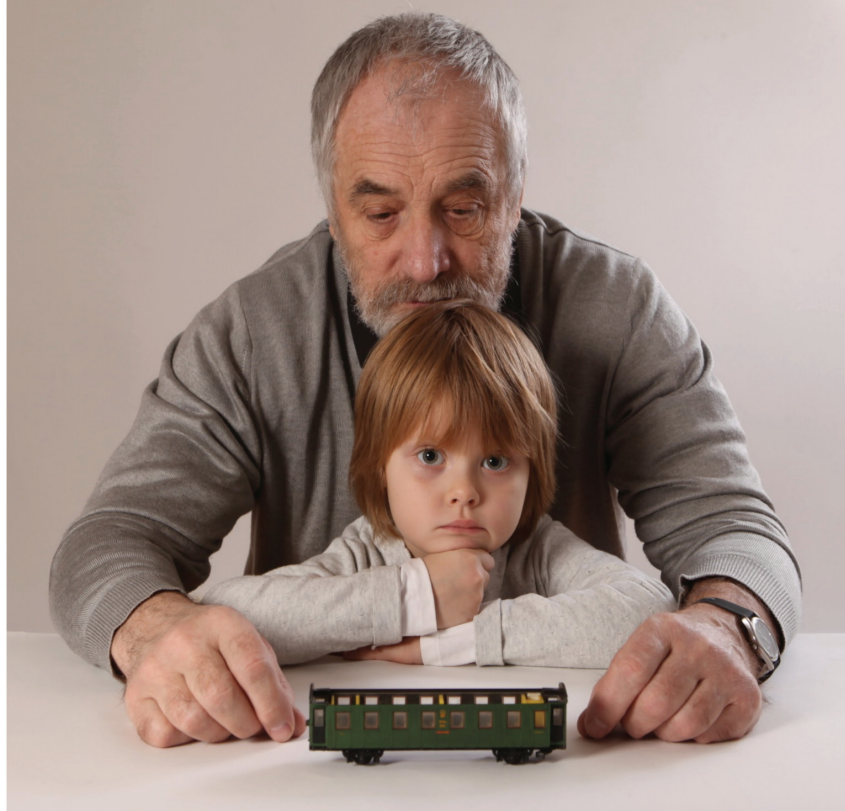

В И К Т О Р   К О С Т Р И Г И Н

где живут лилипуты

Виктор Костригин

Где живут минуты

УДК 89
ББК 84(2Рос=Буря)
К725

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии».

К725 Виктор Костригин
Где живут лилипуты / – Улан-Удэ : НоваПринт, 2016.
– 172 стр. с илл.

В этой книге впервые объединены рассказы и пьесы Виктора Костригина. Собранные вместе, они образуют книгу «Где живут лилипуты». Мир детства так или иначе открывается во всех рассказах. Детство, как камертон чистоты человеческих отношений, незамутненного взгляда на красоту мира.

ISBN 978-5-91121-157-8

ПЯТЬ СУТОК С ПИРОСМАНИ

Посвящается В. Н. Коростылеву

Я шел веселый и злой. Думал, кого же отправят к жильцам пятых этажей после такого дождика? Дело в том, что нас с Шурой Барановым отправляли латать, заливать гудроном крыши возведенных стройбатов домов. Меня посылали как человека, умеющего разговаривать с людьми. Мы обходили квартиры, зарисовывали, записывали, на каких стенах подтеки. Офицерские жены кривились, разговаривали с нами, выражая такое неудовольствие, словно это мы заставили их выходить замуж за офицеров, которых как нерадивых учеников в классе отправили на «камчатку». А может, они кривились, глядя на наш внешний вид. Форма у стройбата всегда напоминает халат пьяного грузчика в магазине. За это презрение мы платили новыми разводами на стенах. Мы ничего не делали и только утруждали себя тем, что приходили после дождя и спрашивали:

– Ну, как, еще бежит?

Они говорили:

– Бежит.

Мы честно смотрели в глаза и удивлялись:

– Но меньше? Ведь меньше же бежит?!

Им ничего не оставалось, как выдать из себя:

– Д-да, меньше...

– Вот и отлично, вот и хорошо!

Кого бы ни отправили, – думы мои были не долгие; холодно, мокро, – вокруг начинался потоп.

... Камчатка терпела последние, но сильные удары тайфуна «Эльза». Ветер играючи надувал зонтики, как паруса, заставляя девушек бежать по тротуарам, казалось, будь зонтики побольше – девушки летали бы по небу.

Уши закладывало как в самолете. Машины останавливались – «дворники» не успевали убирать потоки воды с лобовых стекол. По тротуарам бежали цветные ручьи – ливень смывал побелку с домов. Девушки снимали туфли и шлепали босиком. Мне тоже хотелось сбросить сапоги, но я не мог – меня вел старшина на гарнизонную гауптвахту. Мы долго местили грязь, поднимаясь в гору. Подошли к дверям, я нажал на кнопку звонка и дверь ожила, в отверстие вплыл глаз, словно рыба подплыла к стеклу аквариума и уставилась на меня. Открыл матрос и запустил нас в пасть этой рыбы по имени «губа». Старшина долго ходил, у меня даже промелькнула мысль, что меня не возьмут. Губа была всегда переполнена, и за каждого бойца должны были привозить краску, гвозди – все для ремонта, а у старшины был долг... Но, видать, так сильно просил – меня взяли. Поставили в строй последним. Потное, грязное, несколько дней не мытое отчаяние летало вокруг строя. Гарнизонная губа вообще – место веселое, каждой твари в ней по паре – матросы, морпехи и «сапоги», так матросы называют солдат. Стекаются сюда в основном «сливки» армейского общества, но жара и скотское хождение торжественным маршем по кругу превращают явных разгильдяев во вполне сносных солдат... на какое-то время. Летом никто не хочет сидеть, все стараются побыстрее вырваться на волю, если не на волю, то хотя бы на работу. «Покупатели» стояли в стороне, покуривали, пряча сигаретки в рукав, курить на губе запрещалось, солдаты втягивали воздух и крутили головами, пытаясь разглядеть, кто пришел за «рабсилой».

Его выхода всегда ждали. Царь и Бог, начальник гарнизонной гауптвахты. Никто не знал, из каких дверей он выплывет на этот раз. Открылась дверь кухонной подсобки и в дверях, как в раме картины, застыл Устиныч. Толстый, он не мог переплюнуть своего живота и растирал плевков рукавом на груди, поэтому в центре этого глобуса «материком» красовалось засаленное пятно. Упитанные прапорщики всегда напоминают генералов после пьянки. Когда на флоте вернули звание «старший мичман», Устиныч появился в черной шинели и

долго боролся с собой, чтобы не плюнуть на грудь... гримасы боли мелькали на его лице...наконец он мучительно сглотнул.

Медленно, словно слепой, нащупывая ногой плац, он делал первый шаг. Проволока, которой были привязаны верхние пуговицы шинелки, поблескивали от напряжения. Каждое утро у него начиналось с одной и той же фразы:

– Так, кто мечтает освободиться?

У кого кончился срок, делали шаг вперед, кто по незнанию делал этот шаг первым, – мечтал напрасно, Устиныч его за-поминал и добавлял срок. Да и действительно – это просто плевков в лицо Устинычу, разве на губе плохо? Губу нужно по-кидать нехотя, при этом, глядя на Устиныча, можно пустить слезу: «Как, мол, без тебя, родной?» То же самое с работой – проходя, он заглядывал в глаза и тех, кто сильно хотел рабо-тать, он оставлял маршировать. Только равнодушные ставили его в тупик. Я иногда прикидывался, что мне «все равно», и он отправлял меня на работу.

На губу попасть не сложно, – одиночку нужно заслужить. Спать «строем», поворачиваться ночью по команде мне не понравилось, и я попросил отдельный номер. Первые трое суток «добавки» я заработал за то, что сорвал торжественную часть утреннего развода. Когда Устиныч заглядывал в глаза и ждал ответного влюбленного взгляда, я от большого усердия просто задержал дыхание, не дышал и так весь напрягся, что воздух нашел другое отверстие и пропел, как полковая труба. Такой спектакль испортил!

Когда у меня заканчивался первый срок и я пел в своей одиночке от радости, незаметно к окну подошел Устиныч, по-стоял, послушал и добавил еще двое суток: то ли я фальши-вил, а может, ему понравилось. Но я потерял равновесие. Приближался праздник – День Советской Армии, я знал, что будет амнистия, и мы начали «жить по Уставу». Сначала по-требовали газеты: положено – принеси! Освободили Кузю из холодной, в конце коридора была камера, где окно не име-ло стекла. Два раза объявляли голодовку – после завтрака, а

потом после обеда. Помню, как уставился молоденький лейтенант на пустые чашки, когда я объявил ему о голодовке, он начал говорить, что мы ведь уже поели? Я его перебил, сказал, что это ничего не значит, мы начинаем голодовку с этой минуты.

Так мы куражились, потому что на губе не было Устиныча. Требовали отвести нас на прогулку. По Уставу «одиночкам» была положена короткая прогулка, но про это как-то забыли. Мы напомнили и добились своего. Почему начальники караула так боялись «бунта на корабле» я не знал, но рисовались картины, как Устиныч порет их розгами после дежурства. Двадцать второго февраля я вернулся в часть. Так мы с Устинычем знакомились – он мне «добавки» а я ему «спасибо». Расстались при взаимном уважении, как мне кажется.

Вот мы снова встретились. Пройдя строй, Устиныч остановился и долго молча смотрел на меня. Я набрался наглости и попросился в одиночку. Хотя он делал всегда все наоборот, тут он неожиданно для меня согласился. Наверное, старшина что-то напел ему такое, что лучше было держать меня в одиночке. Хотелось просидеть в одиночке, чтобы не иметь замечаний и выйти ровно через пять суток. Это было делом принципа.

Камеры одиночки отгораживала железная решетка, за которой ходил матрос с карабином. Отвели в ту же камеру, где я уже сидел. У этой камеры было одно достоинство – окно выходит во дворик, через который проводят всех губарей на обед. Отодвинув угол сломанного стекла можно было попросить сигарет. Губари просто на стены лезли без курева. Выворачивали карманы, чтобы вытрясти остатки табака. Они часами обследовали камеру в поисках «бычка», умоляли «ружье» дать хоть одну сигаретку на всех. Мне было легче, я бросил курить во втором классе.

Первый день пролетел совсем быстро, я только успел расспросить, кто и откуда, за что сидит. После отбоя я долго

ворочался, отвык от вертолета. Вертолет – это две сколоченные доски вместо кровати или дивана, кому как нравится. Чтобы заснуть, я старался не думать о капитане, о фильме... Чем больше я старался, тем меньше мне это удавалось.

Между стройбатом и зоной больше сходства, чем различия. Днем мы долбили подвалы. Пятиэтажный панельный дом уже возведен, а подвалы высотой в один метр. Нас загнали в подвал, и мы в полусогнутом состоянии ломami долбили землю, выносили на поверхность. Было бы совсем не по-стройбатовски, если бы сначала вырыли котлован. Устали больше от тупости этой работы. После ужина сели смотреть телевизор. Начался фильм «Пиросмани, Пиросмани», уже через какое-то время я забыл про усталость, все в этом фильме было необычно – и игра актеров и манера говорить. Мысли о вечном, прекрасном, о любви... Это был один из фильмов, когда «себя забываешь». Я жил мыслями и чувствами Нико. Если и прорывалось собственное сознание, то через детские воспоминания, может, это шло от радости его восприятия мира. Это трудно объяснить, но слезы восторга выступали на глаза. И так меня увел фильм, что я даже не понял, когда погас экран! Словно кто-то грубо разбудил от прекрасного сна.

Телевизор отключили в канцелярии, там сидел дежурный по роте. Мы столкнулись с капитаном в дверях, он держал журнал, чтобы проводить вечернюю поверку. Я просил включить телевизор, чтобы досмотреть фильм. Как ни упрашивал, все было бесполезно. Главное, что вечерние поверки проводились произвольно, двадцать-тридцать минут ничего не решали, по тому что бригады со стройки приходили по-разному.

Когда я понял, что кино уже закончилось, такая злоба на меня накатила и такая беспомощность, как в детстве, когда старшие обидают и ты ничего не можешь... В ту минуту я покрыл бы его узорным матом, как палехскую шкатулку, но сдержался, сказал только:

– Правильно, что на вас даже букву «Е» пожалели!

Я не видел выражения его лица, мне уже было все равно. Пошел, упал на кровать, когда шла переключка, не встал, ребята сказали, что я заболел.

История с буквой «Е» началась на политзанятиях. Капитан что-то читал из газеты, его никто не слушал, все занимались своими делами, кто писал письмо, кто читал книжку, но то в одном, то в другом углу раздавался смех. Капитан заметил, что передают журнал. Когда журнал стали передавать в первые ряды, он бросился, как на амбразуру, и выхватил журнал. Такой прыти в его тучном теле никто не ожидал. Объявил перерыв и через какое-то время вызвал меня в канцелярию. Бросил передо мной журнал «Крокодил», где было написано, что старшина – козел, капитан – пидарас!

- Это твоя работа.
- Почему вы так решили?
- Только ты печатными буквами пишешь.

Действительно, оформляя ротные стенгазеты, я писал печатными буквами. Я не без удовольствия всмотрелся в «работу».

– Нет, это не моя работа, слово «пидарас» неправильно написано.

- Как неправильно?
- Пидарас пишется через «Е» – педераст.

Мне показалось, что я слышу, как в наступившей тишине в его замечательной голове что-то ухнуло, словно учительница русского языка и литературы от бессилия ударила его по голове книгой.

- Ты знаешь, кто это написал?!
- Догадываюсь.
- Мы помолчали.
- Иди отсюда!
- Есть!

Утром капитан кричал старшине, чтобы показали мне кино. Вот я лежу на губе и смотрю свое кино.

Интернат. Идет урок. Слышно, как во двор въезжает машина, мы переглядываемся, всем понятно, что завхоз привез фильмы. Урок закончен, мы срываемся и бежим помогать тащить железные банки в актовый зал. Остаток дня проходил

уже в предвкушении вечернего праздника. После подготовки уроков – фильм! Что это было для нас, трудно представить. Мы были «неуловимые мстители», мы вытирали под носом «по-чапаевски», жили в «городе мастеров», и у каждого в груди билось сердце «мальчиша-кибальчиша». Если фильм был про войну, это значит вечером в спальном корпусе один класс, вооружившись подушками, пойдет на другой. Сколько было перьев – позавидовали бы индейцы.

Самым страшным наказанием было, когда воспитательница лишала тебя просмотра – сидеть в классе и слышать иногда взрывы смеха из актового зала, потом смотреть на счастливые лица одноклассников, которые наперебой стараются пересказать фильм.

Когда мы подросли, то нашли выход. Одно из окон спального корпуса выходило на сараи соседнего дома. Вместо себя мы сворачивали «куклу» на кровати, а сами выпрыгивали и шли в центр города, где почти рядом находились пять кинотеатров. Чаще всего раскачивали двери выхода в «Родине». Жестью обитые двери закрывались на большую вертушку, поэтому открывание дверей мы называли «от винта!». Иногда складывались на один билет и засылали «троянского коня», который, не стуча копытами, пробирался и «запускал самолет». Мы расползались по залу и, замороженные, смотрели на экран, тут нас дежурные тетюшки с железными руками и брали. Мы возвращались, а по дороге каждый предлагал свое продолжение фильма. Особенно это удавалось Игорю Липатову, он в наш класс пришел в шестом – у него умерла мама. Он много читал и даже сочинял стихи, которые никому не показывал. Однажды нас выловили в кинотеатре и в спальня корпус привезли на милицейской машине. Утром был разбор полетов. Старшая воспитательница всех ругала, а меня почему-то пропускала. И тогда Коля Харлашкин, стоявший рядом, прошипел: «У, Гапон».

Так незаметно я и заснул, словно находился среди своих в спальном корпусе.

В одиночке просыпаться нужно заранее, спрятать шинелку за дальний выступ, на который кладется «вертолет». С вертолетом в руках стоять перед дверьми, чтобы дежурный не успел опомниться, как ты пулей вылетаешь и относишь еще теплые доски в кладовку, которая была на улице. Затем, прикинувшись дурачком, словно ты первый день сидишь, спросить: «Что, шапку тоже на вешалку?» Лишь бы он не спросил про шинель. «Ружье» что-нибудь гаркнет по поводу, что «сапог» он и есть «сапог». Охраняли чаще всего матросы, а они не могли простить нам, что мы служим два, а они три года.

Главное сделано, теперь нужно дождаться завтрака, когда чашку отдал и дверь закрылась, наступает твое время, до обеда тебя никто не потревожит. В одиночке я научился смотреть сон и в то же время следить за развитием сюжета, влиять на его ход. Это не совсем сон, а такая полудрема, чем-то похожая на засыпание под телевизор, когда ты становишься одним из героев.

... Я иду по городу, но теперь не старшина ведет меня на губу, а я гуляю с Пиросмани. Девушки летают по небу, держась одной рукой за зонтик, другой стыдливо прижимая платя к ногам, цветные ручки стали еще ярче. Я снял сапоги, а Нико – сандалии, глядя на нас, встречные улыбались. Серый, грязный город с людьми, на лицах которых можно прочесть только «будет еще хуже», вдруг приобрел воинственный вид, прохожие походили на моряков парусника, которые дождались ветра! Я хотел сделать Нико сюрприз и попросил его закрыть глаза, когда мы подходили к ресторану. Мы остановились, Нико открыл глаза, увидел в витрине большие репродукции своих картин. Я показал ему на вывеску, где на грузинском языке блестела надпись «Пиросмани». Нас уже заметили, к стеклянным дверям бежал швейцар, бакенбарды летели рядом. Он махал руками, чтобы мы не касались дверей. Я все-таки открыл дверь и стал говорить швейцару, что это Нико Пиросмани. Он отвечал мне на каком-то не человеческом языке. Понятно, что наш вид не соответствовал рангу этого заведения. Около дверей я заметил никелированный

цилиндр, в котором стояли зонтики, план созрел мгновенно, выхватив два зонтика, я выбежал на улицу. Мы бежали, а когда открыли зонтики, нас подбросило вверх. Я подлетел к Нико и поймал его за руку, чтобы нас не разнесло в разные стороны.

Дух захватывало, мы поднимались все выше, от восторга я запел: «О гело, о гело, нанина»

Почему-то вспомнился припев, а в каком грузинском фильме я его услышал, вспомнить не мог. Иногда к нам подлетали чайки и удивленно косились на нас. Ветер стал стихать, и мы удачно приземлились около большого универмага. Чтобы согреться, зашли внутрь. Мы шли, оставляя мокрые следы. Вспомнил, что под погоном у меня зашита трешка, я всегда зашивал на случай попадания на губу. Надорвал погон и достал трешку, мы двинулись в буфет. Нико увлеченно смотрел на батарею бутылок. Я понял, что он смотрит на вино «Пиросмани», на этикетке сидели его князья за большим столом. Купили вино, разлили по стаканам, Нико попробовал и поморщился, сказал что-то по-грузински. Без перевода было понятно: «ослиная моча». Он пить не стал, я выпил, ведь вкуса настоящего вина я попробую еще не скоро. Мы вышли из буфета, и Нико увидел отдел с детскими игрушками, потащил меня за собой. Он так радовался всяким безделушкам, прыгал, свистел, мамы поспешили увести своих деток. Я нашел ему двух кукол на полянке «Пиросмани и Актриса». Она чем-то напоминала знаменитую примадонну. Объяснил ему, что нужно покупать розы, втыкать их в полянку, и тогда прозвучит знаменитый хит «Миллион алых роз». Нико помрачнел, потом бросил этих кукол на пол и стал их топтать. Хорошо, что он не заметил целую полку своих двойников.

Убежать мы не успели, у выхода нас задержала милиция. Отвезли в отделение и посадили в «обезьянник». Когда все выяснили, то я оказался дезертиром, каким-то странным образом убежавшим с губы, а Нико – сумасшедшим, возомнившим себя художником Нико Пиросмани.

Сквозь сон я услышал, как отворяют двери, я даже успел подумать, что открывают обезьянник, но открывали камеру: принесли ужин.

В одиночках сидели нарушители дисциплины на губе и подследственные, совершившие преступления в армии, их было большинство, перед отбоем им выдавали матрасы, они сидели месяцами. Мне надоела эта спартанская жизнь, да и из принципа отсидеть без «добавки» мне показалось не столь заманчивым, и я рискнул.

Когда начкар закончил выкрикивать тех, кто получал матрасы, я громко крикнул в «телевизор»: – А мне почему не выдаете? – Он спросил мою фамилию. Я выкрикнул, он еще раз взгляделся в список.

– Тебя в списках нет.

– Как это нет, меня специально отсадили, потому что у меня больные почки. Мне матрас положен, хоть у кого спросите.

Из нескольких камер, которые слышали мои требования, раздалось: – Да, да, ему положено!

– Устиныча завтра спросите.

– Спрошу, – промычал начкар, но понятно, что не спросит, потому что, если мне не положено, то Устиныч взгреет его за самоуправство...

Матрас мне выдали! Я рисковал получить «добавку», но кто не рискует – спит на досках.

Уже на пятые сутки, когда нас вывели на короткую прогулку и мы стояли с помначкара от курящей братии в стороне, потому что мы были некурящие, он меня спросил: – С матра-сом ты меня вчера объехал на хромой козе?

– Так точно, товарищ мичман!

– Ты всех так?

– Всех.

– Ну, тогда ладно.

Хороший оказался мужик.

Когда мы поужинали и чашки выставили за дверь, я с нетерпением ждал, когда будут выдавать вертолеты, чтобы

сопровождать Нико в сумасшедший дом. «Объехав на хромой козе» очередного начкара – получив матрас, я шагнул прямо в приемную палату сумасшедшего дома.

Встретил нас санитар Боря, он всегда приходил встречать новеньких, у которых обнаруживалась какая-нибудь мания величия. Если санитары в своем большинстве угрюмостью сами больше походили на пациентов, Боря отличался веселым нравом. Бывший актер, его списали за профнепригодность, он не умел играть пьяным. Долго не мог найти работу и когда встретил главврача больницы, где всегда не хватало санитаров, сразу согласился. В больнице его помнили, в студенчестве ему пришлось там подрабатывать. Актерские способности нашли тут свое применение – он подыгрывал, успокаивал и уговаривал на укол. Из театра он приносил списанные костюмы. Когда дежурный врач засыпал, дурдом превращался в театр абсурда.

Борис не носил белого халата, чтобы не пугать пациентов, этой привилегии он добился, когда зашел в палату и успокоил двух буйных, на которых белые халаты действовали как красная тряпка на быка. Поэтому когда он протянул руку и представился: – Борис, актер... – Нико, не чувствуя никакого подвоха, ответил на рукопожатие и представился:

– Нико Пиросманишвили, художник.

Я стоял в стороне, с Борисом я был знаком уже лет десять. Было время, когда он работал в интернате вечерней няней, – дежурил в спальном корпусе.

Борис пригласил нас войти в палату. Мы не успели оглядеться, как старшина гаркнул:

– Прошу всех встать, суд идет!

Все встали, я увидел, что рукава халатов у всех судей были завязаны на спине. За судейским столом сидела тройка – Устиныч, капитан и старшина. Сократовский лоб Устиныча резала красная полоса от фуражки, словно он только что ее снял, мне всегда казалось, что это своеобразная ватерлиния, выше которой мысли не всплывали. Над головой капитана висела корона в виде лежащей буквы «Е». Старшина,

тело которого «дали на сдачу», смотрелся ребенком рядом с двумя толстяками. Устиныч уставился на Нико.

– Ты кто?

– Художник.

– Надоели художники со своими художествами... Слава богу, у меня всегда есть для вас занятие. Борис, дай ему карандашик.

Нико еле удержал большой шестигранный лом.

– Этим карандашом рисуют ямы, зимой рисуют лето. Носи карандашик всегда с собой.

Рядом со мной раздался лай, я отпрыгнул в сторону, подумал, что меня сейчас укусят. Брызгая слюной, лаял капитан, среди лая я начал различать слова:

– Ес-ли чи-та-ет кни-гу – вы-р-р-вать стр-р-р-ра-ни-цы, музы-ку слу-ша-ет – вык-лю-чить, фильм ос-та-но-вить!

До меня доходило, что за окном лает столовский пес Боцман. Я заставил себя проснуться. Это было утро моего освобождения.

Открыли дверь моей камеры, я начал докладывать:

– Старший по камере, военный строитель, рядовой...

– Ты что, не один сидишь?

– Я дурак, что ли, один сидеть?

Новый начкар пытался заглянуть в камеру и увидеть еще кого-нибудь. Начкар, сдававший смену, был доволен, что не только он купился на эту незамысловатую шутку. Дело в том, что когда в общую камеру входит начальник караула, то старший по званию из числа осужденных должен доложить, что в камере столько-то солдат...

Но и на самом деле я ведь не шутил, со мной сидели все мои друзья и новый знакомый – Нико Пиросманишвили.

Я выносил вертолет на улицу, во дворике наткнулся на Устиныча, он шел в свой кабинет. От такой неожиданной встречи у меня вырвалось:

– Товарищ мичман, пять суток и ни одного замечания, я свободен?

– Это ты решил?

– Нет, Пиросмани, – вырвалось у меня.

– Какой Пиросмини, не знаю, но если он решил, пусть он и освобождает тебя.

– Тогда я полетел?

– Лети, – пробурчал Устиныч.

Две доски вертолета, напоминающие вертушку в дверях кинотеатров, – все в тот миг слилось в непреодолимое желание взлететь, и я с такой силой крикнул: – От винта! – что остальное промелькнуло мимо меня.

Я летел, я летел домой, крылья самолета раскачивались, я молил Бога, чтобы они не отвалились. Я пролетал над городом, хотел разглядеть губу, свою часть, может, точкой увижу Устиныча?

Я закрыл глаза – рядом со мной сидел Нико Пиросмани, мы снова летели.

Р.С. Руза. Дом отдыха СТД. Семинар драматургов Сибири и Дальнего Востока. Среди приглашенных Наталья Коростылева – завлит Театра сатиры.

Мы познакомились, и я, испытывая смутную надежду, спросил:

– Коростылев, написавший «Пиросмани, Пиросмани», не родственник вам?

– Это мой папа.

Такой тесный мир! Я рассказал ей эту историю. Просил передать поклон отцу.

Наташа пообещала поведать Вадиму Николаевичу про такого поклонника его Нико Пиросманишвили.

Уже позже я узнал, что это был телеспектакль Тбилисского театра, а Пиросмани сыграл Отари Мегвинетухуцеси.

Петропавловск-Камчатский, Руза, Ангарск

ЛЮ-ЛЮ-СЫ

*Посвящается Володе
и Лене Килиным с благодарностью*

Машина перед границей пошла медленнее, я проснулся и застыл, очарованный фантастической картиной. Перед нами степь, до горизонта покрытая цветными, сверкающими на солнце не то флажками, не то фонариками. Первая мысль – неужели и сюда докатилось современное авангардное искусство? Еще какое-то время я ехал восторженным придурком, но скоро все разъяснилось. Подъехали, и оказалось, что это разноцветные пластиковые мешки, они разлетелись, цепляясь за сухую траву. «Челноки», перейдя границу, освобождаются от лишних упаковок, а ветер, как современный художник, пугает новыми формами тарбаганов и сусликов. Как мне раньше удавалось не замечать этой красоты? Надо же было солнышку высветить этот мусор к нашему приезду, а нам не опоздать на это представление.

Подъезжая к переходу, поняли, сегодня границу не пройдем: гусеница машин из сорока еле двигалась. Напарник Юрка пошел посмотреть знакомых в очереди. Я готовил ужин, когда почувствовал взгляд. Оказалось, что прибежал главный Таможенник. Его все равно придется кормить, но я доволен, что он вообще прибежал. Мы заметили, если Таможенника накормим, то пройдем переход без проблем. Галстучный узел веревки – это все, что осталось от бывшего интеллигента. Когда-то белая шерсть на обвисших боках скаталась и болтается маленькими мешочками. Взгляд стал пустой, немигающий и от этого наглый. Таможенник ел только колбасу, сыр, иногда мог позволить себе рыбные котлеты. Когда заканчивали ужин, увидели, что подъехала новосибирская фура. «Фредлайнер» белого цвета смотрелся кораблем на фоне начинающего темнеть неба. Таможенник, не

прощаясь, перебежал, сел и уставился голодными глазами на нового водителя.

Переход закрыли, машины поджались, готовились ко сну. Водители стали собираться по интересам, – кто пить водку, кто играть в карты или смотреть видео, но чаще всего просто поболтать. Иногда, на стоянках, в кабину набиваются водители, и машину начинает сотрясать хохот, словно все обкурились, кажется, еще немного и кабину разорвет. Сегодня решили залечь пораньше и выспаться, со временем я научился быстро засыпать, когда двигатель ровно работает, но это сон сторожевой собаки.

Уснуть так и не смогли, Юрка долго ворочался, потом начал одеваться.

– Далеко?

– Не спишь? Пойду маленькую возьму.

Я скатал свою постель и забросил в спальник, достал продукты и стал ждать. От Юрки ушла подружка, ушла без прощаний, оставила записку. Прожили год, и со стороны все у них было нормально. Юрка преобразился, купили модный пиджак, немецкие ботинки и черную приталенную рубашку. Пиджак стального цвета и начинающий сидеть бобрик до неузнаваемости его преобразили.

Каждый приезд в Китай он искал новое, какое-нибудь оригинальное нижнее белье для Ирины. Часто просил помочь ему в выборе, был у нее такой пунктик. Китайским размерам не доверял и всегда ладошкой проверял верность объема. Я просил его не закатывать глаза. Она работает экономистом в большой фирме, крутится среди ухоженных молодых людей. На обратной дороге частенько видел, как Юрка пытается выковырнуть въевшийся под ногти мазут...

Юрка принес две бутылочки хрущевской (кукурузной) водки и заметно повеселел, когда увидел, что я не сплю. Но веселье быстро закончилось, – на сытый желудок водка не шла, кое-как домучили одну бутылочку, вторую он пил один и все время повторял: «Все понимаю, но какого хрена она лапшу мне вешала... про наше светлое будущее».

Проснулся рано, от тишины, но покидать нашу самодельную кровать на передних сиденьях не хотелось, решил подождать, когда солнышко нагреет кабину. Юрка спит, даже не шевельнется, интересно, что ему снится. По кабине промелькнула тень, я приподнялся и увидел, как на стоящую впереди машину с металлоломом запрыгнул китаец и сбросил на обочину звено гусеницы. Сигналить не стал, чтобы не будить остальных. Китаец увидел меня, как бабочка слетел с кузова, взял звено и испарился. Хозяева так крепко спят или ночуют, где ночь срубил, а могла – в любой ночлежке, которые стали городить в домах, близких к пропускному пункту. Там можно дешево перекусить и выпить. Пытаясь заснуть, поворачиваюсь на правый бок и упираюсь взглядом в Николая Чудотворца. Эту иконку подарил знакомый батюшка отец Владимир.

Не спится. Вспомнил бабушку с внуком... Заметил их сразу, как только вывернул с танхойской заправки. Она долго держала руку поднятой. Что-то такое знакомое мне увиделось, словно на фотографию смотрел. Притормозил.

– Возьмите до города, уже час стоим, замерзли все.

– Садитесь.

Она подсадила внука, забросила сумку и проворно залезла.

– Вас просто Бог послал.

– Да. Он утром на планерке говорил, когда около Танхоя проезжать будете, бабушка с внуком стоять будет, заберите...

Она внимательно посмотрела на меня, заулыбалась. Развязала шапку внуку, но снимать не стала, расстегнула плюшевое полупальто, опустила на плечи шаль и гребешком поправила волосы. Я краем глаза наблюдал за ее действиями и радовался узнаванию – так сильно она напомнила мою бабу Аню. Кабина ожила, наполнилась жизнью, словно я проснулся от запаха оладушек, которые бабушка пекла по утрам.

Разговорились. Катерина Васильевна с внуком едет в город, в больницу. Колено уху чем только ни лечили, закапывали, грели, жгли газету, не помогло. Теперь в город к врачу, ухо-горло-носу. Колька отогрелся и уснул накрытый бабушкиной шалью, как крылом.

Вспомнил, как сестра смешно показывала бабу Аню. Бабушка бегала по обрывистому берегу и, как курица крыльями, била себя по бокам и кричала: «Верка! Верка! Витька тонет!». А я в двух метрах от берега попал в яму. Подплывал к берегу из последних сил, думал, что уже берег. Опускался на дно, отталкивался и поднимался на поверхность, хватал воздуха и уходил на дно ямы. Пока сестра не подплыла и не вытащила меня.

Живут они вдвоем, Колина мама уехала и работает в городе, на табачном складе. Она второй раз вышла замуж. Муж работает электриком на шахте. Вахта. Месяц на шахте, месяц дома. Одно плохо, бьет ее, месяц для дочки годом кажется, пьет и бьет, «просто в уголь избивает, чтоб у него руки отсохли, аспид». Первый муж из армии не вернулся, выучился на прапорщика и служит во Владивостоке. Так и остался Колька – отец не признает и второму мужу не нужен. Иногда дочка приезжает, когда он на вахте. Картошки, солений набрать и с деревенскими подружками поболтать. Обязательно привозит какой-нибудь подарок, последний раз привезла самокат, теперь еще одна забота – ходить с внуком на асфальтированный школьный двор кататься, следить, чтобы пацаны самокат не отобрали.

Пока мы разговаривали, Юрка отдыхал в спальнике, он всю ночь тащился по Култуку и теперь будет спать до обеда. Как у водителя, у него есть замечательное качество: он запоминает дорогу и всегда знает, нужно ли притормозить или наоборот прибавить газу на закрытом повороте. Частенько кричал: «Не тормози, в гору пойдем!». Поэтому Култук проходил за пять часов, а я мог тащиться часов семь – восемь. Не раз слышал, как матерились водители с Запада, пройдя зимой сто километров подъемов и спусков. Если попадали в снегопад и, не дай Бог, машину стаскивало с дороги, кричали, что вырвут эту страницу в атласе дорог.

Когда Юрка спит, я еду спокойно, он меня не дёргает. Напарник прошел школу воруйлеса, все время вспоминал какого-то Женьку, который научил его водить «Камаз». Теперь уроки ма-

стерства передает мне. Есть такая манера преподавания, когда учитель взлетает над учеником и клюет в темечко. Поменяв в сорок лет легковую букашку на двадцатиметровую фуру, первое время испытываешь неудобство на наших дорогах. Это как гроб стаскивать с пятого этажа в подъезде хрущевского дома.

Моментами я срываюсь на Юрку, что называется, по полной. Категории «Е» у Юрки нет, поэтому все посты ГАИ проходил сам. Ну и смотрится Юрка как подмастерье, – у меня борода, седые волосы, а у Юрки двадцать лет на лице и фигура подростка.

Как-то на посту потребовали санпаспорт, а он просрочен. Делаю вид, что ищу его по всем курткам, кабине и начинаю материть Юрку последними словами. Это, мол, он последним документы показывал. Гаишник не выдержал и из сочувствия к Юрке отпустил. Мы взяли это на вооружение, ну и материл я его на постах по-разному поводу. Добавляя иногда и то, что к гаишникам никакого отношения не имело.

Китаец с новым русским именем Вася загрузил нас трансформаторной сталью. Пока машина едет, я тихо радуюсь. «Тихо», чтобы не спугнуть своего счастья, когда в руках баранка старого «Камаза». Дорога знакомая, мы не раз на ней ремонтировались. Не забываю перекреститься на месте ремонта. Когда осеяю себя крестом, бабушка тоже крестится и смотрит на меня. Я объяснил, почему перекрестился. Не раз зимой приходилось спать в машине с неработающим двигателем. О чем только ни передумаешь за ночь, когда просыпаешься каждые полчаса от холода и кочегаришь паяльную лампу, пока в кабине становится нечем дышать. Катерина Васильевна вздохнула и еще раз мелко перекрестилась.

Беседуем о жизни, и так душевно у нас идет разговор, что совершенно не замечаем оставленных километров. Плюш на бабушкином пальто кое-где начал плешиветь, а совсем разношенные петли она старательно обшила новым материалом... Делаю вид, что поправляю чехол на сиденье, а сам незаметно погладил рукав. Такие пальто остались, наверное, только в деревнях.

Руки у бабушки прозрачные, видны самые тоненькие жилочки. Уткнувшись в них и поплакать, как в детстве. Последнее время дорога идет на восток, и я не могу заехать на Красноярское кладбище навестить маму и бабушку.

Однажды, когда проезжал мимо погоста, мне на секунду показалось, что я увидел стоящую группу людей, приглядевшись, понял, что это разные по высоте и цвету памятники, они стояли около деревянной часовенки. На городских кладбищах брошенные ржавые памятники обычно торчат из кучи старых венков и мусора, а тут они стояли рядом друг с другом. Всю остальную дорогу я думал об этих беспризорных памятниках, наверно, не случайно они показались мне людьми? На обратной дороге остановился и пошел к часовенке. С трудом открыл дверь. На полках по стенам стояли иконы и пожелтевшие в разводах дождя фотографии, некоторые были в разбитых рамках, похоже, что их сняли с памятников. Иконки пожухшие, бумажные, по краям отклеились от деревянной основы. Ящик с песком, чтобы можно было поставить свечку. Святые с икон и люди с фотографий смотрели на меня в этом маленьком пространстве, словно стояли рядом. Думал о маме, бабушке... стал повторять единственную молитву, которую выучил, повторяя за бабушкой: «Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...». Вышел, прикрыл часовенку, уже собрался уходить, увидел рядом заросшую могилу какого-то дедушки. Прочитать надпись не удалось, слезы почему-то закапали, я рвал траву и плакал. Подумал, может, и за моими могилками в Красноярске кто-нибудь поухаживает.

Своим рождением я обязан бабушке. У мамы это был второй брак, от первого осталась сестренка. Только сошлась с моим отцом, сразу забеременела. Не хотела меня рожать, не знала, что получится из новой семьи. Бабушка настояла, чтобы я родился, и взяла на себя заботы обо мне. Она поставила на ноги шестерых детей. Мужа и двоих сыновей – Ивана и Виктора – потеряла на войне. Иван до войны сошелся с женщиной, в Николаевке жили, Виктор ушел на войну нецелованным. Они

пропали без вести. Поэтому, когда я родился, меня назвали в честь погибшего в первые дни войны Виктора.

Помню, повзрослевшей сестре бабушка советовала:

– А ты выходи замуж за хромого или одноглазого.

– Почему?

– А его на войну не возьмут.

Вот и пойми, горько шутила бабушка или правда так думала.

Бабушка, сколько была жива, посылала запросы в военкоматы. Все ждала, может, отыскались могилки, но все безрезультатно.

В городе мы распрощались с Катериной Васильевной, она оставила танхойский адрес, мало ли что, может, пригодится. Я вручил Кольке складник, он лежал на передней панели, имел в наборе ложку, вилку, отвертку. Я заметил, что он ему нравится.

Так я и не уснул, а в кабине становилось жарковато, нужно вставать. Налил воду в умывальник, вырезанный из пластмассовой бутылки, умылся. У женщины с тележкой-термосом купил два чебурека и кофе. Тут уж Юрке приходится вылезать из спальника и принимать завтрак.

Началось медленное движение, мы поравнялись с туристическими автобусами, кто-то ехал отдыхать и лечиться, но в основном были женщины – челноки. Начинался «предбанник»: одинокие и не очень мужчины и женщины производили пристрелку. Кто-то по телефону искал старого знакомого, кто-то присматривал новую подругу. Челноки, это часто матери-одиночки, их не оставляет надежда. Если познакомиться на переходе не удавалось, никто не отчаивался, впереди были рестораны, гостиницы, дешевые продукты и вина, праздник был еще впереди.

К обеду мы заехали на территорию таможни и почувствовали, что-то происходит. Транспортники делают вид, что мы первый раз друг друга видим. Машины идут на возврат для устранения недочетов. Так уже давно транспортники не злобствовали. Уйти на возврат, значит потерять еще один день. Юрка пошел узнать, в чем дело.

Оказалось, что кто-то из новеньких водителей, давая на лапу, пошутил: мол, улыбайтесь, вас снимает скрытая камера. Дурак дунул, а гордые инспекторы обиделись, и все – получите и распишитесь. Так тут не шутят, таможенники и без того целый день перед «скрытыми» камерами дефилируют, все потихоньку актерское мастерство осваивают. Теперь, возможно, только после обеда начнут пропускать. Мы решили не рисковать, встали в стороне, не торопились к транспортникам. Я ходил около машин, мешая одним давать, а другим брать мзду. Улучил момент и сунул три тысячи за перегруз Косоглазому, в эту сумму вошли и лысоватые колеса, и капающее с двигателя масло. Косоглазым его сделали местные дальнбойщики, и хоть глаз остался на месте, но он уже не видел и двигался по только ему понятной орбите. После этого Косоглазого даже повысили, как пострадавшего за принципиальность, уточнять за какую, не стали. Перестановки начались, когда убрали начальника транспортников, оказалось, что он работал с купленным дипломом.

Он так хорошо исполнял свою роль, его вообще-то должны были избрать почетным академиком Автомобильного факультета и признать купленный диплом настоящим, во всяком случае, актерский диплом ему обеспечен.

Наконец-то мы заехали в Маньчжурию. Не зря кормили собачку. Нас встречали огромные матрешки, стоящие вдоль дороги. Этой гигантоманией нас удивить трудно, в октябрята и пионеры нас принимали под тенью Большой головы, и мы испытывали патриотический трепет. Со временем привыкли к ней, как к сказочному герою. Как-то рано утром увидел, как мужик сметает с головы снег, и сказочность пропала. Я начал думать, чем мы могли бы для шутки приветствовать китайских братьев на своей стороне? Может «Китайскую стену» поставить? Переходят границу, а там «Стена», и не вдоль дороги, а поперек! Они возвращаются домой, чтобы не видеть нашего «авангарда». А если залезет какой-нибудь шустрый китаец на стену, то увидит только съемки фильма по Гоголю ... И делать ничего не надо, только выпускать Городничего,

который периодически кричит: «Что это за скверный город! Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или забор – черт их знает откудова и нанесут всякой дряни!».

Нас встретила китайская девушка Наташа, хорошо говорившая по-русски, с ней мы проехали на склад и разгрузились. Она выдала нам суточные и сказала, что жить будем в гостинице «Русь». Поставили машину на овощной базе, где предстояло грузиться.

В гостинице помылись и пошли в кафе «Баргузин» откусать настоящие пельмени и поэмы. Девчонки из Забайкальска при таком обилии свежего мяса выделявали чудеса поварского искусства.

Принесли две большие тарелки пельменей ручной лепки, и такой они источали аромат, что кажется, лепили эти пельмени в моем детстве. Обычно по воскресеньям рассаживались вокруг круглого стола папа, мама, сестра, а меня, как самого маленького, садили рядом с мамой. Мяса мне не давали, потому что я его сырым съедал, и мои пельмени назывались «Витькины». Сколько было смеха и радости, наверное, поэтому они были очень вкусными. Пельмени укладывали на подносы, прикрывали газетам и ставили в сених, заморозить.

Иногда в небольшой зал кафе выходил улыбчивый хозяин, бурят лет сорока, здоровался со всеми, подсаживался к знакомым и вел неторопливые беседы. Когда мы не успевали получить суточные, ели в кредит, хозяин никогда не отказывал.

Даже хороший ужин не улучшил Юркиного настроения. Когда он сердится, похож на обиженного ребенка. Есть люди, у них на лицах застывает определенный возраст, они всю остальную жизнь носят эту маску. У Юрки маска шестнадцатилетнего мальчишки. Сейчас ему тридцать, но выглядит, от силы, на двадцать, и только ранняя седина выдает его, поэтому он всегда коротко стрижется. Мать всю жизнь работала на заводе телефонисткой, растила его и старшую дочку. Отца убили, когда Юрке было четыре года, и он не помнил его, в те редкие дни, когда отец был на свободе, дома почти не появлялся.

Все Юркины друзья были старше него, носили мохеровые кепки бакланки, телогрейки и суконные тапочки. Когда компания появилась первый раз на школьном дворе и расположилась на игровой площадке, вышел директор и спросил: «Чем обязаны столь высоким гостям?» Узнав, что они всего лишь ждут друга, директор пришел в Юркин класс и отправил его с уроков, напутствуя словами: «И пожалуйста, пусть они дожидаются тебя где-нибудь, но не на школьном дворе».

Юрка выбегал из школы, тут открывался целый мир – рядом был стадион, на котором играли в футбол, зимой катались на коньках. Парк Орешкова и завод ЛВРЗ с огромными территориями, на котором чего только не было: подшипники, свинцовые чушки, обрезки текстолита. Своими руками делали самокаты, отливали грузила и кастеты. Когда появились мопеды, стали ездить на рыбалку, осенью за шишкой. И если раньше спорили – кто больше набьет мячиком, теперь споры больше походили на подготовку каскадеров. Так однажды устроили гонки на мопедах вниз по лестнице от Дома культуры ЛВРЗ. Здание стоит на горе, высота такая, что если бы не постоянный смог над городом, можно увидеть всю столицу. Из Юркиного рассказа выходило, что виноват Ленин. Когда подъехали на мопедах к Дому культуры, он показал рукой направление мотогонщикам. Ну и полетели, как сдурели!

Во всех бедах он теперь виноват, раньше Пушкин за нашу глупость ответственный был. Все закончилось печально: Ряша летел, выпучив глаза, и победа была рядом, как потом рассказывал, «рука как-то сама нажала на передний тормоз» – он покувыркался и приземлился, сломав тазобедренную кость. Гонки на время прекратились, но нашли новую забаву – затапливать голову под рельс, когда маневровый поезд выкатывает вагоны со двора ЛВРЗ и прокатит их над тобой. В первый раз пацаны позволяют прилечь в самую глубокую и широкую ямку между шпал.

Когда я представлял себе эту забаву, думалось, что страх первых зрителей от «Прихода поезда» сродни страху от

колес, которые вот-вот оставят тебя без головы. Хотя голова в это время, наверно, и так отсутствовала.

Друзья подросли, в девяностые сколотили бригаду «катал». Юрка был «низовой», от ловкости его рук зависела выручка и количество драк. Устраивали «гастроли» в Читу, Иркутск, но там своих фокусников хватало. Мама умерла, периодически вытаскивать Юрку из милиции приходилось сестре. Он в чем-то начал повторять судьбу отца. Про первую жену не любил рассказывать, чаще просто называл ее «боевая подруга». От первого брака остался сын Димка. Обычно на обратной дороге мы останавливались возле дома, где он раньше жил, вызванивал Димку по телефону и нагружал фруктами и давал денег, когда были.

Утром позвонили и сообщили, что сегодня будем грузиться. Мы вызвали знакомого таксиста и поехали на базу. Сколько будем ждать погрузки, не говорили, машин на базе было много. Юрка увидел знакомый номер, пошел поздороваться. Машина Сереги из Иркутска, бывшего спортсмена, а теперь бросившегося во все тяжкие, но еще сохранившего фигуру пловца.

Минут через пять Юрка прибежал и сказал, что сегодня День автомобилиста. Сейчас они с Серегой отъедут минут на тридцать. Отцепили фуру от Серегиной машины и «полетели, как сдурели» – любимая Юркина поговорка.

Прошел час и два, Юрки не было, я позвонил ему, но его телефон отозвался в спальнике нашей машины. А еще через час прибежал бригадир и показал, куда нужно подъехать. Толкать фуру «задом» я только учился, а тут машины стояли так, что ее нужно было еще и «сломать». Минут пятнадцать я корячился и с третьей попытки поставил фуру под погрузку, спина у меня была мокрая, но я залез между машин. Я радовался как ребенок, но вида не подавал. Кто поверит, что бородатый седеющий мужик не умеет достойно крутить баранку. Когда подъехал Юрка, долго вертел головой, не видя нашей машины, зато увидел мой кулак из окна, заулыбался. Так я получил «боевое» крещение.

В бригаде грузчиков я заметил несколько женщин, они были мощнее мужиков. Фуру быстро закидали морковкой и капустой. В конторе сказали, что завтра к обеду постараются нас отправить. Договорились с Серегой встретиться в «Байкале». Прошлись по магазинам, прикупили одноразовой техники и разных тряпок, поехали в гостиницу примерять обновы.

Ресторан напоминал вокзал, когда объявляют о прибытии поезда. От обилия одежд разных расцветок рябило в глазах. Все куда-то идут, бегут, кричат, и поэтому мы не сразу увидели Серегу. Он один сидел за накрытым столом, внимательно рассматривая треугольную бутылку вина. Графин с водкой укоризненно смотрел на его предательство, даже вспотел от напряжения. Мы обмыли все колеса, выпили за мое крещение. Ведущий все время объявлял «белый танец», и переглядки закончились тем, что к нашему столу подошли две девушки и увели моих товарищей на танец. У меня появилось время выпить рюмку, и я знал, за что я выпью.

Жизнь так повернулась, в сорок лет пришлось получить права на грузовую машину. Я сдал на все автомобильные категории. Сразу отправился на большую стройку. Когда за пьянку выгнали трех водителей, то завгар объявил набор среди «лопат», так водители называют строителей.

Мой сменщик, молодой парень в кожаной жилетке, черных очках и в перчатках с обрезанными пальцами, такую физиономию себе нарисовал, когда к нему подошли, что я сразу понял, что «колеса в разные стороны поехали». Уж очень он не хотел второго водителя на машину, но делать нечего, надо срочно рыть котлован.

Начал возить грунт из котлована на отвал, кругом темнота и только на тракторе один фонарь. Отработал пару недель и «проклятие» сменщика меня догнало – зацепил кабину трактора. Трактор был новый, японский, и шум поднялся, потому что он был в аренде. Но это все мелочи, да и высчитали из зарплаты всего пару тысяч. Главное для меня было утром. Пришел в гараж, чтобы написать объяснительную и сдать самосвал. «Маз» – машина крепкая, она не пострадала.

Сменщик уже крутился вокруг машины и ждал меня, чтобы я освободил кузов от налипшего грунта...

У меня этот грунт вчера совсем из головы вылетел. Пришел в чистом, потому что собирался выйти в город. Я спиной чувствовал, с каким торжеством стоял этот розовощекий сменщик и смотрел за моей работой. Как я ни осторожничал, все равно пришлось идти переодеваться.

Я выпил и мысленно передал «сменщику» привет. Наверное, и его заслуга в том, что я сегодня дальнбойщик. Только обрезанных перчаток не надеваю.

Мне было года три, когда мне подарили самосвал. Я тогда жил у бабушки. Подарил, скорее всего, дядя Саша. Он дарил в детстве подарки, которые остались со мной на всю жизнь, я их помню. Машина была вся железная, покрыта красной краской, цвета комбайна, может, их клепали на нашем комбайновом заводе. Что я только с ней ни выделявал, даже ездил с горы, все ей было нипочём. Колеса были железные, и когда я катился с горы, грохот стоял на всю улицу. Бабушка жила на Мелькомбинате, на улице с названием Крутая, и это не дань времени, она просто крутая. Я вырос и через двадцать лет заехал в Красноярск – ее крутизна не исчезла. А бабушкин домик и раньше был маленький, а теперь совсем врос в землю.

Меня не оставляет желание найти свой первый автомобиль, в антикварных лавках и развалах разных городов я спрашиваю о моем железном коне.

Быстрая веселая музыка сменила «белый» танец, парни продолжали танцевать, а я стал смотреть на танцующих женщин. Сколько грации, словно они занимались художественной гимнастикой, а не таскали огромные баулы и не стояли, укутанные, как матрешки, целый день на морозе, продавая китайский ширпотреб. Вот я и нашел, после нескольких рюмок, объяснение матрешкам, встречающим нас на границе. Но и китайские товарищи, переходя границу, сильно напоминают наших матрешек, надевая на себя по пять-шесть спортивных костюмов.

Пить мы привыкли много и плохо закусывать. Однажды, гуляя с немцами, я сказал расхожую фразу: «Мы пьем, как в последний раз!» Немец Отто помолчал и выдал: «А мы, как в первый». Накушались мы с этим немцем, как в «первый» и в «последний» раз, до обмена шапками. Домой я вернулся в розовой беретке.

Юрка с Серегой почти не сидели, подходили, выпивали и шли танцевать.

Подсел читинский Игорь, он был мамонтом перевозок, ездил в Китай еще в эпоху «медной лихорадки». Деньги выводил из Китая в запасах. Рассказал, как однажды вез деньги и вот, уже под Читой, вышел, а запаски нет, а проверял километров тридцать назад. Там были деньги всей бригады. Развернулся и поехал обратно, уже смеркаться начинало, всю ночь туда-сюда эти километры бороздил. Только утром увидел примятую траву, колесо укатилось метров за пятьдесят. Счастье, что запаска на дороге не осталась.

Мы выпили за удачу на дорогах.

Водка начала подталкивать меня на танец, и я решительным шагом направился к столу, за которым сидели одни женщины. Дама, к которой я подошел, мне отказала. Выждал еще несколько танцев и пошел к ней снова. Опять отказ. Молоденькая девушка, проходя мимо нашего стола, сказала, что мама не танцует. Тут до меня стало доходить, что это мама с дочками. Искать других партнерш для танца не захотел и, выпив на посошок, распрощался с мужиками.

Проснулся я ночью... До меня стало доходить, что ко мне приходила жена. Стало страшно, подумал, что так сходят с ума... После страха пришло осознание... Что я испытывал еще минуту назад, трудно описать... Было сияние... я помню Свет на уровне груди... и я понимал, что это Она... я испытывал... восторг, что мы общаемся, не говоря ни слова, и я понимаю ее... было ощущение радости и такой нежности, которое испытывал в юности от первого поцелуя, робкого, когда касался ее руки... когда, засыпая, оставлял ей место на

подушке... было слияние того, что мы называем душами, и от этого меня переполняла радость, мы становились Светом. Мы были вместе. И вдруг все закончилось... Свет ушел, и я открыл глаза, да не проснулся, а открыл глаза... уже потом испытал страх... Жена была... Она уже три года как покинула этот мир, но теперь я понял, что не все так однозначно. Значит, общение существует не только на уровне памяти.

Мне подумалось, что, может, я умирал... Странно, я не испытывал похмелья, хотя выпито было много... Остаток ночи я думал о нашей жизни, как позвал ее на Север, и это было предложение, без белого платья, колец. Но были белые ночи и пустой город, и этот город был только наш! Письма в армию, где обведенная ручка сына и его каракули! Возвращение! И много всего...

Но все уходит, и отношения становятся ровными до безобразия. Появляются подруги, с которыми становишься откровеннее, чем с женой. Жизнь начинает идти параллельно.

И вот эта ночная встреча...

Юрки на кровати не было. Да если бы и был, рассказать это практически невозможно. Я вышел на террасу второго этажа и стал смотреть на просыпающийся город и смотрел уже другими глазами, словно мы смотрели вдвоем...

Из-за поворота вышел ослик, возница досыпал, ослик шел своей дорогой. Он поражал на фоне многоэтажных домов и новых автомобилей, на тележке лежали пустые спрессованные коробки. Словно заехал сюда случайно из другого времени. У ослика в разные стороны торчала борода, он сильно напомнил мне меня, когда по утрам я заглядывал в зеркало. Делаем мы с ним в принципе одну и ту же работу.

Теперь на перекрестке горит светофор, а когда я впервые приехал в Маньчжурию, то был поражен взаимным уважением водителей на дорогах. Проезжал первый, кто подал сигнал. Такое движение я видел только у рыб в аквариуме.

Стоял на террасе как пьяный. Вспомнил, как лет десять назад перед дверью своей квартиры увидел много белых пар парусинок. Перешагивая через чьи-то ноги, я добрался до кухни, по всему дому прислоненные к стенам и на полу спали молодые китайцы. На мой немой вопрос жена полушепотом ответила, что они все утро приходили за кипятком, суп заваривать. В окно увидела, как они пытаются устроиться спать на детской площадке, и позвала их домой. Кто принял душ, кто сразу уснул. Наша квартира недалеко от железнодорожного вокзала. Оказалось, что это школьники едут посмотреть Москву. Когда они выпались и собрались на поезд, старшая девушка, чуть-чуть говорившая по-русски, протянула денежку, жена подумала, что это сувенир и сразу отдала дочке. Китайка, скорее всего учительница, забрала деньги у ничего не понимающей дочки и показала, что это для нее. Школьники выходили, улыбаясь в благодарность. Оказалось, что дала учительница доллары. Как они выглядят, мы тогда не знали. Были девяностые годы, и жили мы не очень весело.

Лег на кровать, стал еще раз восстанавливать ночную встречу. В дверях нарисовался Юрка с двумя бутылками пива. Его пошатывало, он изобразил на лице подобие улыбки и, как марафонец, достигнув цели, упал на кровать.

Пройти переход за один день удастся очень редко. Пограничники, транспортники, сдача продукции на анализы, заполнение бумаг. От жары, после всех очередей, начинаешь потихоньку сходить с ума. Но если ты приехал на переход с похмелья, то время останавливается.

Юрка забежал с талончиком в кабинет «ветслужбы» поставить отметку, что не вывозит из Китая птиц, рыбок, сырое мясо, растения согласно длинному списку, который висел на дверях.

Сотрудник, взявшись за штампик, не поднимая головы, как обычно спросил:

– Животных нет?

И в эту минуту с Юркой что-то случилось, то ли сказалась усталость от топтания на таможне, то ли бесполезность этой проверки, которая на самом деле не проводится. Таможенник даже головы от газетки не поднимет. Юрка возьми да и скажи:

– Понимаете, китайские друзья подарили для Улан-Удэнского зоопарка лося, мы в фуре ему место отгородили, соломы подстелили, лепехи нормальные...

Ужас на лице таможенника:

– Живого нельзя!

– Так убить, что ли? Вообще-то, у него и паспорт имеется.

Он достал свой иностранный паспорт, где была фотография и подпись «Лосев Юрий Олегович». Юра подал паспорт и думал, что сейчас все разрешится и они вместе посмеются. Но сотрудник молча рассматривал паспорт. Молчание явно затянулось.

– Я пошутил.

– Какие шутки при исполнении, мы что тут ерундой, по-вашему, занимаемся? Охранять наши границы от бактериологического оружия. Что это, ненужная глупость? Вы хотели меня оскорбить? Вы представить себе не можете, что может произойти в случае начала военных действий, война начнется сначала бактериальная. Зачем разрушать здания, заводы. Ведь проще уничтожить население. Вам все хихоньки да хиханьки, а мы, думаете, только взятки берем, нет, мы еще охраняем невидимые никому рубежи нашей родины. Наша Родина находится в состоянии больного, и выжить ей или умереть, этот вопрос решается тут, на границе...

«Чешет, как по написанному, – подумал Юрка, успел только вставить: – Да, я понимаю, я хотел пошутить...»

– Вот мы сейчас вас выпустим, а запускать уже не станем, нам шутики не нужны. Сегодня вы пошутили, а завтра ради шутики привезете домой крокодила или попугайчика, а через день умрет вся ваша семья, потом соседи, подъезд, потом город.

Тут Юркины нервы сдали и он заорал: – Да какого же ты хрена тогда сидишь, не проверяешь, что я там везу?

Злость Юрку взяла, сидит в тепле, зарплата хорошая, и даже пальцем пошевелить не хочет.

Мужики сказали, что у ботаника с напарником что-то происходит, и последнюю часть диалога я слушал в приоткрытые двери.

Я попросил Юру выйти и долго объяснял таможеннику, что от напарника ушла жена и вообще все плохо... Ботаник сидел, как оскорбленная невинность, но крокодилчиков искать все равно не пошел.

И мы понеслись в сторону дома! Вороны, которые раньше разлетались метров за двести, теперь так привыкли к большим машинам, что сидят на обочине и достаивают нас только поворотом головы. После стояния на таможне езда становится наслаждением! Но ненадолго, чем ближе мы подъезжали к дому, тем смурнее становился Юрка. Я знаю, что значит ехать домой, где тебя никто не ждет, и поэтому в очередной раз просил его пересказать «шутку про Лося».

«Лю-лю-сы!» – кричали китайские грузчики, зовя нашу машину под погрузку, а мне слышалось: «СЕ-ЛЯ-ВИ».

БЛИЗНЕЦЫ

Посвящается В. Н. Круглову

Топить перестали, и в бараках стало холоднее, чем на улице. Ходячие повылезали, курили и поглядывали на ворота – ждали этап. Солнцу радовались, как дополнительной отоварке. Если долго стоять, закрыв глаза, забываешь, где находишься.

На больничку со всех зон тянулись зеки. Для этого «терялись» челюсти, глотались ложки и вилки – у каждого хирурга была своя коллекция «столового серебра». Желающих было так много, а ожидание столь длительное, что когда ворота больнички открывались, часть «счастливчиков» могла уже не заходить... Основу этапов составляли «тубики», весной у них начиналось обострение. Когда барак, отгороженный ещё одним забором, не мог вместить всех прибывающих, начинали практиковать студенты мединститута. Бирочки на койках уже не писали, а сосед по койке путал имена. Весна.

На завалинке под зарешеченным окном психушки лежала Василиса, когда-то белая с чёрными пятнами кошка. Лежала, делая иногда слабые попытки отмыть зимний «загар» кочегарки, где имела свой угол. На неё из окна смотрел «тихий» псих по кличке Эзоп. Сосульки начинали капать всё быстрее, старые зеки расправляли вечно сгорбленные хребты, а молодые прыгали за сосульками.

Эзоп первый увидел, как сорвалась с места Василиса и бросилась наперерез Хозяину. Старый, похожий на маленькую собачку кот шёл потихоньку, обходя лужи. Кличку Хозяин он получил за сходство с реальным хозяином зоны – полковником Анашкиным. Тут началось такое, что мужики, спокойно кутившие, вдруг оживились... Хозяин хотел отвернуться от Василисы, как от пьяной женщины, но не тут-то было, – куда

бы он ни шагнул, кругом натыкался на её прелести. Когда он понял, что пытаться уйти бесполезно, он сел. Начался танец соблазнения; люди вольные его увидеть не могут. Что случилось с Василисой, трудно объяснить. За что она оказалась на зоне, где один кот и нет у него соперников? Василиса выделяла такие причудливые фигуры, что мужики, повидавшие в своей жизни всякое, смотрели, словно это прыгала не кошка, а маленькая женщина. Любую из её поз можно было бы сделать памятником соблазнения, настолько они были выразительны. Они плавно переходили из одной в другую, и оторваться не было сил. Она выгибала спину, поднимала свой зад на высоту его глаз, а когда он отворачивался, давала ему своеобразные пощёчины своим поднятым хвостом. Тёрлась своей мордочкой о его шею, отбегала, прижималась к земле и, дождавшись, когда он вставал, чтобы уйти, становилась перед ним, как стриптизёрша перед богатым клиентом.

Посыпались самые нелестные выражения о Василисе и о всей женской половине человечества. Всё было бы по-другому, если бы Хозяин ответил хоть какой-нибудь взаимностью. Мужики гордились Хозяином, словно каждый поступал в своей жизни так же. Самым яростным обвинителем был Сергуня. Маленький, с лицом лисёнка, он был готов встать на защиту Хозяина, но ему не дали. Сергуню посадила жена, для профилактики, чтобы руками не махал.

Его «золотым рукам» сразу нашли применение: он колотил гробы, – спрос на них был всегда. Строгал по заказу начальства разные тумбочки и полочки, поэтому свидания получал часто, но простить своей «Лайбе» отсидку не мог.

– Сергуня, прижми жопу, не мешай. Вот придёт твоя на свиданку, а ты поешь и к стенке отвернись.

Мужики ржали, Сергуня ворчал, но на рожон не лез, понимал, что многие ему завидуют и всегда готовы, если что, настучать по башке. Эзоп волновался у решётки, он не видел всего, но по выкрикам понял, что с Василисой что-то случилось.

Глядя на кошачий стриптиз, я думал – что мне всё это напоминает? Вспомнил, как нас развозили по зонам из Красноярской тюрьмы. На вокзал привезли раньше, чем надо, и мы долго сидели на «кукорочках». Я крутил головой, хотелось кого-нибудь увидеть да и просто посмотреть на город. Это желание «приоткрыть крышку гроба и посмотреть – как там без меня?». Как оказалось, всё идёт своим чередом. Грузили нас вечером, на перроне рядом со мной сидел дед с большой седой бородой, ему было очень трудно – он долго пытался сесть на свою котомку, но у него никак не получалось. Когда подали «столыпин» и нас погрузили в вагон, все были приятно удивлены – несколько отсеков были заняты женщинами. Мужики повеселели от тепла и такого соседства. Разговор начали самые непосредственные, посыпались откровения с мужской и женской стороны. Романтические признания соседствовали с таким цинизмом, что малолетки только переглядывались. Все оживлялись, если какую-нибудь из «девочек» вели в туалет. Женщин, даже тех, кому далеко за пятьдесят, называли не иначе как «моя девочка». Шли, сдерживая шаг, пытаюсь увидеть своего избранника, которого до этого только слышали. Были и такие, что проходя, незаметно для охраны, показывали своё нижнее бельё, и в отсеке мужиков раздавался стон. Они просили ещё... Обменивались адресами, договаривались, кто и когда освобождается и где встретятся. Соединил ли «столыпин» хоть одну пару?

Неизвестно, чем бы закончился танец «зечки» Василисы, если бы не пришедший этап. Жёлтые лица улыбались беззубыми ртами. Глядя на таких откормленных котов, думали, что раз уж коты такие, то и им обязательно что-то перепадёт. Заволокли последнего больного. Лицо его трудно было разглядеть, иногда над кровавым месивом поднимались красные пузыри и лопались. Кто-то пропел над ухом: «Суке конец».

Среди тридцати доходяг выделялся Макар, он был в хорошей новой робе и кожаных перчатках. На больничке он не только лечился, но и работал, был постояльцем. За нарушение его отправили обратно на зону, но он вернулся. Трудно

сказать, была ли у него «сильная» рука или он сам был такой вёрткий. Крутился он по зонам с малолетки, общий стаж подходил к двадцати. Повидал многое, но ценили его за умение об этом рассказать.

Макара поселили в хозбараке, мест не хватало. Ему принесли кровать, и наши проходы стали поуже. Все, кто знал Макара, предвкушали, что вечером он расскажет какую-нибудь новую историю. Байки у него самые разные – как на «крытке» посадили на иглу дубака или как работал на вокзале вместе с ментами. Когда он «залетал», приходили «свои» менты и через час отпускали. Порой его рассказы казались неправдоподобными и кто-нибудь из бывалых не выдерживал и говорил, что-бы не заливал. Он никогда ничего не доказывал и не спорил, а через какое-то время в свой новый рассказ очень ловко вплетал кого-нибудь из героев прошлого рассказа, в правдивости которого сомневались. Обычно Макар рассказывал, сидя на кровати, как маленькая индийская статуэтка, иногда вскакивал и ходил по бараку, размахивая руками. В основном были рассказы об удачных делах. Были ли это дела минувших дней или очень тонкая разработка новых, кто его знает.

В один из вечеров, после отоварки, когда все напились чифиру и спать никто не хотел, да и днём со стройки принесли Ворону – он повесился, все обсуждали и гадали почему. Говорили разное, – бригадир сказал, что Воронина жена вышла за его друга. А ему сидеть оставалось ещё семь лет.

– Кто досиживать теперь будет? – пошутил патологоанатом Олег. Он всегда так шутил, когда к нему приносили очередного «счастливчика». Все пустились обсуждать смерть Вороны, говорили о верности и дружбе. Макар сел на кровати – это означало, что он хочет что-то рассказать.

– Было это в Бурятии. Забрали на этап прямо с «промки». Даже собраться, суки, не дали. Так пустой и поехал. Когда сажился в автозак, в охраннике узнал знакомую физиономию – Юрку Васильева. Что стоило себя сдержать, я вижу, что и Юрка меня узнал, но вида не подал. Он знал, что я с седьмого класса на малолетку пошёл.

Пока нас везли, я всё думал о Юрке. Вспомнил, как собирались на плотках сплавиться по Енисею. В Дудинке у меня тётка жила. Хотели выкрасть лошадей на ипподроме, уйти лесами подальше от города, там срубить плот. Начали даже запасаться инструментами – с уроков труда уносили молотки, пилы. Но весной меня уже осудили и я сплавился на малолетку... Чеки с Юркой подделывали. Валерка Курнавкин выточил «семёрку» из свинца. Валера был старше и учился у часового мастера. Выбивали в кассе «24» копейки, срезали лишнее и через копирку ставили семёрку и точку. Водка тогда три шестьдесят две стоила. Отдавали чек мужику и просили купить для папы две бутылки водки. Вечерами продавали по пять рублей. У нас во всех тайниках была водка, сами мы тогда не пили. Задумали купить акваланг. Денег набрали, а в магазине нам объяснили, что его ещё нужно заправлять и вообще много мороки. Решили не покупать, а просто гуляли и тратили деньги. Однажды мужика с чеком забрали два грузчика под белы ручки. Он вертел головой, искал нас, но мы всегда около дверей стояли и сразу «ноги нарисовали». «Папу поить» прекратили, а то в городе столько «чекистов» развелось, что нас стали пасти. А статья с конфискацией была.

Наш автозак полз в гору, потом подергался и встал. На основную трассу мы ещё не выехали. Услышали, как водила открыл капот, минут через десять захлопнул. На улице было под тридцать, а в этом холодильнике ещё больше. Мы сбились в кучу. Унюхали, что охрана развела костёр, – поняли, что это надолго. Ремонта тоже не слышали. Когда начали околевать, стали стучать, просили, чтобы выпускали хоть по одному – всё было бесполезно... Я всё надеялся, что Юрка меня выдернет. Я даже крикнул, что я, мол, водила – помогу. Через какое-то время у меня поехала крыша, я подумал, что, может, он меня не узнал, и я крикнул его по интернатовской кличке «Верёвка». Я не стал в открытую кричать, крикнул: «Дайте верёвку, повешаться хочу!». К машине никто не подошёл. И вот после этого я чуть не заплакал. Но слёзы просто вскипали и застывали. Сколько у меня тогда пролетело разных мыс-

лей... потом всё сменилось безразличием. Я сел и уставился на Валерку... Валерка бывший боксёр, он и сел «за кулак». Мы смотрели друг на друга. Он худой – одни глаза... Я уже начал воспринимать его как свою Смерть и хотел с ней заговорить. Услышал, как Она говорит: «Давай свои ноги...» Я был согласен. А Валерка стянул с меня сапоги и засунул мои ноги себе под мышки. Ноги мои отходили и стали щипать, словно я пришёл с катка... голова начала соображать... я снял с Валерки сапоги и засунул себе под мышки его ноги как два градусника. Глядя на нас то же сделали и остальные.

Мы пытались говорить, ругаться, – только бы не заснуть, но к утру всё равно все заснули. Утром, когда нас подцепили и привезли на Зону, четверо заснули навсегда. А чтобы я не забывал про дружбу, мне пальцы на ногах оттяпали.

Все знали, что у Макара не было пальцев на ногах. Я что-то сказал о мужской дружбе. Макар не спорил, только заметил, что если бы я видел этих сиамских близнецов, которых не могли отодрать друг от друга, так бы не говорил. У каждого в бараке была своя история о предательстве, но я стоял на своём. От меня отмахивались: «Поживи ещё». С малолеткой спорить никто особо не хотел. Так мы и уснули – каждый при своём.

Прошло недели две, зона очистилась от снега. Я сидел около футбольного поля, читал, иногда поглядывал, как резвятся мужики. Бегали, незлобно матерились. Шутили, когда кто-нибудь промахивался. Погоду на поле делали строители, которых набрали на новый корпус. Были и такие, кто играл зло, напористо. Иногда доходило до драк, но их быстро разнимали, чтобы никто не увидел и не запретил футбол. Интересно было смотреть, как мужики, не трогавшие мячик лет по десять-двадцать, осторожно пробовали набивать, вспоминали какой-нибудь финт и радовались, если он получался. «Помнят ещё, родимые!» – говорили о своих ногах, где синели надписи «они устали».

Иногда проходил кто-нибудь из врачей, останавливался, кричал: «Уйди с поля! Я тебя больше зашивать не буду!».

Подсел Саша-санитар и заговорил со мной без всяких предисловий. Меня это удивило, потому что он никогда не вступал в общую беседу. Я и вообще не видел, чтобы он с кем-нибудь разговаривал. Он проснулся после ночной смены и вышел прогуляться. От него несло хлоркой, до боли знакомой по пионерскому лагерю, где пришлось побывать один раз. Сашка с хлоркой мыл операционную.

Оказалось, мы из одного города, только жили в разных районах. Срок у Саши был большой – шесть лет, оставалось ещё три, а здоровье уже ни к чёрту.

Меня вообще удивило, что он со мной заговорил, он был на пять лет старше меня. Ходил сутулясь. Носил очки с толстыми линзами. Походка старика – ноги его плохо слушались, он частенько обращался к ним как к собакам: «Ну что, – побежали?», иногда они ему отказывали, и он целый день лежал. Когда я приходил к нему, он ругал своих «собак»: «Ну, совсем обленились!». Работал Сашка старательно, замечаний почти не имел, – понимал, что на зоне с его ногами не выжить. Говорил ли он о своей бабушке, с которой жил, рассказывал ли о деле, за которое сел, – во всём была предельная откровенность, к которой я вообще не привык... На его откровенность я тоже стал стараться говорить не приукрашивая, не рисуясь. Мне даже кажется, что мы разговаривали, как два старика перед смертью.

Однажды в барак зашёл старый цыган, который уже полгода ждал новый протез, сказал, что меня зовёт Саня. Оказалось, что у Сашки кто-то выкрал рандолевую ванночку для кипячения инструмента. Эти ванночки резали и отправляли на зону, где из этих пластин мастера вставляли желающим фиксы. Может, и украли потому, что кто-то метил на Сашкино место, а его за пропажу наверняка бы списали из больницы на зону.

Мы решили посоветоваться с Макаром, он многих знал и знал, как поступают в таких случаях. Макар велел прийти вечером. Целый день мы пробегали по зоне, говорили со всеми санитарами, но всё было бесполезно.

Вечером Макар сказал: «Это дело – деньги или колёса».

Доставать таблетки Сашка сразу отказался. Его и так не раз уже уговаривали доставать «колёса», он не соглашался. Он даже предположил, что ванночку украли, чтобы обломать его с другой стороны.

Мы стали перебирать сотни самых фантастических вариантов, как достать денег – ничего так и не придумали. Разошлись, чтобы каждый придумал что-нибудь сам.

Мы разошлись, и до меня стало доходить, что я должен предпринять.

Расскажу всё по порядку.

Отец ушёл от нас, когда мне было пять лет. Он работал тогда водителем на вещевом складе, где получали обмундирование городские ГПТУ. Я подросток, и меня тоже стали одевать с этого склада. Когда я очередную форму донашивал настолько, что бабушка уставала ставить заплатки, мама созванивалась и отправляла меня на склад. Я до сих пор помню запах от больших квадратных ящиков с ботинками. Там же работала новая папина жена, поэтому, когда я ещё подросток, на склад ходить перестал. На алименты мама не подавала, отец обычно в день рождения приносил деньги. С зубами у меня были проблемы, и в шестнадцать лет нужно было ставить «мостик». Отец дал деньги на золотой.

А на «малолетке» с зубами тоже постарались, и надо было опять протезироваться. На КВНе между отрядами я хорошо выступал и, в качестве награды, мне разрешили вставить на больничке железные зубы. Я и подумал, что нет никакой разницы, сколько железа будет у меня во рту, а сколько золота. Саньке я решил ничего про свой мост не говорить, а то бы он не принял этой жертвы.

Утром, после построения, я отвел Макара в сторонку и раскрыл рот. Он улыбнулся и велел найти санитара зубопротезного кабинета Вахулу, чтобы тот снял мост. Я просил Макара ничего не говорить Сашке. Тот промолчал.

Здоровый рыжий Вахула назначил мне прийти после обеда.

Я сидел в библиотеке и ждал своего часа. Там меня и нашёл сияющий Сашка и сказал, что пропавшую ванночку подбросили!

После обеда Макар спросил меня, принёс ли я мост.

- Нет ещё, сейчас пойду к Вахуле.
- А я слышал, что нашлась ванночка...
- Ну да... Я думал...
- Не думай, носи свой мост драгоценный.
- Спасибо, Макар!
- На здоровье, паря!

После этого случая прошёл месяц и однажды на построении нам объявили об амнистии. «Лёгкие» статьи отпускали в честь Дня Победы. В один из последних моих дней на зоне мы с Сашкой бродили по территории.

– А ты знаешь, почему я к тебе подошёл? Ну, тогда... На футбольном поле?

Я молчал.

– Ты как-то с Макаром спорил, что и на зоне друзей иметь можно, а он не верил.

И тогда я рассказал Сашке, как Макар оставил мне мост золотой.

ГДЕ ЖИВУТ ЛИЛИПУТЫ

Повесть

Дорогому учителю Я.В. Хонта

Когда на острове стало совсем невыносимо, придумал для себя другую форму восприятия жизни: всё переживать как бы год спустя. Словно я уже дома и рассказываю друзьям, как это – жить и работать на Сахалине...

Так случилось, что к сорока восьми годам я снова бросил работу. Только однажды задержался на службе достаточно долго – десять лет в театре, больше такого не повторялось, редко где я отработывал больше года. Искал, скорее, не работу, а людей, близких по духу. Всегда в кармане держал заявление об увольнении. Поэтому где и кем я только ни работал – таксистом, кинооператором на телевидении, водителем-дальнобойщиком, руководителем драмкружка в детской колонии и т.д. и т.п...

Незадолго до моего отъезда на Сахалин я сказал другу Валере: «Достало все, уйду по дорогам». На что он мне заметил: «Я верю, что ты можешь уйти, но как ты за собой диван потащишь?»

Что имел в виду Валера – мою лень или семью, не знаю. Но уже на Сахалине иногда меня охватывал страх, когда я представлял карту России и видел себя на краю земли; казалось, что упади я сейчас с «дивана» – утону в океане.

Корсаков. Здесь строят большой завод по переработке газа. В отделе кадров я отдал свои документы и решил погулять по городу. По улицам расхаживали огромные вороны, рылись в мусорных баках, совсем не боялись собак, а людей вообще не удостоивали вниманием. Они такие важные и большие,

что кажется, будто ты сидишь в первом ряду на кукольном спектакле. А уж какие разные у них голоса: то стонут, то лают. Никогда не думал, что вороны так разговорчивы. Просто сказочный город. Порывы ветра развевают фалды черных с отливом фраков. Торжество момента настроило на вечные мысли. Интересно, сколько живет ворон? Если даже не триста, а двести лет, – мысль, что эта птица видела Чехова, Дорошевича, заставляет меня снять перед ней шляпу.

Когда светит солнце и тепло, все прохожие кажутся празднующими. Смотришь на мамаш с детьми, и наступает такое спокойствие, словно это ты лежишь в коляске. Присев на скамейку, млею, иногда открывая глаза. Наблюдаю, как на сцене центральной площади появился еще один сказочный герой – плохо загримированный под негра горожанин – и направился к ухоженной, хорошо одетой женщине, пытаюсь попросить на хлеб. Она его не видела и, когда он неожиданно вырос перед ней, отскочила большим прыжком в сторону:

– Иди на море и помойся сначала!

Крикнула и пошла быстрым шагом – получила ускорение.

Вгляделся в бича и увидел себя как в зеркале – борода, крупный нос, залысины. Да, несомненно, это я.

На материке из окон моей квартиры видны мусорные баки. Наблюдая по утрам движения около помойки, я вылепил памятник нашему Времени. Это мужик, роющийся в баке, на краю бетонного забора сидит кот, лежит собака, ждущая своей очереди, и скачущие воробьи вокруг. Когда лепил мужика, придал ему свои черты.

Где-то я читал или видел, в какой-то клинике для душевнобольных доктор заставлял пациентов лепить самих себя, и у них улучшалось самочувствие.

Спустился к заливу. Весь берег был усыпан пустыми бутылками и банками из-под пива. Среди этой красоты гуляли чайки. Недалеко от берега ржавели корабли, как пенсионеры на лавочке, не питая никаких надежд, они с грустью ждали своей очереди быть распиленными и увезенными в Китай. Местные жители на трезвую голову уже не купались, а для

меня, сибиряка, вода в сентябрьском заливе была теплой. Разгребая ногами водоросли, я долго шел, чтобы глубина позволила поплавать. Вспомнил, как после «покорения Енисея» образовалось много разных заливчиков, тонули сенокосные луга. Мы бреднем ловили щук, они прятались на прогревом мелководье, в траве, которую заставили прикинуться водорослью.

Жить нам предстояло в бывшей воинской части пограничных войск. Бравые, нарисованные на железе солдаты с удивлением смотрели на дикую, не совсем трезвую, дивизию и сильнее сжимали свои автоматы. А потом ночами реально защищали свой городок, и тогда раздавались глухие удары чьей-нибудь головёнки о железную грудь пограничника. В бараках произвели «евроремонт»: обшили стены сайдингом, поставили оконные стеклопакеты и новые двери.

Поселился в комнате с двумя парнями, познакомились в Хабаровске, где четыре часа ждали самолет на Сахалин. Мои новые знакомые попросили меня посторожить вещи, сами поехали смотреть город. Я лежал и перечитывал Варлама Шаламова, готовя себя к трудовым подвигам. Зачитался и, взглянув в окно, испугался – на уровне подоконника второго этажа медленно плыл акулий хвост! Но это всего лишь тягач деловито волочил самолет на взлетную полосу.

Моих новых знакомых звали Альберт и Зигфрид. Через день Альберта я начал называть Шуриком. Ему было около тридцати, но казалось, он только что сбежал с уроков, испытывая радость пятиклассника от такой смелости.

Главное, он не обиделся и откликнулся на это имя. Оказалось, все очень просто: батюшка при крещении дал ему имя Александр.

Зигфрид был для меня загадкой нового поколения – не пил, читал фэнтези. Внешне он не выглядел как Зигфрид из «Нибелунгов», но что-то арийское в его профиле было. Сблизили нас воспоминания о Великом океане, – в разное время мы оба срочную служили на Тихом, он морпехом, я в стройбате.

Когда слышали топот в коридоре, не сразу поняли, что это приглашение на ужин. Первый раз в столовой. Вижу впереди стриженные затылки, на большинстве видны шрамы, наверное, после лесозаготовок наша Сибирь так выглядит из космоса. Передо мной стоит мужик, раздетый по пояс, на спине три наколки, все они только начаты. Или все время освобождался раньше срока, или характер такой – ни на что терпения не хватает.

Перед сном я развесил фотографии семьи, друзей и Варлама Шаламова, где он в лыжной шапочке ужинает в доме престарелых. Кто-то его вырезал из журнала «Огонек» и вложил в книгу, я купил ее за бесценок. Печально было и за Шаламова, и за того, кто сдал книгу в букинистическую лавку.

Фотография напомнила мне знакомого поэта, после инсульта он тоже носил дома подобную шапочку. Володя был старше меня лет на десять, в свое время учился на семинаре у Сельвинского в Литературном институте. Так случилось, что я поменял квартиру и оказался с ним в одном доме. Городок небольшой, все поэты уже надоели друг другу, а с перестройкой закончились различные Декады и Дни Поэзии, и в моем лице появился новый слушатель.

Всю свою жизнь литератора он хотел написать пьесу «Город без собеседников». Я по незнанию льстил себе, думая, что я собеседник, но, как потом выяснилось, нерожденная пьеса задумывалась о декабристах.

Шура не мог сидеть на месте, в первый вечер перезнакомился со всем баракком. Все были из одного города, он нашел много общих знакомых. Несколько раз прибегал, пьяный и радостный, брал консервы, фотографии и опять исчезал. Утром ему не нужно было одеваться. Уснул в полете, как подбитая птица, раскинув свои «крылья» и подогнув ноги в толстых носках.

Первый день работы: собираем доски со всех объектов, вытаскиваем гвозди, выпрямляем, начинаем колотить опалубку. Интересно, что думают, глядя на нас, турки, они работают рядом, щиты опалубки ставят краном и, как в детском конструк-

торе, скручивают всё болтами. У нас не хватает молотков, зато «мы делаем ракеты и перекрыли Енисей», пою и это успокаивает. Кое-как сколоченная опалубка после приема бетона «делает пузо». Только тогда я узнал, что значит плотник-бетонщик: мы срубали топорами еще не окрепший бетон.

Медкомиссия на материке проверяла мою «боковое зрение», и только на острове до меня дошло – это чтобы мы вовремя замечали контролеров по технике безопасности. За нами смотрели американские и японские контролеры.

Для всех было чудно, что на высоту более метра восьмидесяти нужно было надевать монтажный пояс, который весил килограммов под двадцать. Курить и справлять нужду можно в строго отведенных местах. Работая в котловане, мы тратили чуть не полчаса на поход в туалет. А получить замечание от контролеров – значит одной ногой стоять «на вылет». Я не курю, поэтому меня частенько просили «постоять на стрёме».

Однажды, балансируя на опалубке, я закричал контролеру:
– Это не я курю, это они курят!

Начался переполох, они разгоняли дым, прятали окурки. Взрослые мужики прыгали и махали руками, словно ловили бабочек. Некоторые показывали фокусы – прятали бычки во рту, приклеивая к языку.

А я все продолжал беседовать с контролером:

– Я им говорил, что нельзя курить на объекте, они меня не слушают! В гробу, говорят, мы видели этих япошек! Наша земля, где хотим, там ссым и курим!

Глядя на ошарашенные лица моих коллег по лопате, я начал «колоться».

От смеха чуть не сорвался с опалубки. По одному они стали высовывать головы, увидев, что никого нет, пытались стащить меня за ногу вниз. Глядя друг на друга, все стали ржать. Эта незамысловатая шутка прижилась, потом так прикалывали новеньких.

Работать разрешалось только в каске, перчатках и очках. Очки нам выдали из самой дешевой пластмассы, такие исцарапанные, словно их чистили наждачной бумагой. Принимать

бетон в них невозможно, итак мало что видно, а они еще запотевают. Поднимаешь эти окуляры на лоб, и если кто-нибудь крикнет: «Очки!» – делаешь кивок головой, они падают на нос. Постепенно американские контролеры перестали смотреть на нас с удивлением. Стали приносить импортные очки, из нормальной пластмассы, – обменивать на наши.

На память иноземцы их, что ли, брали? Как туземные маски у папуасов. И все разговоры в первые дни – про очки, каски, перчатки.

В курилке кто-то сказал:

– Приеду домой, жену без каски, очков домой не запущу.

– Монтажный пояс пусть надевает – и через балкон, – добавил еще один «приговорённый».

После этого выпада я начал делить мужиков на каторжан – это те, кого на Сахалин сплывили жены, их было большинство, – и остальных.

А вот фотографию на память так и не сделали – мы должны были встать, положив руку на плечо впереди стоящего, как идут слепцы на полотне Брейгеля. Теперь эту картину я иначе как «Строители» не называю.

Вообще народ собрался разный. Очень.

Были мужики, которые постоянно переезжали со стройки на стройку, закоренелые холостяки.

Однажды мне понадобились толстые капроновые нитки подшить свои любимые тапочки, и мне посоветовали обратиться к Семёну. На стройке он плотничал, обслуживал большую бригаду Абдулы, насаживал лопаты, сколачивал носилки.

На мою просьбу он вытащил фанерный чемодан, сколоченный собственноручно. Неторопливо открыл его. Я изумился – чего там только не было: топорик, таблетки, мотки разной проволоки, шурупы, плоскогубцы всех модификаций, болты и гайки, гвозди и гвоздики, пахучая канифоль, пакля, напильники разного калибра, лерки, плашки и даже моток искомым мною сапожных ниток. Был в этом дивном сундучке и отсек с бутылкой водки и солидным куском копченой колбасы.

Перед сном Семен выпивал пару рюмок, закусив нарезанной на продолговатой дощечке колбасой. «Разделочная» доска годилась только для колбасы и сала, в ширину она была не больше десяти сантиметров.

С таким чемоданом его можно забрасывать на необитаемый остров. Глядя на содержимое, я подумал, что с подобным скарбом приплывали каторжане на вечное поселение. Семен платил алименты по исполнительному листу, но иногда, в неожиданном порыве доброты, отправлял дочке деньги просто так, вне графика. Это была девятая стройка в его трудовой жизни. В моей, по сути, первая. Кроме театра. Но то – другая история.

Мы отработали первый день, устали. До барака, где мы жили, ехать минут сорок, все пытаются занять сидячее место. В наш автобус, отправлявшийся первым, набились самые прыткие из разных бригад. Как-то умялись, поехали.

И тут возник Голос. За спинами его не было видно. Говорил он всю дорогу и если делал паузу, то лишь затем, чтобы набрать воздуха. Передать этот затейливый монолог невозможно. Внезапные скачки от какого-то случая из детства до проблемы всемирного потепления потрясали. Понять логику ассоциаций невозможно, да и сам говорящий иногда прерывал себя на полуслове вопросом: «О чем это я?». Голос сообщил о себе, что он бывший подводник, сейчас на пенсии. На груди у него действительно обнаружился рисунок «подлодки», наколотый, скорее всего, на первом году срочной службы – одной линией, как детская картинка для раскрашивания. Когда пришло время служить, Саша сменил трактор на подводную лодку. С его ростом он попал на дизельную, ребята с атомных лодок казались баскетболистами. На третьем году узнал, что подруга не дождалась, и остался на флоте.

Бригады перетрясли в очередной раз, Сашу с напарником бросили укрепить наши ряды. Работа давалась ему очень тяжело, он сильно потел, лицо и тело словно стекали к земле. Напарник же его, Василий, был молодой и ленивый. Уезжая с материка, Саша дал слово своей знакомой присматривать

за её мальчиком. На Острове понял, что сделал это напрасно. Одно дело, когда двадцатилетний парень обещает присмотреть за десятилетним пацаном, совершенно другое, когда пятидесятилетний мужик пытается вразумить мужика тридцатилетнего. Кроме мата в часы работы и воспитательных драк во время пьянок, из этого ничего не выходило.

Крик постоянно сопровождал нас, когда у них случались запои. Комната находилась напротив, они частенько не давали уснуть.

Я упорно начал просыпаться до подъема. Проснусь, лежу, пытаюсь вспомнить сон, он так много стал для меня значить. Всё бережнее я восстанавливал ночные видения. Часто по ночам бывал дома. Иногда события, атмосфера сна преследовали весь день. На перекурах сны пересказывали как художественные фильмы.

По утрам можно было услышать вопрос:

– К чему грибы снятся?

И непререкаемый ответ:

– К поносу.

Завтраки стали привозить по-европейски – в контейнерах. Просто авиалайнер, да и только. Теперь неприязнительные каторжане каждое утро решали, кто будет сегодня «стюардессой». Немудрёная игра как-то веселила. Очереди в столовой прекратились. Теперь после завтрака на столе оставались булочки, упаковочки с джемом, треугольные сырки. По утрам есть не хотелось, я открывал окно и кормил ворон. Лучшие кусочки бросал Соньке. Когда-то ей перебили крыло, оно срослось не совсем удачно и беспокоило ее. Сонька крутилась вокруг себя, лапой наступала на перья, пытаясь крыло выпрямить. Так мне казалось. Не исключая, что она так умело «брала меня на жалость». Иногда ранним утром я видел ее силуэт на фоне неба и мысленно начинал с ней беседовать: «Вчера, представляешь, разговариваю с Зигфридом о Чехове, о том, зачем Антон Павлович отправился на Сахалин. Рядом стоит Василий, слушает и выдает: «А я ни одного Чехова не читал!». И с таким восторгом он нам это

сообщил, что мы не могли не разделить с ним эту радость. Как думаешь, читала ли твоя тёзка каторжница, что о ней написал Антон Павлович? Или ей Дорошевич был ближе? А, Сонь?».

Очередная сахалинская ночь не хочет отступать.

Идем до автобуса, кругом темнота и только блуждающие огоньки. Ребята выкуривают по последней сигарете перед работой. В автобусе мотается клейкая лента от мух. Незаметно-незаметно, пока едем, наступает рассвет. Как в ресторане, громко играет музыка. Наша дорога на работу частью проходила берегом моря, что мне напомнило Байкал. Вспомнил, как в навигационных картах Байкала видел остров с названием Сахалин, но рыбаки мне объяснили, что он ушел под воду. И вдруг слышу собственный сдавленный, но громкий голос:

– Сегодня Байкал спокоен.

Мой сосед, узбекский брат, молчит, наверное, подумал, что у меня «поехала крыша». А может, Улугбек просто вежливый. У них старших не перебивают. Выходит, я и в самом деле – аксакал.

Автобус повернул еще раз, линия горизонта стала шире, я увидел несколько кораблей, стоящих на рейде. Это были рыболовецкие замурзанные суда, идущие за сайрой. Но я бы предпочел корабли. И чтобы – на рейде.

Да, оказаться бы сейчас на месте вахтенного матроса и снисходительно поглядывать на сухопутных крыс. Неожиданно сильно захотелось рассказать Улугу, как в детстве гордо стоял на верхней палубе теплохода «Александр Матросов», глядя на широкую и медленную енисейскую воду. Как пахли креозотом и сыростью канаты. Как разрешили дать гудок встречному кораблю. Но разглядел в рассветном сумраке, что губы Улугбека шевелятся, а руками он медленно проводит по лицу. Намаз.

Вечерами он прилипал к телевизору, смотрел новости. Его брат поехал в Москву на заработки, и Улуг боялся его увидеть среди рабочих, высылаемых со строек. Надо же, как яростно

наши службы гоняются за таджиками и узбеками! Мне становится стыдно, и я не знаю, как объяснить Улугу, почему вчерашняя братская улыбка превратилась в волчий оскал. И не знаю, почему стыдно именно мне.

Целый день я проработал, вспоминая, как «ходил» с мамой по Енисею, от Красноярска до Дудинки. Зачем-то пытался вспомнить запах корабля, но это занятие бесполезное. Запах возникает иногда, вдруг, и тогда я бегу по кораблю, и легкие наполняются испарениями реки, отработанным маслом из машинного отделения, кухней, рыбой, и всё замешивается на таежном воздухе. Наверное, поэтому он иногда оживает во мне, и так сильно тянет на корабль.

Мама работала в прачечной, а я целый день бегал по кораблю, на зависть пацанам-пассажирам я мог запросто войти в любой отсек, куда угодно! И уж когда сильно надоедал кому-нибудь из команды, мама отправляла меня в каюту. Мы везли с собой коробки со сгущенкой, чемодан с яйцами, тушенку в замасленных банках, мешки с картошкой. Продукты на севере были очень дорогие, и мама отвозила провизию своей сестре Тане. И меня тоже.

Детей у тети не было, и она, помогая, частенько брала меня жить к себе. Жили мы с нею одно время в Тайшете. С нами жил дядя Миша, он не работал, а только ловил птичек, мастерил для них красивые клетки и продавал. Во дворе стояло несколько силков, где на палочках в виде приманки висели кусочки сала, и как только птичка садилась на жердочку с салом, клетка захлопывалась. По утрам зимой дядя Миша брал ведра и в одних трусах шел к колонке.

Я, закутанный в одеяло, прилипал к окну. Он выливал на себя два ведра, потом наполнял ведра и вышагивал домой, от него шел пар. Морозы в Тайшете были такие сильные, что печку топили целый день.

И зимы в Тайшете были какие-то необыкновенно длинные. Потом тетя рассталась с дядей Мишей, переехала на Север. Папин брат был главным пожарным в городе, он помог ей устроиться стрелком в охрану. Тетя говорила мне, что охраня-

ет белых медведей, чтобы не разбежались.

В один из первых рейсов, когда большую часть времени я сидел в каюте, мама боялась отпускать меня одного бегать по кораблю, и единственным развлечением было смотреть в иллюминатор. Енисей становился все шире, мы проплывали мимо какой-то деревни, на берегу копошились крохотные, похожие на черных букашек человечки. Я бросился из каюты искать маму, нашел ее на палубе. Стал просить подплыть к берегу и взять несколько маленьких людей.

Мама сказала, что это может только капитан, и подтолкнула к нему. Он стоял недалеко, и я, как мог, объяснил ему, что хочу. Когда до него дошло, что мне надо, деревня сама осталась точкой, я заплакал. Капитан взял меня за руку и подвёл к маме со словами:

– Забирайте своего Гулливера.

Когда успокоился, стал выпытывать у мамы, кто такой Гулливер. Чем больше мама о нем рассказывала, тем больше вопросов я ей задавал. Когда ее окончательно замучил, она пообещала купить мне книжку.

Книжку купили, вечерами тетя читала, пока я не засыпал. И Гулливер путешествовал по моему сну, совсем такой, как днем на картинке. Я разговаривал с ним на незнакомом языке, и он всё-всё понимал. Долго верил, что где-то живут лилипуты, вернее, я и сейчас верю.

Во время обеда на острове поднялась буря. Мы сидели в столовой, не торопясь пережевывали пищу и смотрели в большие окна, как в телевизор. Летел строительный мусор, длинные куски целлофана, извиваясь, походили на огромные спирали ДНК, сорванные жестяные листы как ножи врезались в землю. На улицу было опасно выходить. Когда пошли уже не просто бородатые, а замшелые анекдоты, ветер затих.

На стройке был полный разгром. Все, что могло улететь, – улетело, что не могло – было перевернуто. Опрокинуло и оплот дисциплины – биотуалет. Всё, что в нем копилось, разлилось по пластмассовой кабинке. Кто-то необдуманно спросил бригадира, куда теперь ходить?

– В карман. – Бригадир был злой, а тут еще этот запах. Вечером в бытовке встал вопрос о туалете. Посыпались предложения:

– Вечером оттащить к туркам, а как вымоют, сделать вид, что они его украли.

– Увести на море.

– Да, и поплавать с ним.

– Может, вообще не будем поднимать.

– Даю три выходных тому, кто вымоет туалет.

Желающих не нашлось. Бригадир нашел совсем оригинальный способ.

– Раз так, тогда пусть каждый заберет, что там оставил.

– Пусть начальство покажет пример.

Несколько дней мужики спокойно работали, как привыкли. Не приходилось бежать, вытанцовывая до туалета, прятаться, если срочно приспичит. Унижение бывает разным.

Самое страшное было привезти на Север тухлые яйца. Добывали мы их с бабушкой. И доставались они нам совсем нелегко. Вставляли засветло, умывались «духовым» мылом, как называла его бабушка, и ехали первым автобусом с Мелькомбината до центра города. Входили в большой двор и вставляли в очередь. Яиц каждому покупателю полагалось строго определенное количество, а нам нужно было купить целый чемодан. Бабушка брала меня с собой, чтобы давали как на взрослого. В очереди многие были с детьми, мы знакомились, начинали играть в догонялки, шныряли между застывшими полусонными людьми. Но вот подходила бабушкина очередь, и мы покупали на двоих и осторожно везли домой, а там заворачивали каждое яйцо в кусок газеты и укладывали в чемодан. Ездить начинали недели за две перед маминым приездом.

Чтобы я не ленился, бабушка говорила мне, что мама придет, как только мы заполним чемодан.

Когда чемодан заполнялся, я удивлялся, почему еще нет мамы?

В Дудинке тетя Таня продавала яйца знакомым, это было очень выгодно.

До Севера я не знал, что если банку сгущенки долго варить, то получается шоколадное масло – варёнка. Первый раз тетя изготовила варёнку на мой день рождения. Намазала ею большой кусок белого хлеба и отпустила меня гулять на улицу. Буквально минуты через три я вернулся, попросил еще кусок и так бегал, пока всю банку не стрескал со своими друзьями. Тетя догадалась, что едок был не один, но охотно подыгрывала моему обману, удивлялась, как быстро я уминаю хлеб.

Все углы в каюте были забиты картошкой. Запах стоял как в подполье. Два мешка оставляли на зиму, остальную продавали, хранить ее было негде. Картошки почему-то всегда не хватало. Когда озера освобождались ото льда, начинали чистить городские овощехранилища. Вывозили грузовиками склизкую массу к озеру и трактором сталкивали в воду. В свободные дни мы с тетей ездили с девятнадцатого пикета, где жили, на дежурном поезде «Мотаня» в город, к озерам, за картошкой.

Раньше на девятнадцатом пикете был мужской лагерь, ближе к городу – женский. Мы жили в бараках, которые приспособили для жилья. О лагере напоминал только сгоревший карцер – одноэтажное кирпичное здание, стоящее на самом высоком месте поселка, где обычно в деревнях ставили церковь.

После пожара стены в карцере были черные. Читать я еще не умел, и надписи на стенах наводили ужас, казалось, сейчас выйдет зек и размахнет меня по стенам. Зимой около стен тюрьмы наметало сугробы, и мы залезали на крышу и прыгали вниз с зонтиками в руках. Зонтики ломались, и мы незаметно заносили их домой. Рядом со станцией жила папина сестра Маша с мужем Толей Филипповым. Их сын Мишка был старше меня года на три, он уже ходил в школу. Ростом был маленький, поэтому его все называли Филиппком. Его

двухметровый отец работал кузнецом в железнодорожных мастерских. Когда напивался, бил себя в грудь и кричал, что он «кузнец – горячая сетка». Я не понимал до конца, что значит «горячая сетка», но видел покрытое красной мелкой сеткой сосудов лицо. Мишку все знали, и мы без боязни лазили по мастерским и пустым вагонам. Больше всего нравилось болтаться на крючках в вагонах, где перевозили мясные туши. Только Женьке Непомнищеву удавалось, раскачиваясь, добираться от края до края. Мы даже боялись, что у него могут вытянуться руки, как у обезьяны.

Недалеко от поселка был отстойник паровозов, как нам объяснял Мишкин отец, на случай войны. Паровозы были для нас большими игрушками, жалко, что практически не разбирались, даже наметив что-нибудь открутить, у нас не хватало сил. С паровозов мы слезали черные, как кочегары, и шли мыться на маленькое озерко, оно было рядом. Местность, где стояли паровозы, была покрыта песком. Откуда в тундре столько песка, для меня загадка. Песком с водой мы снимали цыганский загар.

Купаться ходили на озера, где плавали ондатры, несли с собой доски на костер и по пути вытаскивали промасленную паклю из вагонных букс. Вода в озерах сверху прогревалась, но если нырнуть, она становится все холоднее и можно достать рукой лед. Кузнец периодически тушил водкой свою горячую сетку, и тогда тетя Маша спасалась бегством. Однажды зимой тетя с Мишкой прибежали к нам и ждали погони. Решили отсидеться в штабе. Снега около бараков было много, мы прорывали ходы между домами и выкапывали большую комнату для штаба. Приносили свечи и картонные ящики, обустраивали, как могли. Любили перекусить и покурить в штабе, для этого устраивали тайник. Картонную коробку закапывали в снег, в нее прятали все, что удавалось унести из дома. Конфеты, пряники, сигареты и разную мелочевку. В штабе было тепло даже во время пурги. Дядя Толя прибежал, обыскал нашу голубятню и слетел с крутой лестницы. Жалко, что шею не свернул, сокрушалась тетя Маша. Я слазил в штаб и привел их домой.

Нам с Мишкой постелили на полу, мы долго не могли успокоиться. Если дни «тушения» затягивались, тетя звонила, приезжал брат, Иван Францевич, и по-мужски успокаивал кузнеца. Он был пожарным в прямом и переносном смысле, приезжал на первой в городе легковой машине «победа». Дядю Толю, наверное, распирала гордость, что успокаивать его буйный нрав наезжают уважаемые в городе люди. Иногда на «победе» прибывали мои братья Владик и Слава. В городе их квартира была прямо в здании, где располагалась пожарка. Они росли среди машин, брандспойтов, рукавов, касок, как я им завидовал. Росли как сыны полка, среди мужиков, имели своих друзей наставников, они обучали их пожарным премудростям. Подросли, стали командирами подразделений юных пожарных в школе. В то время во многих школах были пожарные дружины, часто проводились соревнования. Бегать с рукавами, преодолевать полосу препятствий, тушить огонь, когда на тебя смотрит твоя первая влюбленность, это здорово!

Слава собирал коллекцию старинных монет и так поразил меня, что я, вернувшись в Красноярск, сразу полез на крышу нашего дома искать монеты. И хоть дом строили до революции, монет никто не оставил.

Около озера горел костер и толкалось десятка два женщин с мешками и ведрами. Когда самосвал вываливал массу, нужно было успеть перебрать как можно больше этой «картошки», пока не приехал трактор. Искать приходилось в холодной сопливой жиже, нащупав живую картошку, обмывали ее в ведре. В основном картошка стучала камнем или давилась как пластилин. Тетя постоянно отправляла меня греть руки к костру, но я упрямился, повторяя, что «руки горячие». Они горели от холодной воды. Иногда привозили сгнивший лук, и мы закапывали «живые» луковицы в золу. Он обгорал сверху и терял свою остроту, его можно было есть без хлеба. Проросшие луковицы уносили и ставили в баночках на окне. В тетиной квартире было только одно большое окно, раньше

это была железнодорожная диспетчерская девятнадцатого пикета. Вся наша квартира была однокомнатной надстройкой над бараком, тетя называла ее «голубятней». Она была обита толем на несколько раз, но зимой ее все равно продавало.

Трактористы были разные, одни позволяли выбирать картошку, другие матерились и пёрли прямо на нас, казалось, задержишься немного, утопят в озере.

С утра женщины высчитывали, кто сегодня из трактористов приедет. Их знали по именам и кличкам, приглашали к костру, заигрывали с ними.

Обычно удавалось договориться, однажды на «петушке» приехал бригадир и, не останавливаясь, начал двигать кучи в озеро. Он не мог позволить наживаться на государственных отбросах, женщины разбегались как курицы, с проклятиями и матами. Только одна как сидела на ведре, спиной к трактору, так и осталась сидеть. Он уперся отвалом ей в спину и начал двигать ее к озеру. Женщины стали орать и кидать в трактор мерзлой картошкой. Женщина упала, он протащил ее еще с метр по грязи. Выскочил из кабины посмотреть на упрямую бабу и попал в ее цепкие руки. Подбежали подружки по общаге и начали месить тракториста. Сначала он матерился, кричал, что «не положено», а потом взвыл. Было страшно смотреть на плачущего мужика. Спас его водитель самосвала, где уговором, где руками растолкал баб и забрал бригадира, уехал, даже не стал разгружаться. Подруги щепками скоблили с нее грязь, она улыбалась, сверкая двумя рядами железных зубов. С хохотом они толпой пошли в город. Все стали расходиться от греха подальше, мы тоже поволоклись на пикет, Мотаню ждать не стали. Петушок так и остался стоять у озера.

Как сказала тетя, и убили бы «северные лайки», если бы не водитель. Северными лайками тетя называла бывших зечек, которые не поехали на материк, а остались на Севере после освобождения.

Я никак не мог понять, почему люди такие недобрые, даже когда это им ничего не стоит. И до сих пор не пойму.

Когда мой сын подрос, я на день рожденья подарил ему железную дорогу. По ней бегал паровоз и зеленые вагоны, один в один похожие на те, что возили нас на девятнадцатый пикет. Дорога со временем сломалась, но я сохранил один зелененький вагончик. Иногда вечернее солнце освещает окна вагона, он, кажется, оживает, и если долго всматриваться, можно увидеть себя маленького.

Закончилась неделя работы, автобус везет нас на заслуженный отдых. Осматриваюсь по сторонам, почему мне всегда кто-нибудь непременно кого-нибудь напоминает. Вот и сейчас слева от меня сидит Герман Гессе. Такие же скулы, очки. Кто-то сказал, что он – юрист, но сил разговаривать нет.

Вечером Шурик организовал праздник у нас в комнате. Зигфрид пошел гулять в город, я остался поваляться с книжкой. В гости пришли соседи – сварщик Юра и Миша, он работал в бригаде сантехников. Юра, худой и дерганый, материл всё и всех: начальство, остров, погоду, руководство страны, но больше всех доставалось его жене, которая сослала его на заработки. Очень жалел, что не сможет убить начальника стройки, когда вернется на материк.

– Почему? – поинтересовался Шура.

– Очередь большая, много желающих!

– Попёрся, придурок, за «длинным рублем», послушал болтуна Шаламова! – подвывал Миша.

Я прислушался и понял, что за их отправку отвечал некто по фамилии Шаламов. Вот такая игра в нашей истории, то Шаламовых ссылают, а теперь другой Шаламов кормит обещаниями и отправлял людей на край света.

Миша, большой и волосатый, пил и молчал. Отмечать первую неделю не было сил. Я лежал на кровати, загородившись книгой, – читал.

Мужиков своего возраста я всегда воспринимаю как старших. Они кажутся мне такими древними. Когда первая

бутылка опустела, ко мне на кровать подсел Миша. Молчит, смотрит на меня, потом, наконец, говорит:

– Скажи, давно тебя хочу спросить, ты с какого года?

– С пятьдесят шестого.

– И я с пятьдесят шестого!

Он обрадовался, словно мы с ним братья из индийского фильма. Он молчал, я тоже не знал, о чем разговаривать с новым братом. Помолчали, я опять начал читать. Прошло минут пять, он сходил к столу и снова подсел на кровать. Я положил книгу и внимательно посмотрел на брата. Он на «голубом» глазу меня спрашивает:

– Извини, давно хочу тебя спросить, ты с какого года?

– С пятьдесят шестого!

– Да, и я с пятьдесят шестого!

И снова собачья радость на его лице, я не вытерпел и улыбнулся. Помолчали, вспоминая детство. У меня вообще есть такая привычка, я всматриваюсь в человека, пока не увижу его маленьким. С иными это очень трудно произвести, так далеко они запрятали свое детство. У Миши, по-моему, оно и не уходило никуда. Он встал, подошел к столу, выпил, посидел и опять направился к моей кровати, тут чувство юмора меня подвело, и когда он разинул рот, я сказал:

– С пятьдесят шестого, Миша.

И смех и грех. Я отвернулся к стенке, пытаюсь заснуть, но Мишина фраза о «длинном рубле» разбудила меня окончательно. Маленьким, когда при мне говорили, что хорошо бы поехать туда-то, там, мол, можно срубить «длинный рубль», я старался представить себе этот большой, как полотенце, рубль и то, как пытаются положить его в карман.

Сахалин – это вторая моя попытка срубить «длинный рубль». Первая была в селе Лабазное, что на речке Сисим. Сейчас эта деревня на дне Красноярского так называемого моря. Мама почти всю жизнь работала на двух работах. Днем в покрасочном цехе на Комбайновом заводе, вечером бригадиром сторожей.

Каждое лето меня одного, а иногда с сестрой, отправляла к Лёле.

Сестра была старше меня на три года, мы были от разных отцов, может, поэтому мир нас не брал. Ездили почти каждое лето, мне так нравилось в деревне, зимой я скучал. Раньше хлеб по школам развозили небольшими фургонами, и если лошадь оставляла лепешки на асфальте, я не мог удержаться и застыл у этого послания. Когда удавалось упросить кучера прокатиться, я был счастлив. Запах свежего хлеба, лошади, уносил меня. У Лёли было своих пять девчонок и муж Иван Андреевич. На щеке у нее был шрам от бодливой коровы, он слегка перекашивал лицо.

В детстве мы не делим людей на красивых и некрасивых, а только на добрых и недобрых. Лёля была добрая, значит красивая. Шрам становился совсем незаметным, когда она улыбалась. Она была моей двоюродной тетей, как узнал я позднее. Для Лёли все были свои, все родные.

Лёля работала в магазине, он находился рядом. Летом в магазин завозили продукты на зиму. Стоять за прилавком ей не приходилось, в деревне женщины всё брали на месяц-другой. Иван Андреевич был учителем начальных классов. Он прошел войну, служил в связи, закончил войну под Кенигсбергом. Два раза был тяжело ранен. Когда приезжал в отпуск, девчонки залезали под кровать и не хотели вылезать, повторяя «дядька – папка». После войны долго не мог есть картошку и пить молоко. Спасался медом, за ним мы ходили на пасеку к «Паше сладенькому». Каждый раз Паша усаживал меня за стол, наливал тарелку меда, давал кусок хлеба. Когда пришли первый раз, я заплакал и залез под стол, потому что не мог съесть тарелку меда.

Летом все свободное время дядя проводил с удочкой. Иногда он брал меня с собой, чтобы я часть улова отнес к обеду и Лёля пожарила или сварила уху. Как-то он поймал небольшого тайменя, настучал ему по голове и отправил меня домой. Все лето мы ходили босиком и в жаркий день не пропускали лужи. Эта лужа не просыхала даже в засушливое лето и была

глубокой. Я решил ее покорить и покорил. Таймень очухался и так дернулся, перепугав меня, что соскользнул с палки и оказался в луже. Сколько я ни пытался поймать тайменя в мутной воде, у меня не получалось. Прибежал домой, мокрый и зареванный.

Лёля успокоила меня и отправила со мной Иру с Клавой. Вечером за большим круглым столом все наперебой рассказывали, как ловили тайменя.

Своего первого пескаря я поймал на удочку и на радостях, снимая с крючка, оторвал голову. Надо мной подшучивали: «А пескарь-то был безголовый, вот и попался тебе».

Старшая из дочерей Римма пришла однажды с мужчиной и объявила, что выходит замуж. Так за столом появился дядя Вова Морковкин. Работал он на лесоповале, был бригадиром вальщиков. Небольшого роста, по-хорошему сбитый, с красивым, мужественным лицом. Он любил шутить и смеялся бурлящим где-то у него внутри смехом, сам весь содрогался, вроде пытался остановить в себе этот фонтан. Каждый ужин превращался в сплошной гогот, и сколько Лёля ни урезонивала Володю, он продолжал рассказывать байки и подтрунивать над кем-нибудь за столом, а Лёля боялась, что кто-нибудь подавится.

Я так сильно привязался к нему, наверное, потому, что с четырех лет рос без отца. Верил любому его слову, и когда дядя Вова предложил гнать гусей на Север, я сразу согласился. Мы долго обсуждали этот вопрос и решили, что за лето мы не успеем – слишком медленно они вышагивают. Остановились на курицах, – хоть и не птица, но если прижмет, полетит как миленькая. Мы решали, какое стадо сможем гнать, сколько человек нам еще нужно. Вова посылал меня договариваться к Лёле, чтобы она поехала с нами поварихой. Лёля долго со мной торговалась, выторговывала себе зарплату побольше. Я бегал между Морковкиным и Лёлей, делил примерную выручку. За столом разговор то и дело переходил на перегон кур, все начинали радоваться и смеяться, я тоже радовался, что принимаю участие в столь заманчивом

предприятии. Я прикидывал, сколько кур будем списывать на волков и лис. Думал, как лучше искать яйца после ночной стоянки. Приезжая из леса, дядя интересовался: «Научился кур щупать?».

Перед сном я мечтал, как куплю мотоцикл, такой же, как у Ивана Андреевича, – «Минск», или как все его называли «Козел». Когда я подрос, Морковкин научил меня на нем ездить. Сначала он сажал меня на бензобак и давал рулить. Затем отпускал одного с горы, не заводя двигатель, я учился тормозить.

Потом я ездил на первой скорости.

Я уже учился в интернате, когда дядя Вова и Римма переехали в город. Они купили дом рядом с моей бабушкой, на мелькомбинате. Всякий раз, когда я заходил в гости, накормив меня, Володя подходил к вешалке и выгрел мелочь из всех карманов. Не было такого, чтобы я ушел без денег. А что такое горсть мелочи в детстве, я потом понял, что это и есть самый «длинный рубль».

Не проработали и месяца, когда, приехав с работы, увидели гуляющих около бараков женщин. Мужики улыбались, ласково называли их «наши штукатушки». Несколько женщин по возрасту должны были стать ягодками, но не случилось, условия были не тепличные, холод и ветер, строительная пыль.

Но зато на их фоне выделялись две подружки, у них всё еще только начиналось, за плечами училище, а впереди так много квадратов штукатушки. Жизнь после работы стала приобретать черты стихийного бедствия. Образовывались пары. Особенно выделялась парочка «оперных певцов». Ему было около сорока, подружке в два раза меньше. Оба обладали такими голосами, что когда они приходили вечером в барак, – барак просыпался. Он приехал на остров закодированный, но понял, что праздник проходит без него, заплатили две тысячи – и музыка полилась. После аванса на работе они появлялись всё реже. В бараке пили всегда с открытыми дверьми,

им нужны были зрители, чтобы все видели широту натуры и слышали редкие по силе голоса. Усмирять не пытались, это все равно что «подливать масла в огонь».

Молодой парень, говорили, кандидат в мастера спорта по штанге, успокоил подобного «героя» и сломал себе кисть руки, пришлось ехать домой. А герою хоть бы что, он продолжал удивлять своими пьяными подвигами. Парочка шаталась целый день по городу, знакомилась и пила с первыми встречаемыми.

Городок был просто наводнен матросами, обработчиками рыбы, строителями из разных стран. В любой забегаловке к тебе мог подойти товарищ и без тени стеснения попросить опохмелиться. За столиками заговаривают совершенно незнакомые люди. Коммунизм для любителей выпить. Зигфрид выдал афоризм: «Алкоголик алкоголику – всегда алкоголик» – и сам никогда не отказывал, а даже радовался, давая деньги на водку.

Маляров-штукатуров привезли, а штукатурить еще нечего. Поэтому, как в армии, им искали и находили работу. Женщин стали бросать на разные подсобные работы. Однажды, прихватив доску, по старой стройбатовской привычке, я отправился в столовую занять место для нашего звена. В одном из отсеков подвала увидел женщин, красящих кузбаслаком щиты опалубки.

Я застыл, пытаюсь понять, что мне это напоминает? Да, несомненно, – два Малевича в женском облике рисовали «Черные квадраты».

– Бог в помощь!

– Слазь и помощи переставить, – командирский голос не терпел возражений.

Щиты были сварены из толстого уголка, и обычно переставляли их два мужика.

– Посылают инвалидов, то рука болит, то живот, – наигранно сердилась женщина с классической фигурой социалистического реализма.

– Имей совесть, правда живот болит.

– А я и говорю, наберут пенсионеров, ходи за ними с судном, работать некогда.

Пока таскали щиты, разговорились, узнал, что женщину зовут Надежда, родилась и работала в Базое, охраняла женскую зону. Прочитала объявление и завербовалась по первой специальности.

Если долго смотреть на «квадрат», теряешь чувство пространства и времени, и это не от запаха кузбаслака.

Попытался рассказать женщинам о «Черном квадрате» и сильно их рассмешил, когда сказал, что последний раз его продали за миллион долларов.

Дорога до столовой – сплошная грязь, иногда встречается голубая глина, говорят, лечебная. На стреле крана сидит ворон и не улетает, когда стрела делает разворот. Всю площадку стройки он видит как большую палитру и меня, мешающего ногами краски. Каждый в одиночку рисует свой черный квадрат.

Проснулся и лежал, соображая, что за шум? Это стучал по крыше первый осенний дождь. Думал, что день активируют, мечты были напрасными.

Наш котлован, где мы ставили колонны, заливало водой. Меня поставили работать с помпой. Часа через два возни с хомутами из проволоки я понял, что главное в помпе, чтобы шланг не подсасывал воздух, и изобрел новый способ.

Стыки шланга на помпе начал обмазывать глиной, брал ее под ногами. Замазки хватало минут на десять, и снова мазал и перетаскивал шланг.

Наше сопротивление с дождем было делом напрасным, котлован заливало, и нам объявили, что нас разбросают по разным бригадам. Через неделю дождей перестали ждать милости от природы и закупили водонепроницаемые костюмы «торнадо». Они начинали рваться при первой попытке их напялить. Практически сразу их стали называть «изделие номер два».

Внутри изделия потный, сверху моросит мелкий, изматывающий дождь, китайские перчатки расползаются через час. Работаем, стоя на коленях, скручивая проволокой арматурную решетку. Арматура впивается в колени даже через накрученные эластичные бинты. После такой работы по двенадцать часов, в дождь, стоя на коленях, я пришел к выводу: «Если в конце недели не выпить, неделя будет длиться бесконечно». Дождь не проходил, я почувствовал, что заболел. Утром меня ломало, сказала общая усталость, но на работу я все-таки вышел и до обеда боролся с собой. Есть не хотелось, когда все пошли на обед, я поплелся в больничку. В комнате находилась пара врачей: женщина и молодой парень. Мне измерили давление, температуру, дали таблеток и, главное, разговаривали со мной как с человеком. К концу приема я еле сдерживал себя, чтобы не расплакаться прямо в кабинете, это было первое просто доброе обращение за всё время моего нахождения на острове. Я сунул ноги в ботинки и выскочил на улицу, шнурки, как в детстве, никак не завязывались. Мне дали три дня на болезнь.

Я показал бригадиру справку и решил идти до трассы и ловить попутку, пока не было дождя. Стройка кончилась, я шел по дороге, но не поворачивался и не поднимал руку, ждал, что кто-нибудь сам остановится и предложит подвезти. На материке я часто сам останавливал машину, когда меня не просили. Вот и сейчас я дал себе слово, что не повернусь, не попрошусь, буду идти, пока есть силы. С каждой машиной веры в людей не прибавлялось.

Вспомнил, что за горой прокладывали новую дорогу, решил сократить путь и пройти лесом. Стал подниматься на гору, когда оглядывался, море становилось огромнее, горизонт расширялся. Бегущие облака стали ближе, на острове они редко стоят на одном месте, смотрятся как отснятые на пленку, когда крутишь на монтажном столе. Когда вхожу в незнакомый лес, все время жду встречи с цветком, я видел его только в детстве. Первый раз это было, когда мы

шли с сестрой собирать малину. Вера шла впереди, я старался не отставать. Вдруг она остановилась и показала мне «кукушкины башмачки». Казалось, птица только что улетела, а башмачок остался. Сверху они были фиолетовые, внутри розовые. Это чудо! Так хотелось выкопать цветок и посадить дома. Вера сказала, что их нельзя пересаживать, они сразу умирают, а кто тронет цветок, тому кукушка сократит жизнь. Я вырос и больше ни разу не встречал этот цветок.

Вместо цветка наткнулся на дот. На треть он засыпан землей, но был в боевой готовности, даже железная дверь была на месте. Втиснулся вовнутрь, чтобы посмотреть на окрестности через амбразуру. Навоевавшись, вылез из дота и, пройдя несколько шагов, застыл, пораженный. На земле лежал большой камень в виде слезы, на нем были вырублены иероглифы, и, словно слезы, в них стояла вода. Мне трудно себе представить, чтобы этот камень затаскивали сюда специально. Каким надо обладать художественным вкусом, чтобы разглядеть в камне «слезу» как идеальную форму для памятника, словно мать-природа заранее приготовила памятник на месте будущих сражений.

Побрел дальше, думал о памятнике, вспомнил, как на машине ехали с женой Ларисой из Германии, от друзей. Костя и Лена Шнайдеры с маленькой Ксюшей уехали в девяностом, мы были у них через два года. Это как раз тот срок, который оставляла Косте наша медицина. На операционный стол его увезли прямо из помещения, где они проходили карантин.

Возвращались через всю страну, и как-то утром перед нами выросла огромная вывеска «Елабуга».

«...Я тоже была, прохожий! Прохожий, остановись!» – пронеслось в голове, проехать я не мог. Кладбище оказалось недалеко от дороги. Решил, что найду последнее пристанище Марины Цветаевой самостоятельно. Долго бродил по запущенной части русского кладбища, встретил ухоженные могилы японских солдат, мне казалось, что вот сейчас, еще немного – и передо мной вырастет Памятник. Когда отчаялся найти его, я на дороге остановил автобус и стал

расспрашивать, где могила Марины Цветаевой. Все смотрели и молчали. Нашлась женщина, сказала, что могила до сих пор не найдена, а памятник стоит с левой стороны кладбища. Поблагодарил женщину и водителя, побежал к машине. Лариса устала ждать, в багажнике взяли бутылку и пошли к памятнику. Ничего, кроме чувства досады, он у нас не вызвал.

Большая, красного гранита, обработанная глыба, опоясанная цепями такой толщины, словно держат на привязи огромный корабль. Марина Ивановна была для советской власти Титаником, который нужно было утопить, и утопили.

Кое-как я добрался до барака, сделал последние шаги к кровати и готов был рухнуть, но увидел письмо на подушке. Первое письмо на Сахалине! Обрадовал такой знакомый, родной почерк. Полдня я провел с женой и Мариной, а тут еще письмо. Все, кто получал в армии письма жены, где есть и каракули сына, и его обведенная ручка, тот всю жизнь будет радостно вздрагивать, глядя на почерк!

Не стал открывать письмо, положил его под подушку. Радость нужно дозировать. Как захотелось домой! Ни длинных рублей, ни романтики, хотелось обыкновенного семейного уюта. Приходить домой с работы, есть домашний борщ и, прижавшись к жене, засыпать, вдыхая запах ее волос. Раньше я не думал, что мужчине нужно просто прикоснуться к своей половине, просто прикоснуться... как первый поцелуй, когда дотрагиваешься до ее руки. Мысли об этих человеческих радостях тут, вдалеке от дома, заполняют немалую часть времени, а у многих такой радости нет.

Утром проснулся от удара в дверь, выглянул и увидел, как Лешка убежал от уборщицы. Ему около тридцати, довольный всем в этой жизни, что сказалось на его гармонично-толстом теле. В умывальнике он обычно плескался как уточка, на его левом плече красовалась накладка эполета. Про себя я называл его Генералом. Он украл у нее швабру, чтобы она мыла полы в другой позе.

Генерал играл с самой молодой и стройной девушкой. Он работал бригадиром монтажников, и работали они со второй

смены. В основном уборщицы были в уважаемом возрасте, но встречались и женщины, которые шли на работу как на праздник. Ну и праздник иногда случался – больные воскресали, вторая смена редела с позволения бригадиров.

На столе стоял завтрак, есть не хотелось. Выглянул в окно, Сонька сидела на своем месте. Начал ее кормить, но глотала она без аппетита, может потому, что родственников не было рядом или из солидарности.

Достал письмо и начал читать, но нервы ни к черту, положил его под подушку, пошел умываться. Забавно, но кто-то пропил все зеркала из умывальника. Мужики матерятся, им нужно бриться, передают кусок от сломанного зеркала. Мне легче, я брился только в армии и там умудрился карандашом подрисовать в военном билете растительность под носом. Усы разрешали носить только тем, у кого они были на фотографии в военном билете. Его заводят в восемнадцать, а служить я пошел после института.

Но мне нравилось жить без зеркал. Постепенно теряешь ненужную мужику самовлюбленность.

На выходе из умывальника уперся в живот великана. Напугался от неожиданности. Двухметровое дитя, темный цвет лица и большие губы негра, на острове его стали звать Поль Робсон. Свое настоящее имя, я думаю, он и сам стал забывать. Музыканта он, наверное, не видел и не слышал, но, как его называли, ему нравилось. Как настоящий американец, он все время улыбался. В его родословной было столько всего намешано, что он никак не мог определиться со своей титульной нацией. На материке он жил в рабочей общаге. Имея такую неопределенную внешность, постоянно женился, жил с татаркой, потом с казашкой, в настоящее время находился в состоянии развода с Баярмой. Познакомился, когда в Бурятии строили ферму в колхозе. Он как-то увидел девушку, пасущую овец на мотоцикле. Пришел в такой восторг, что через день объяснился в любви, как смог, и предложил ехать в город – в рабочую общагу. Баярме уже давно хотелось самостоятельной жизни, кроме нее в семье

было четыре брата и две сестры. Она, недолго думая, собрала сумку, оставила письмо родителям и пришла к автобусу, когда приехали забирать строителей. Родителям написала, что едет учиться на зоотехника. Но выучилась на штукатура маляра.

Бывшая жена Поля посмотрела на Баярму и взяла к себе в бригаду. Все его жены быстро разочаровывались в нем и уходили тихо, без скандала.

Детей у Робсона не случилось, со многими он даже оставался в интимно-дружеских отношениях. В общаге свои законы бытия и морали.

Мне всегда казалось, что Поль обладатель недюжинной силы, но когда однажды скрестили руки – они оказались слабыми. Подумалось, что он мне поддался, но кто-то объяснил, что он раньше сильно курил травку, а у таких нет силы.

По приезду на остров Поль терпел ровно неделю, а когда понял, что к нему никто не принимается, стал покупать коробками настойку боярышника.

Пять бутылочек он брал на весь рабочий день. По нему совершенно не было видно, что он выпил, хотя настойка семьдесят пять градусов.

Был у Поля и карьерный рост, его поставили звеньевым. Он не знал, как это командовать людьми, всю жизнь он только подчинялся. Принятие решения Полю давалось очень трудно. От напряжения он даже пить больше стал. Через неделю его сняли, чему он был очень рад.

От постоянного употребления у него повысилось давление, и ему дали время отдохнуть от греха подальше, теперь он мог пить комфортно. Пригласил меня на утреннюю трапезу, я отказался, не было сил.

Дочитал письмо, оно в основном про дочку. После первого курса института уехала с другом жить в Москву. Теперь с Улугом будем вместе смотреть московские новости.

Ночью пришел Шурик, он где-то пил и по пути из столовой прихватил кулер. Это чтобы я не ходил за водой. На мои угрозы отнести обратно Шура не реагировал.

Второй раз я проснулся от хлопка, запахло гарью и мочой, Шура, пытаюсь сходить в окно по-маленькому, промазал и попал на электробатарейку. Замыкание выбило свет в бараке. Утром все спрашивали, зачем Шура изнасиловал батарейку.

Вспомнил, что около Лабазного, аппендиксом в пять домов, вверх по Сисиму тоже был Сахалин. На Сахалине жили ссыльные эстонцы, латыши, поляки. Дети ссыльных учились в русской школе в Березовке, где преподавал Иван Андреевич. В школе учились дети восьми национальностей – поляки, немцы, латыши, литовцы, когда в 59-м всех отпустили, дети не доучились, уехали домой. Раньше я не знал, что мой отец латыш. В армии ко мне подошли двое солдат из соседней части и спросили, какой я национальности и что меня связывает с Латвией. «Своего» они даже в полукровке увидели.

Болезнь, как тайфун, поднимает со дна памяти самые далекие события.

Лёля всегда нас предупреждала, когда мы шли купаться: «Утонете, домой не приходите!». Это касалось и болезней, болеть строго запрещалось. В деревне был только ветеринар. И лечил, как сейчас говорят, нетрадиционными методами. Однажды маленькая Аля подвернула ногу. Пришел ветеринар, осмотрел, сказал, что перелома нет, хорошо на ночь мочу привязать. Аля, чуть не плача: – А у нас мочи нет.

Я умудрился заболеть, день лежу, второй, и вдруг все вокруг меня начинают плакать, плачут украдкой от меня. Я понял, значит, я умираю, а мне боятся сказать. Полную картину я восстановил позднее. В Лабазном появилась незнакомая женщина, это был ревизор из ОРСа. Они с Лёлей прошли в магазин и начали считать. Неделю они считали, иногда на помощь Лёля брала в магазин девчонок. Магазин был смешанный, и кроме продуктов в магазине лежали веники, пилы, топоры. Масло бочками, тушенка коробками. Все нужно было пересчитать, перетащить.

Ревизор насчитала недостачу в двадцать тысяч. Деньги до реформы 61-го года. Это были не просто большие деньги, это

был срок и срок большой. Ревизор хотела, чтобы Лёля подписала акт.

Лёля ни в какую, «не может быть у меня недостатки и всё». Девчонки в школу не поехали – маму посадят. Плакали все: и старый, и малый, посмотрят друг на друга и ревут. Я понял, что не про меня плачут, и сразу выздоровел.

Иван Андреевич все чаще сидел на крыльце, курил махорку, я садился рядом.

Как-то вечером в окно сильно постучали. Лёля выскочила и сразу все поняла.

Женщина бросилась к ней со словами: «Прости, прости, это масло постное... нолик пропустила, прости!». Они стояли, обнявшись, и плакали, выбежали девчонки и тоже давай реветь и смеяться. Тут и я не выдержал, бросился к Лёле. Только Иван Андреевич стоял в дверях и курил. Девчонки пропустили начало учебы. Когда зашли в класс, оказалось, их уже вычеркнули из журнала.

Когда я подросток и при мне курили махорку, я вспоминал Ивана Андреевича на крыльце.

После этих воспоминаний приснилось Лабазное.

Сисим снится в солнечный день. Я стою на перекате, вода скользит по ногам, но ее словно останавливает мелкая рыба. Ее так много и она блестит на солнце и потихоньку щиплет ноги. Стою по колено в серебре и золоте. Просыпаясь, я понимаю, что это сон – воспоминание, без фантазий. Проснулся совершенно здоровым и был еще целый день свободным.

В библиотеку я ходил обычно по воскресеньям, оставив в залог паспорт, выбирал книги и еще набирал на развале, который устроили посетители в прихожей. Я набирал сумку книг и тащил в наш барак, так для малопьющей части барака я стал библиотекарем.

В отделе поэзии я нашел два Володиных сборника, изданных в Москве. Мне было важно «на краю света» найти его стихи. Больше книг не брал, со стихами пошел гулять по городу. Наугад открывал и перечитывал, гадал. Перечитывая стихи, я словно посетил его комнату, с книжными полками от пола до

потолка, пепельницей, полной окурков, на случай, если кончатся сигареты, и маленькими боксерскими перчатками над письменным столом. На полу стояли две пудовые гири, когда у Володи было боевое настроение, он брал их одной рукой и не спеша крестился. Прошло время, боксерские перчатки пропали. Володя только махнул рукой, не однажды случайный знакомый, с которым говорили по душам, прихватывал что-нибудь «на память». Почему за этими маленькими сувенирными боксерскими перчатками я видел нечто большее, не знаю. Рождалась картина, как у Дон Кихота воруют копье.

Вечером мне сказали, что нашу бригаду расформировали, и я теперь в бригаде Абдулы. Это меня совсем не порадовало, я видел, какие взаимоотношения в этой самой многочисленной бригаде. Костяк бригады прибыл с материка и был пополнен молодыми, здоровыми парнями. Бригаду разделили на звенья. Главное для звеньевого было следить, чтобы никто не сидел без дела.

С годами Абдула выработал такую интуицию, что сам появлялся всегда в тех местах, где задумали отдохнуть. Рассказывали легенды про его способности.

Кто работал с бетоном, знает, что иногда он вдруг начал так давить, что выламывал прочно сбитую опалубку. Как ни укрепляли, ничего не могли сделать, и только Абдула со своим «крепежным» матом заставлял бетон застывать на месте. Так же застывали и рабочие его бригады, когда он к ним обращался...

Мат на стройке дело обычное, к нему привыкаешь. Абдула не просто материл, ему обязательно нужно было унижить человека, казалось, он испытывает физическое наслаждение, оскорбляя своих подчиненных.

Рядом с возводимым заводом построили десятка четыре одноэтажных домов. Строили их очень быстро, деревянный каркас заполняли изовером и обшивали плоским шифером. В доме было четыре комнаты по четыре человека. У каждой комнаты был свой душ и туалет. Отапливался дом электробатареями. Городок обнесли забором из колючей проволоки и поставили охрану.

Назывался городок Сайт.

Началось все во время работы, нас стали вызывать по пять человек и заводить по одному в прорабку, где медсестра в резиновых перчатках обследовала наши головы на вшивость, ноги на наличие грибка.

На все это взирали наши бригадиры, переводчики и иностранные контролеры по ТБ. Ну, словом, цирк устроили.

Мне стало не по себе, увидев эту картину, сказал, что не собираюсь переезжать на Сайт. Первое время на Сайт переезжали по желанию, домиков на всех не хватало. Подсказал, что они выбрали не совсем удобное место для проверки, лучше делать это прямо на рабочем месте. Не стал дожидаться реакции, вышел на воздух.

Дожил, тебе пятьдесят, а тебя проверяют на вшивость.

В интернате я был приходящий, это значит, что нас отпускали на выходные домой, а в понедельник мы, постиранные, подстриженные, проходили осмотр. Показывали руки, уши и конечно на «вшивость». Медсестра в интернате встречала у входа и проводила свою экзекуцию. Пока были маленькие, безропотно опускали свои головы. Стали подрастать, дружить с девочками и под разными предлогами старались обойти проверку, чтобы не отправили постригаться. И вот прошло тридцать лет, и мне кажется, это та же сестра опять лезет в мою, уже седую голову.

Попал в звено Ромы, ширина плеч которого стремилась к размеру его роста, поэтому спорить с ним не любили. Но я ни разу не видел, чтобы он объяснял кому-нибудь руками, достаточно было его вида. Сталкивались несколько раз, однажды слышал, как он в умывальнике сказал щуплому, маленькому экскаваторщику: «Федя, ты зачем помылся, еще меньше стал».

На Сайт можно было зайти только с бейджиком на груди. По воскресеньям охрана обыскивала и если находила водку, выливала тут же около КПП. Я советовал ребятам не ездить в город, а идти с закуской на контрольно-пропускной пункт.

Кто не надеялся на свои ноги, старался попасть на автобус, который выезжал утром в город и вечером возвращался.

Однажды воскресным вечером звеньева Рома вел двух еле переступающих друзей. Когда Рома уставал, он сталкивал их лбами, заставлял стоять, держась друг за друга. Потом вел снова. На КПП охранники заметили, что двое сбоку идут, почти не касаясь земли. Их пропустили из мужской солидарности. Рому после этого случая стали величать Рома – Железная Нога. Даже бейджики не забрали. И чтобы не подводить организацию, когда спросили, из какой они организации, Рома сказал: «Анус».

Так и записали. На самом деле организация называлась «АУС». Прошло какое-то время, охранник остановил Рому и пожаловался. Сначала проверяющий долго ржал, а потом выговор объявил.

Ну, это ладно, пацаны из охраны теперь его Анусом зовут.

Когда мы принимали по сто кубов бетона в день, управлять «калошей» просили Ромку, если ставили кого-нибудь другого, то вместе с бетоном сыпались жидкие шутки. Это ювелирная работа: из калоши должно падать ровно столько, чтобы закрыть определенный участок и не перекидывать лопатой бетон с места на место. Наши насосы постоянно ломались, а выпросить «японца» начальству не всегда удавалось.

В углы, куда не могла дотянуться «калоша», мы таскали носилками. У Саши-подводника случился удар. Он присел с носилками, весь белый, на лбу выступили крупные капли пота. Мы осторожно отнесли его в курилку, вызвали скорую помощь. Медпункт находился на территории Сайта и имел свою машину.

Пока носили подводника, ждали скорую, у «калоши» скопилось три машины с бетоном. Прибежал Абдула и как всегда занялся «трехэтажным» строительством на голове у Ромы, и тут случилось то, чего никто не ожидал. Рома так «дернулся», что рухнуло перекрытие третьего этажа и накрыло Абдулу с ног до головы.

Мы остолбенели, что сейчас будет? Только Рома не стал ничего ждать, повернулся и пошел в сторону Сайта. Неделю он

не выходил на работу, все думали, что Рому отправят домой. Я не знаю, как они договорились, но через неделю он вышел на объект.

Саша пролежал в больнице дней пять, и его отправили отлежаться в барак.

Как-то я зашел его проведать, занес почитать книгу. Он лежал на койке с лицом, похожим на дыню. Когда мы разговаривали о его здоровье, он по секрету сказал, что у него было уже два инфаркта. На мой вопрос, зачем он приехал на стройку с таким здоровьем, он сказал, что надоело ходить и проситься на работу, ходишь, как беременная невеста, никто замуж не берет.

Лечился подводник недолго, на стуле рядом с лекарством появились бутылки боярышника. Наш разговор выглядел обычно так:

- А ты чего не лечишься?
- Так ведь лекарство принимать надо.
- Ну, надо.
- С водкой же нельзя.
- А ты без водки.
- Не могу без водки.

Отдохнул, отметил тридцатилетие сына и вышел на работу. Василий сразу оживился, а то ходил, как ребенок, потерявший мамку. Вечером увидел Сашу в городе, он вышел из «черного квадрата» ночи, и мне многое про него стало ясно. На нем был болоньевый плащ, сандалии, короткие брюки и пластмассовый галстук на рубаше в клеточку. Мода шестидесятых. Он не покупал себе одежду, как сошел на берег. Обида на женщин не проходила.

На острове появились первые сотовые телефоны. Молодые люди поголовно стали покупать и терять их по пьянке. По городку опасно ходить одному, потомки каторжан продолжают грабить подвыпивших мужиков. Однажды наблюдал, как не совсем трезвый Шурик стоял около магазина, курил и пытался дозвониться до дома. Не получалось, ну никак не получалось ... Он выбросил телефон в урну. Докурил сигарету и полез его искать.

Воскресный культпоход раздвоился на заход в библиотеку и стопочную церемонию. Формула о том, что «если в конце недели не выпить», работала.

Я заметил, что мои походы в библиотеку становятся всё короче. Сумка с книгами вынудила зайти в ближайшее кафе. Еще не было двенадцати, а столики почти все были заняты. Стопочная церемония началась. Выглядела она так: я брал книжку, которую я когда-то читал, пролистывал ее и выпивал стопочку. Так я пролистывал несколько книжек, удивляясь процессу узнавания, словно ты приехал в свой родной город двадцать лет спустя. Есть дома, которые ты хорошо помнишь, и дома, которых раньше не замечал. За столик подсел мужчина с ухоженной бородой. Он принес стакан чая и ассорти на тарелочке, достал из портфеля бутылку водки и стакан, налил и, кивнув мне, выпил. Вторые полстакана вернули соседу улыбку в глаза.

Разговорились, он оказался родом из Иркутска, на Сахалине работает журналистом на местном телевидении. Мы дружно покрыли гжелью центральные каналы, за их пристрастие к желудку. Юра рассказал, как ему работаете на острове.

Говорит, доходит до смешного, на днях сдавали автошоу «Сам такой». Одно из заданий было определить по трещинам на асфальте, по какой улице мы едем. Водителям показывали только асфальт под слова песни Земфиры «Я знаю все твои трещинки». Шуточным спонсором выступала дорожная служба.

Обвинили в дискредитации власти. Скоро выборы мэра, шоу запретили.

Все помнили, что мэр обещал новые дороги.

Поговорили, даже нашли одного общего знакомого в Иркутске, Юра дал номер своего телефона.

По дороге в городок встретил Надежду с Мариной, они возвращались из бани. Надежда шла с полотенцем на плечах, распустив свою косу, сушила волосы, говорила, что не может набраться храбрости обрезать свое богатство. А сколько раз хотела, когда денег не было.

Моя мама тоже имела две толстые косы, когда ложилась спать, перекидывала их через козырёк кровати. Когда мы оказывались с Надей рядом, во время обеда или в теплушке, она рассказывала о своей дочке, начинал понимать, как она скучает. Дочку увезла к родителям, а они уже старенькие, как бы чего не случилось. Рассказала, как однажды до двух часов ночи писала сочинение с ребенком «О чем беседовали чайник с сахарницей». Учительница с фантазиями была, жалко недолго в Базое проработала. Что там только ни насочиняли, а закончили приветами Фиделю Кастро. Я рассказал одну из историй, которой тайно гордился. Дочка отдыхала у бабушки на Байкале, когда ее спросили, что тебе сладенького привезти, она сказала: «Папу привезите».

Лет до шести я записывал за дочкой и сыном, сейчас записываю за Валеркиными внуками. Последняя запись была перед отъездом.

Приходит Дима из садика с опухшим носом и заплаканными глазами.

– Что случилось?

– Я с бурятского языка упал.

В детском саду изучают бурятский язык. Он пялился и упал со стула носом в пол.

Есть люди без внешней и внутренней биографии, они живут, не делая ошибок и не совершая поступков, у Валеры всего достаточно. Раньше он работал художником в театре, где мы с ним и познакомились. Сейчас он ремонтирует машины, за ремонт берет копейки, а чаще всего с ним рассчитываются кто чем может. Несут молоко, привозят дрова. Ему постоянно подбрасывают щенков. Знают, что не выбросит. Убежища у него находят всякие неуравновешенные люди. Когда хотелось убежать ото всех, я жил у него месяцами. Кое-что он понимает в жизни, у него своя мудрость. Он делает своим внукам и племянникам мечи со щитами, луки и сооружает спортивные снаряды, для него нет вопроса, что ставить сначала, теплицу или турник детям. Он знает, что игрушки остаются с нами на всю жизнь. Помню, как дядя Саша смастерил

мне рулевик в виде мотоцикла, даже передний конек был на пружинах. Каждое утро я просыпался и бежал к окну посмотреть, на месте ли моя техника. Ставил его на ночь около Пирата, собаки большой и волосатой, как медведь, но все равно украли. Может, Пират был уже старым и проспал? Правда, у меня есть и другое объяснение. Перед сном я просил бабушку рассказать мне сказку. Начало сказок каждый раз выглядело примерно так: «Жил был один мальчик». Я понимал, что это я, но она в этом не сознавалась, и все мои дневные шалости превращала в истории. В сказочных героев превращались кролики, которых я нечаянно выпустил, их ловили все соседи, а Пират ночами превращался во льва и уходил гулять по лесу. Вот в это время и украли мой мотоцикл.

Надежда напоминала мне маму – такую теплую и большую, я так к ней и относился. Марина же, напротив, маленького роста, и толстые линзы превращали ее в школьницу с острым носиком и большими глазами. Она мало говорила, общалась только в случае крайней нужды. На стройку Марина вернулась с завода, где работала со свинцом, а когда в ней самой «свинца стало больше, чем в пуле», вернулась на стройку. Говорила мало, потому что имела не очень много зубов, их хватало только на застенчивую улыбку. Надежда говорила, что на материке Марина живет одна, вернее, с пятью собаками. С получки высылает деньги соседке на корм. Муж погиб, только раз я слышал, как она рассказывала о поездке зимой в Ялту. Кругом была зелень, и вдруг ночью выпал снег. Они все утро как дети кидались снежками.

Прошел месяц, в конце рабочего дня все получили расчётки. Вечером в столовой расчетки превращались из бумажного состояния в совсем неприличные. Куда их только ни отправляли, но они возвращались и с еще большей силой ранили измученные несправедливостью души. Цифры срывали с бумаги и пользовались ими вместо мата. Всем хотелось быстрее забыться. Водка не помогала. Забыться не получалось, гнев требовал выхода и нашел его.

Стихийный митинг возник как-то сразу, все стали орать. Выдвигались разные идеи, но большинство кричало, что завтра на работу не выйдут.

И тут всех как облаком накрыл голос Надежды: «Да заткнитесь вы!» Кругом были мужики, от женщины никто не ожидал приказа, и сразу заткнулись. Она объяснила, что на объект выйти нужно, но к работе не приступать, иначе могут просто уволить за прогул. Решили утром собраться всем на базе.

Автобусы стали останавливаться около арендованного завода, где раньше ремонтировали рыболовные снасти. Первыми вышло несколько человек, прошли на территорию завода, остальные сидели. Отправили гонца, чтобы все выходили из автобусов, иначе зачем всё затеяли. Вышло еще несколько человек.

Большинство, доведенные на материке безработицей, долгами и голодными детьми, из автобуса не выходили. Боялись остаться даже без этого подаяния.

Пьяный героизм превратился в похмельный мандраж. Пошли первые реплики:

- Это не зарплата, а пособие по безработице.
- Сколько заработали, столько и получили.
- Даже на дорогу не заработали, вчера с женой разговаривал, она не верит.

Пока толпа набиралась смелости, главный инженер решил взять инициативу в свои руки.

– Я согласен, что это не та зарплата, которую мы обещали, но вы посмотрите, во-первых, работать не умеют, понаставили себе разрядов, а гвоздь забить не могут. Третий – просто алкаши, которых на материке я бы близко к стройке не подпустил. Ну, а кто считает, что ему не доплачивают, приходите, поговорим лично. А сейчас не время, нужно ехать работать.

Все стояли, опустив головы, и тогда снова Надежда взяла слово:

– Ну и что, кормильцы, куда языки засунули? Бабы вас на заработки отправили, детей нечем кормить. Кому «не

доплачивают», да всем не доплачивают, работать по двенадцать часов и всё на «того парня». Набрали алкоголиков, это ваши радости, вам же перечисляют «подушно», за каждого алкаша.

Помолчали.

Надежда развернулась и пошла к автобусу, это послужило сигналом остальным.

Все потихоньку поплелись к автобусам. Ехали молча. Молчали на место работы. Тупо, машинально вязали арматуру. Абдула не выходил из бытовки.

Поль Робсон ходил и предлагал всем принять лекарство. Каждый для себя сам решал, как поступить. Можно попробовать перейти в другую фирму или уйти обрабатывать рыбу.

...В ограде нашего двухэтажного деревянного дома, если дождь лил несколько дней, образовывалась огромная лужа. Для нас эта лужа была морем.

Мы сооружали плоты, из всего, что плавает, в ход шли доски, куски пенопласта, их собирали на берегу Енисея, старые оцинкованные ванны, а кто имел камеру от грузовика, считался обладателем богатства.

Тетя Феня пожаловалась маме, что я скрутил голову петуху. Петух клевался и не давал никому прохода, но я его не трогал. Мама сказала, что велосипед, который обещала, накрылся медным тазом. Я убежал и заплыл на середину лужи, домой не шел. Сидел на плоту дотемна, пока не пришла мама с соседкой и не «сняли» с меня убийство.

Лужа из моего детства помогла найти решение, над которым я мучался целый день. Когда все собрались в бытовке, чтобы расписаться в журнале по технике безопасности на завтра, я вышел и позвонил журналисту.

Я долго объяснял бригаде, почему нужен заплыв-забастовка. Говорил, что стройка международная, и так нагло грабить им не позволят. Сейчас на берег приедут телевизионщики. «Мы не каторжане» или «На материк от беспредела!». Я не знаю, как назовут этот репортаж, но надеюсь, что он выстрелит.

Поль Робсон, спросил:

– А что делать, я плавать не умею.
– С твоим ростом можно до материка пешком дойти. Ты только червячок придерживай, а то без денег придешь и без достоинства.

– А акулы в залив заплывают?
– Акулы по земле ходят, тебя уже съели, а ты все спрашиваешь, где акулы.

– Кто плавать не умеет, будут изображать китов, выбросившихся на берег.

– Вот почему киты выбрасываются – им «объе.ки» показывают. Мы в воду, они на сушу.

Я понимал, что меня не принимают всерьез, пошел трёп.

Автобус плелся по каменистой дороге около берега, я выбрал место и попросил водителя остановиться.

Из автобуса стали выходить, но я зря радовался, они выходили просто из любопытства. Чайки и вороны кружат вокруг, наверное, думают, что мы приехали на пикник. Никто не раздевался, все стояли и только Надежда с Мариной отошли в сторону, и было видно, как маленькая Марина пытается прикрыть большое белое тело подруги: Надежда раздевалась. Море волновалось, как девушка на первом свидании, в ожидании своих пловцов. Лежат открытые створки ракушек – эмблема фирмы «Shell», напоминая, кто здесь теперь хозяин.

Подошел Робсон, сказал, что боится воды, но с лекарством будет нас ждать.

Рядом со мной оказался подводник, он уже снял куртку и рубаху, обнажив свою подводную лодку, и начал снимать штаны, когда я поймал его за руку.

– Саша, ты куда собрался, не знаем, когда вернемся, с твоим сердцем...

– Ты меня не уговаривай, я знаю все сам. – Таким решительным я его не видел.

Волны набрасывались на песчаный берег и скатывались обратно в море, я стоял в воде, заходящее солнце разбилось тысячами огоньков, и тут рождалось чувство, что земля круглая, и она действительно крутится. Странно, но я уже не думал

о забастовке, о рабочих, стоящих около автобуса, я смотрел на горизонт и входил в воду. Посмотрел, Надежды уже не было на берегу. Поплыл.

Оглянулся. Саша входил в воду, сейчас он не показался мне обрюзгшим, даже что-то молодцеватое было в его броске в воду. Он быстро догнал меня и сказал: «Слушай, если со мной чего, ты только не вздумай меня спасать, я знаю, чем это кончается». Поднялась небольшая волна, и я плохо видел, где плывет Надежда.

Когда мы подплыли, она плыла на спине, изредка перебирая руками.

– Саня, в тебе еще полно сил. – Плавал он размеренно, красиво.

– На воде я в два раза сильнее.

Небо стало темнеть, зажглись фонари на кранах и по периметру стройки. Берег сразу отодвинулся. Мы уплыли достаточно далеко.

Надежда перевернулась, увидела стройку и засмеялась.

– Как похоже. Знаешь, почему я с Базоя уехала? Дочку повезла в Иркутск, а в Базое всю ночь фонари вокруг зоны горят, как на стройке, подъезжать к Иркутску стали, дочка на весь автобус как закричит: «Мама, смотри, какая большая зона!». Весь автобус смеется, а я в слезы. Вот и решила, пропади все пропадом, ребенок кроме заборов ничего в жизни не видит. При первой возможности уеду. Вот и рванула, думала денег заработать и бежать с Базоя... Я уже поняла, что денег мы тут не заработаем, но это ладно. Моя бабушка за всю жизнь скопила только большую жестяную банку пуговиц. Помнила историю каждой пуговицы, прежде чем разрезать на тряпки рубашку, она срезала пуговицы. Могла часами рассказывать, чья это пуговица, как купили и на что, покупали редко, чаще перешивали. Я тоже теперь буду собирать пуговицы. Какие деньги!..

Начали приходиться самые разные видения. То мне казалось, что я вижу глаз, смотрящий на нас через теодолит. Это

разглядывает геодезист, похожий на Феллини. Когда я впервые увидел его, смотрящего в теодолит, то сразу вспомнил фотографию, где Феллини наклонился и заглядывает в кинокамеру.

На берегу что-то происходило. Кажется, что кто-то раздевается, или мне всё кажется. Остановился еще один автобус.

Стал уставать, подумалось, нырну сейчас и выплыву на Сисиме или на Байкале. Переворачиваюсь на спину. Разглядываю облака, пытаюсь определить, на что похожи. Знакомая художница вдруг начала рисовать только облака. Однажды «разгоняла» – пересматривала листы и увидела лик... Показала мне этот рисунок и спросила, что я вижу? Я ничего не увидел. Она подарила рисунок и сказала: «Увидишь».

Вспомнил свой памятник нашего Времени и добавил еще одного героя. Это я, стоящий у окна...

Может, у меня еще будет время, чтобы отыскать с внуками кукушкины башмачки и построить маленький корабль. Он должен быть с парусами, внуки должны стоять на палубе и держать в руках настоящий штурвал. Корабль небольшой, и если бы я перенес его в свое детство, в нашу дворовую лужу, он не выделялся бы размерами.

Посмотрел на берег, там в свете фар увидел копошащихся маленьких людей и, как в детстве, захотел взять их с собой на корабль.

о. Сахалин – г. Ангарск

ПЬЕСЫ

РАЗВЕ МОЖЕТ ИДТИ ДОЖДЬ...

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Подростки, заключенные
следственного изолятора:

СЕРГЕЙ
ВАГАН
ШУРА
ВАЛЕРА

Тюремные надзиратели:

ФЕДЯ
ТРАКТОРИСТ
ВОСПИТАТЕЛЬ
УЧИТЕЛЬНИЦА

ГОРИЗОНТ – филенка панели камеры.
АКВАРИУМ – камера (жаргон).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Свободу Анджеле Дэвис!» – истошный вопль словно знамя взмыл над тюрьмой. Крик подхватила вся «малолетка». Новенький с любопытством наблюдал за бегущей охраной. Ему начинало казаться, что это не тюрьма, построенная в его городе еще до революции, а тюрьма в одном из штатов Америки. В камере «41» трое малолеток, в трусах и майках, забравшись на стол, перебивая друг друга, орал, захлебываясь возмущением и чувством солидарности, словно Дэвис была в соседней камере. Трусы по колено и короткая стрижка делали их похожими на физкультурников 30-х годов.

СЕРГЕЙ. Кровососы! Козлы! Свободу Дэвис!

БАГАН. Держись, сестренка! Тюрьмами нас не сломить!

ШУРА. Дайте свободу Дэвис, а нам дайте селедку!

СЕРГЕЙ. Четыре-два... четыре-два! На работу не идем, сожрали нашу селедку, собаки тюремные!

БАГАН. Братья, отправим бочку селедки Анджеле Дэвис! Да здравствует солидарность зеков всех стран!

СЕРГЕЙ. Боже, закорми «дубаков» селедкой, только воды не давай.

Они так увлеклись, что поздно услышали, как зазвенел замок. Все ломанулись со стола. Сергей, не раздеваясь, с разбега уселся на унитаз. Открылась дверь, улыбаясь вошел «дядя Федя» и молодой «дубак» по кличке Тракторист. Дядя Федя был охранник с богатым опытом таких забастовок.

ФЕДЯ. Привет, забастовщики! (Глянул на Сергея.) Что у вас, сидячая забастовка? Сижу и бастую! Смотри, трусы не испачкай... ха-ха!

ТРАКТОРИСТ (Феде). А где четвертый?

СЕРГЕЙ Мы его съели, селедки не даете.

ФЕДЯ. Ночью на больничку перевели, аппендицит, наверно. Давай новенького.

СЕРГЕЙ (встал). А что от вас, гражданин начальник, селедкой пахнет?

ТРАКТОРИСТ (не понимая). Какой селедкой?

СЕРГЕЙ (обнюхивая Тракториста). По-моему, тихоокеанская.

ФЕДЯ. Не дури, вторая «ходка», а ума так и не нажил.

СЕРГЕЙ. Поделись, дядя Федя.

ФЕДЯ. Ох, я тебе поделюсь.

ТРАКТОРИСТ (в дверь). Проходи, матрац оставь, тут есть. (Сдергивает грязное белье.) Где подушка?

Входит Валера с постельным бельем в руках.

ШУРА. Возьмите, моя совсем деревянная... думал, выплюсь перед судом.

СЕРГЕЙ. Захотел! Дайте ему ключами по голове, гражданин начальник!

ФЕДЯ (Сергею). Ты к пингвинам, в «11» просишься?

СЕРГЕЙ. Побойтесь бога, дядя Федя, с моими легкими... кхе-кхе. Да, новенький не курит?

ТРАКТОРИСТ. Не курит. Не орите больше. За селедкой уехали, начальник тюрьмы уехал.

ШУРА. Я так маме и напишу: «День начался хорошо, я попросил селедки и начальник тюрьмы поехал ловить».

Все засмеялись.

ФЕДЯ. Вот видишь, камера веселая, хлопчики подобрались некурящие. Заполните бирочку на кровать, статья?

ВАЛЕРА. Восемьдесят седьмая.

ФЕДЯ (выходя). Дожили, малолетки по 87-й пошли.

Дверь захлопнулась, все уставились на новенького.

ШУРА. Что за статья?

ВАЛЕРА. Изготовление фальшивых денег.

СЕРГЕЙ. Ну да? Двушки о валенок натирал или ртутью?

ВАЛЕРА. Конечно ртутью, у меня папа профессор химии.

СЕРГЕЙ. Ба, какое совпадение, у меня тоже «химик»... Папа узнал, что я двойки в музыкалке спецом получаю, чтобы на фигурное катание не ходить, бац по клавишам и сюда.

Сергей, как фигурист «заскользил» по бетонному полу.

ШУРА. Я маме так и напишу, что... Нахожусь наконец-то в хорошем обществе, с мальчиками из хороших семей, пусть вышлет салфеток, туалетной бумаги и ножи столовые...

ВАГАН. Ножи, наверное, не пропустят?

СЕРГЕЙ. Почему? Объявимся камерой «Высокой культуры... сидения».

Валера начинает застилать кровать.

ВАГАН. Не застилай, сейчас в жмурки играть будем.

ВАЛЕРА (не поверил). А в футбол вы тут не играете?

ВАГАН. С футболом незадача. (Натянул трусы на грудь.) Форму выдали, а мячик не несут, издеваются.

(Ваган очень редко смеялся, шутки отпускал с полной серьезностью).

ВАЛЕРА. В ментовке меня клопы чуть не съели, тут у вас курорт.

СЕРГЕЙ. Теперь и у тебя будет «ку-ро-рт».

ШУРА. Вот лежим и думаем с утра, чего бы такого скушать? И вдруг селедки захотели – камерный токсикоз. Тем более, что уже месяц как не давали. Ну, ты сам слышал...

Так получилось, что Валерина кровать была около «параши».

ВАЛЕРА. Нет, правда, нормально, только почему унитаз не отгорожен?

СЕРГЕЙ. А мы им не пользуемся.

ВАЛЕРА. Как не пользуетесь?

СЕРГЕЙ. А нам нечем...

Все смеются.

БАГАН. Ты раздевайся, а то вспотеешь. Давай полотенце.

ВАЛЕРА. Может, я посмотрю сначала?

СЕРГЕЙ. Нет, так не пойдет, мы все через это проходили. Смотри на камеру, запоминай... На всю жизнь запоминай.

Сергей завязывает глаза, раскручивает его, все без шума расходятся. У каждого есть свое любимое место: Сергей, словно паук, виснет в углу, Ваган запрыгивает на верхние «шконцы», Шура ходит за спиной у Валеры. Он не может никого поймать, постоянно натываясь на влитые в бетонный пол скамейки, что вызывает взрыв смеха и шуток. Это продолжалось так долго, что стало походить на издевательство. От боли Валера начал «заводиться», и как бывало в драках, стал бросаться в разные стороны, не обращая внимания на боль. Наконец он поймал Шуру и, сдернув полотенце, упал на кровать.

ВАЛЕРА. Больше не могу, я в аквариуме три дня с клопами в жмурки играл.

ШУРА. Вы нас извините, товарищ фальшивомонетчик, но днем лежать не положено.

СЕРГЕЙ. Пусть лежит, скажем, умирает, ухи просит.

Шура и Сергей начинают мыться, обливая друг друга. Ваган делает растяжки. приседания на одной ноге.

СЕРГЕЙ (вытирается, смотрит на Вагана). Ты так занимаешься, словно у тебя соревнование через неделю.

Открылась «кормушка», появилась голова баландера.

ШУРА. Наша папа пришла...

ГОША. Селедку просили?! Получай.

СЕРГЕЙ. Мне хвостик.

ГОША. Художника к вам бросили?

СЕРГЕЙ. Спит.

ГОША. Разбуди, дело есть.

СЕРГЕЙ (на цыпочках подошел к спящему и вернулся). Нет, Гоша, не могу, видишь на «цырлах» ходим, ты же не хочешь, чтобы он мне нос откусил. Он суровый, лучше пару кусков селедки ему положи.

ГОША. Ладно, в обед «перетрем».

ШУРА. Гоша, передай «хозяину», что завтра будем бастовать, пусть черную икру достает.

ФЕДЯ (заглянул в кормушку). Хлопец дроби захотел, проси лучше.

Кормушка закрылась.

ШУРА (будит Валеру). Вставайте, ваше величество, поросенок под хреном.

СЕРГЕЙ. Поросятка, правда, съели, но хрен остался.

ВАЛЕРА (вставая). Сразу отрубился.

ШУРА. Всем приятного аппетита. Какая удивительно вкусная сегодня еда...

Ваган что-то вылавливает из баланды и в ложке несет в унитаз. Он больше ходит, чем сидит за столом.

СЕРГЕЙ. Надоел, возьми и вылей все в парашу.

ВАГАН. Когда-нибудь я проберусь на кухню и посмотрю на этого повара, мне кажется, он сумасшедший, чего только ни покидал... Хоть бы раз кусочек мяса попался...

СЕРГЕЙ. Его крутят на мясорубке, чтобы не дрались.

ШУРА. Правда?

СЕРГЕЙ. Век мяса не видать.

ВАЛЕРА (Вагану). Бери мою селедку, я ее не ем.

ВАГАН. Я тоже раньше не ел, но надо – витамины. На чесноковинку, натри под носом, селедкой пахнуть не будет.

ВАЛЕРА. Пока не хочу.

СЕРГЕЙ (запрыгивая на «решку»). Смотри, в тюрьме и татарин сало ест. (Достал пачку маргарина.) Опять новую пачку исклевал, ну что за наглец!

БАГАН (следит за мухой). Вот еще один нахлебник заходит на посадку... Ну как это называется?

СЕРГЕЙ. Это действие можно квалифицировать по статье 144 – кража личного имущества.

БАГАН. Здесь все государственное, даже мы...

СЕРГЕЙ (ловит муху). Для «букета» можно и «89» припаять, короче, нужно разбирательство. (Засунул муху в спичечную коробку.) Пока в аквариум. (Моеет руки).

ШУРА. Она же кушать хотела, можно сказать, просила у вас.

СЕРГЕЙ. Тогда посади ее себе в чашку, попрошайничество у нас тоже запрещено, адвокат.

ШУРА. Посадил в камеру, корми.

СЕРГЕЙ. Еще сутки не прошли.

ШУРА. А ты знаешь, какие у них сутки?

СЕРГЕЙ. А у нас... они тоже не знают.

Валера быстро все съел и сполз на «шконцы».

СЕРГЕЙ. Ты домой?

ВАЛЕРА. Не понял?

СЕРГЕЙ. Домой – значит спать.

ВАЛЕРА. А... домой... домой.

ШУРА. Не спи, скоро на работу поведут.

ВАЛЕРА. Что вы там делаете?

БАГАН. Конфеты заворачиваем.

ВАЛЕРА (открыл глаза). Какие конфеты?

СЕРГЕЙ. «Мишка на Колыме».

Все смеются. Валера блаженно улыбается.

СЕРГЕЙ. Валера, миску за собой вымой.

Валера встал, почти не открывая глаз, забрал свою миску и

начал ее мыть. Открылась кормушка, через несколько секунд заглянула голова второго, старого баландера.

СТАРЫЙ. Я тут весь срок стоять буду?

СЕРГЕЙ. Посуду отдай.

Валера забрал со стола посуду, со звоном упала алюминиевая кружка.

ШУРА. Тут даже посуда на удачу не бьется, я на работу не пойду, буду последнее слово сочинять.

СЕРГЕЙ. Шура, по первой «ходке» нужно просто расплакаться и говорить: «Дяденьки, я больше не буду... попадаться».

ШУРА. Странно, когда совершаю какую-нибудь глупость, я всегда говорю себе: «Вот сейчас делаю глупость и каяться потом не буду».

СЕРГЕЙ. Он еще подумать успевает, а я вот нет. Шура, нарисуй корабль на «горизонте».

ШУРА. Зачем?

СЕРГЕЙ. Завтра ты на этом паруснике отчалишь, а мы весь день будем дуть в паруса, чтобы ты не вернулся.

Шура огрызком карандаша рисует парусник над филенкой. Он не успел нарисовать себя на палубе, как открылась кормушка.

ТРАКТОРИСТ. Наведите порядок, сейчас учительница придет, на работу после обеда пойдете.

ВАЛЕРА. Какая учительница?

ВАГАН. Что, настоящая?

Кормушка захлопнулась.

СЕРГЕЙ. Думали, от родной школы в тюрьму спрятались? Налезли к первому сентября в камеру, не выйдет!

ШУРА. Первое сентября! Сегодня весь наш класс собирается, а меня не будет.

БАГАН. На твоей парте поставят табличку, что здесь сидел и сейчас сидит Махначев Шура.

СЕРГЕЙ. Может, с суда нагонят, зайдешь в класс, все девчонки в слезы...

ШУРА. Если «условно», я могу обратно в свою школу?

СЕРГЕЙ. Парту колючкой обтянут и учишься. Шучу, можно конечно.

Слышно, как открываются замки. Все невольно подтягиваются. В дверях молоденькая девушка, совсем не похожая на учительницу. Тракторист изображает из себя бывшего укротителя.

ТРАКТОРИСТ. Встать!

СЕРГЕЙ. Лечь!

ТРАКТОРИСТ (учительнице). Двери открыты, если что – только крикните...

СЕРГЕЙ (в тон). Я их всех по домам разгоню!

Тракторист вышел.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Меня зовут Людмила Васильевна.

СЕРГЕЙ. А меня Сергей Иванович (протянул руку), вы к нам по какому вопросу, на экскурсию?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Перестаньте паясничать, для экскурсий я выбираю места более... (она замялась).

СЕРГЕЙ. Приличные. Представьте себе, я тоже, вот прошлым летом я был на экскурсии в Иркутской тюрьме, где в свое время находились такие выдающиеся деятели как Ба...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Меня не интересует, где вы были прошлым летом. Я буду вести у вас математику. На этих тетрадах напишите свое имя и фамилию.

ШУРА. А что, писать будем карандашами?

СЕРГЕЙ (строго). Да, пастой ты можешь сделать себе наколку «Математика – царица наук».

ВАЛЕРА. А если спросить, то руку поднимать?

СЕРГЕЙ. Ногу.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вы, как я вижу, не собираетесь учиться?

СЕРГЕЙ. Почему вы так решили? Я как раз собираюсь. Представляете, прошлый раз освободили по амнистии, не успел закончить десятый класс.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Теперь закончите.

СЕРГЕЙ. Только для вашего спокойствия.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Меня это совершенно не волнует.

СЕРГЕЙ (томно). А что вас волнует?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я еще раз повторяю, давайте не отвлекаться, или вы хотите заниматься в присутствии надзирателя?

СЕРГЕЙ. Нет, не нужно, он подсказывать начнет, кстати, у Тракториста шесть классов...

УЧИТЕЛЬНИЦА. У какого тракториста, у вас же камера десятиклассников?

СЕРГЕЙ. Я про надзирателя говорю. (Тихо.) Тракторист вас сюда привел.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Все, хватит! Называйте фамилии.

ВАЛЕРА. Одинцов Валерий, а оценки тоже будете ставить?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Обязательно.

СЕРГЕЙ. И родителей вызывать?

ВАГАН. Я школу в этом году закончил.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сделаем запрос, а пока будете на общих основаниях, фамилия?

ВАГАН. Арутюнян Ваган.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Следующий.

ШУРА. Александр Сергеевич...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сначала фамилии.

СЕРГЕЙ. Потом номер.

ШУРА. Ясно, Махначев А. С., а номера у меня еще нет.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вы не в концлагере, ваша фамилия?

ШУРА. Можно меня не записывать, я завтра на суд, прошу, не записывайте.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Почему? Если освободят, я просто вычеркну.

ШУРА. А можно не записывать?! Я суеверный.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Хорошо, но на тетради напишите.

СЕРГЕЙ. Меня тоже не записывайте. Я раздумал, а то втянусь, стану бухгалтером, а у них знаете какие большие срока. Я лучше пойду, поработаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ну что ж... (В дверь.) Подойдите, пожалуйста. Скажите, пока идет урок, вот этот товарищ желает поработать, я не возражаю.

ТРАКТОРИСТ. Где поработать?

СЕРГЕЙ. На моем месте. Если нет, то на кухню пряники перебирать.

Раздался звонок. Дожевывая на ходу, выбежал дядя Федя.

ТРАКТОРИСТ. Не хочет учиться, просится на работу.

СЕРГЕЙ. Приятного аппетита.

ФЕДЯ. Спокойно поесть не дадут, «приятного аппетита», значит, нет желания учиться?

СЕРГЕЙ. Дядя Федя, я не против учебы, учеба для меня праздник, а учительница не разделяет со мной этой радости.

ФЕДЯ. Слушай, перестань придуриваться, без тебя работы хватает. Да, может, ты поговоришь с 11-й, там ведь твои знакомые, додумались бассейн себе устроили. Поговори, а то я сейчас солдат буду вызывать.

СЕРГЕЙ. Нет, дядя Федя, ты пошутил, это не для меня, пошел учиться.

ФЕДЯ. Иди.

Сергей с опущенной головой входит в камеру.

СЕРГЕЙ. Извините, можно войти?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Перевоспитались, садитесь.

СЕРГЕЙ. Перевоспитался.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Быстро вы перевоспитываетесь.

СЕРГЕЙ. Сам удивляюсь, почему такие большие срока дают?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вот вам примеры. Решайте, а то слишком бойкие на язык, как я погляжу.

Тишина. Людмила Васильевна ходит по камере, от стола до двери и обратно.

СЕРГЕЙ. Бредовая идея, давайте, Людмила...

УЧИТЕЛЬНИЦА. Васильевна. Вы решили?

СЕРГЕЙ. Один пример остался. Давайте, Людмила Васильевна, как будто вы моя сестра или жена и пробрались под видом учительницы в тюрьму, как в индийских фильмах, а?

Все прыснули от смеха.

УЧИТЕЛЬНИЦА (сдерживая смех). Нет, это невозможно.

СЕРГЕЙ. Все, все решаем. Так, это сюда, этих к высшей мере – сократить.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Про себя, вы мешаете.

СЕРГЕЙ. Вот и все. Только, по-моему, это восьмой класс.

УЧИТЕЛЬНИЦА (смотрит работу). В какой школе учились?

СЕРГЕЙ. Восемь в 28-й закончил. Между прочим, мне моя математичка, Мария Георгиевна, всегда говорила: «Хорошая у тебя голова, Сергей, да дураку досталась». А я с ней все спорил.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Зря спорил.

СЕРГЕЙ. Понимаю, но я упрямый.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сдаем тетради.

ВАГАН. Извините, у вас кольцо на левой руке, вы не замужем?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ну, знаете!

ВАГАН. Хочется о чем-нибудь хорошем поговорить... извините.

СЕРГЕЙ (шепотом). Вы с ним поосторожнее, он за людоедство сидит... бабушку съел, а потом и Красную шапочку.

Учительница заулыбалась, все почувствовали себя свободно.

ВАЛЕРА. Людмила Васильевна, а за что вас сюда? Не по доброй же воле?

УЧИТЕЛЬНИЦА. По доброй воле не может быть?

ВАЛЕРА. Почему, наверное, может, только какую же волю надо иметь...

Все замолчали.

СЕРГЕЙ. Ну да, конечно...

УЧИТЕЛЬНИЦА. У меня был выбор – остаться в городе или нет, но я и в нормальной школе преподаю.

ШУРА. Перестань!

СЕРГЕЙ. Шура, ты меня не понял, я просто хочу проводить Людмилу Васильевну до дверей.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я обойдусь без... Не прикасайтесь ко мне!

СЕРГЕЙ. Я тебя не трогаю.

На крик залетел Тракторист.

ТРАКТОРИСТ. Что тут происходит?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет, ничего.

Она быстро вышла.

ВАГАН. На работу сегодня не идем, домашнее задание будем делать.

Тракторист, не обращая внимания, закрывает камеру.

ВАЛЕРА. Одеколоном-то как пахнет, чувствуете?

ВАГАН. Духами.

ШУРА. Я боялся, что ты пошлешь ее...

СЕРГЕЙ. Шура, вот отгадай, куда я побежал после освобождения?

ШУРА. Ну, куда, домой.

СЕРГЕЙ. Домой, само собой, а потом?

ШУРА. Потом, не знаю... везде (Заулыбался).

СЕРГЕЙ. Не отгадаешь никогда. Я в общагу пединститута побежал.

ВАГАН. К Людмиле Васильевне?

СЕРГЕЙ. Почти, только ту Мариной звали... В колонию к нам из педа приехали. Танцы, чай, диспут о жизни и так далее, ненавязчивый сервис, тары-бары... они все такие красивые и мы в строгой черной робе. Потанцевал с одной, чего-то завелся, стал ей про жизнь рассказывать, какой, мол, я хороший, а она все кивает, а я все больше душу выворачиваю... Ну, простились, чуть ли не со слезой, адрес и горячие слова: «Вы сидите, мы вас подождем»... А тут бац и амнистия! Два дня на поезде везли, я заснуть не мог. Стою на вахте, жду. Там мельтешня такая – ходят разные, у меня глаза разбегаются, потом девчонка пришла какая-то сказать, что Марина не выйдет, у нее экзамены. Какие экзамены, я два дня как освободился. А она мне вроде как по секрету: что, мол, не выйдет, она у нас идейная. Выбежал я на улицу, дрожу весь. Скажи мне тогда кто-нибудь слово против – убил бы, наверно. Как пьяный стал. Все пофигу стало, и свобода тоже. Давай я камнями по окнам кидать, даже не заметил, как менты подъехали. Ну, думаю, поехал обратно. Привезли, трясет всего, хорошо, дежурный капитан нормальный попался. Справку об освобождении посмотрел, штраф хотел взять, а потом так отпустил.

ШУРА. Все с вами ясно... Ваган, ты передай математичке, чтобы она в каске приходила, теперь Серый всем учителям стекла бить будет.

СЕРГЕЙ. Не всем... интересно, кто теперь тут литературу преподает?

ВАЛЕРА. А влетел за что, если не секрет?

СЕРГЕЙ. Клавиши запали у одного товарища, сильно попросил. А ты правда можешь «чирик» нарисовать?

ВАЛЕРА. Раскрасить могу.

ШУРА. Кто-то рисовал, а ты раскрашивал?

ВАЛЕРА. Ну, как детский альбом для раскрашивания.

СЕРГЕЙ. Валера, если баландёр попросит что-нибудь изобразить, соглашайся, только цену набивай.

ВАЛЕРА. Понял.

Шура забрался на верхние шконцы и застыл около радио. Звучала классическая музыка. Ваган залез на окно. Валера лег на нижние шконцы, пытаясь заснуть. Сергей расставил шашки и жестом пригласил Валеру сыграть.

ВАЛЕРА (тихо). Сплю.

Сергей начал играть один.

ШУРА. Я до тюрьмы классику совсем слушать не мог, а тут слушаю и мне нравится.

Грохот бегущих сапог заглушил музыку. Раздались команды, мат и стоны наполнили тюрьму. Сергей подбежал к дверям.

ВАЛЕРА. Что это?

СЕРГЕЙ (заглядывая в «волчок»). Солдаты одиннадцатую вяжут.

ВАЛЕРА. Дай посмотреть.

СЕРГЕЙ. Не видно, они за углом. (Кричит.) Сапоги поберегите!

Все неожиданно быстро стихло. Открылась кормушка, появилась рука с маргарином.

ГОША. 42-я за махру засылает.

СЕРГЕЙ. Гоша, как там на баррикадах?

ГОША. Косоглазому дубаку голову проломили.

СЕРГЕЙ. Ну все, отсушат им почки.

ГОША. Художника позови.

СЕРГЕЙ (подмигнул). Валера, подойди.

ГОША. Ты можешь мой портрет нарисовать?

ВАЛЕРА. Можно.

ГОША. Что тебе нужно?

СЕРГЕЙ. Колбасы, конфет...

ГОША. Серый, не лезь. Чем рисовать будешь? Мне не-большой надо, чтобы в конверт вошло.

СЕРГЕЙ. Заочнице посылать будешь?

ГОША (довольный). Я ей уже два письма послал, она мне свою фотографию выслала и мою просит.

СЕРГЕЙ. Она тебе не Эдиту Пьеху выслала? А то приедешь, а там И-ди-ты... нету, а сидит Баба-Яга...

ГОША. Нет, эта не такая, у меня чутье. Я ее письмо из двадцати выбрал. Если есть желание, я вам принесу с десятком.

СЕРГЕЙ. Неси.

Гоша ставит миски с баландой.

БАГАН. Можно со дна пожиже.

ШУРА. И мне. Я похудел на три килограмма, если я такими темпами буду худеть, то через пятнадцать месяцев меня будет нуль.

СЕРГЕЙ. Нуль запечатают в конверт и отправят маме. Она повесит тебя на вешалке.

БАГАН. А гости будут ходить, тыкать пальцами, спрашивать, что за дырка? Мама будет плакать и говорить: «Это мой сын».

ШУРА. Ты слышишь, Гоша? Моя мама проклянет тебя, если ты...

ГОША. Проглоты. Валера, ты мне так и не сказал, что тебе нужно?

ВАЛЕРА. Бумагу, лучше ватман и мягкий карандаш.

Кормушка закрылась. Сели обедать.

СЕРГЕЙ. Ты себя вел, как настоящий художник.

ВАЛЕРА. Дело за малым – нарисовать.

БАГАН. Ерунда, нарисуешь черпак с глазами.

Все смеются.

СЕРГЕЙ. Рисовать будем, как работаем, – конвейером. Я беру волосы.

ШУРА. Он же лысый.

СЕРГЕЙ. Да, я не заметил... Ваган нарисует нос как большой специалист. Шура – глаза, а ты все остальное. Пусть только попробует себя не узнать.

БАГАН. Я знаю, рисовать будем по клеточкам, нужно на кормушку натянуть квадратную сеточку из проволоки, потом объясню.

СЕРГЕЙ. Все это ерунда, нарисуешь один глаз, и будем месяц допаяк получать. Главное не торопиться.

Открываются двери, появляется дядя Федя, ковыряясь спичкой в зубах. С ним Тракторист.

ФЕДЯ. Как вам курочка? Мне показалось, специй много.

СЕРГЕЙ. Мне лично в самый раз, а вот в салате огурчиков не хватает.

БАГАН. И помидорчиков, и редисочки и лучку...

ФЕДЯ. Собирайтесь на работу, курочку отрабатывать.

БАГАН. А домашнее задание когда делать?

ФЕДЯ. Побалакали, вперед!

СЕРГЕЙ. Дядя Федя, Гапон в карцере?

ФЕДЯ. Он теперь долго не выйдет.

Тракторист запрыгнул на «решку» и ключом провел по железным прутьям, прозвучал тюремный ксилофон.

ШУРА. Целая?

ТРАКТОРИСТ. Целая, целая, пошли.

ШУРА. Серый, ты выиграл. (Трактористу.) Он вчера одну подпил и пластилином замазал, а вы говорите «целая».

ФЕДЯ. Ты в карцере ни разу не сидел?

Тракторист не знает, что ему делать, выжидательно смотрит на Федю.

ТРАКТОРИСТ. Проверить?

ФЕДЯ. Не нужно, веди на работу.

ТРАКТОРИСТ. Руки за спину! Пошли.

Затемнение.

В подвале тюрьмы рабочая камера. Стоят деревянные верстаки. Штабеля готовых ящиков.

СЕРГЕЙ. Держи молоток. Норма на одного 20 ящиков, мы конвейером делаем, так быстрее. Ты будешь делать боковушки, как Васька.

ВАЛERA. А для чего эти ящики?

СЕРГЕЙ (засмеялся). Для лимонада. Это называется трудотерапия.

Начинают колотить ящики, пока Ваган не закричал.

ВАГАН (из-под верстака). Мышонок! Маленький, даже не убегает. Гвоздь отлетел, наклоняюсь, смотрю, две бусинки блестят. Мой хороший!

ШУРА. Дай поддержать.

ВАГАН. Ты не жми его, хребет сломаешь.

ШУРА. Да он крепкий, как слон.

ВАЛERA. Точно слон. Только маленький, такой же серый.

СЕРГЕЙ. Вот и давайте звать его Слон, у нас в Николаевке Слоны были, два брата.

ВАГАН. Камерный Слон пятым будет, нужно только в камеру пронести.

СЕРГЕЙ. Держи в руках при обыске.

ШУРА. Ему нужно дом построить

ВАЛERA. А ящики?

СЕРГЕЙ. Подумаешь, машину водки не завезут. Построим ему однокомнатную камеру.

ВАГАН. Сергей, ты бы всех пересадил. Камера в камере. Это перебор, лучше построить ему дом, двухэтажный, как у деда в Ереване.

ВАЛERA. Живете, как буржуи...

ВАГАН. В нем три семьи живет. Этот дом дед всю жизнь строил.

СЕРГЕЙ. А кто на базаре яблоки продавал?

ВАГАН. Не знаю, ты, наверно...

СЕРГЕЙ. Я только разгонял... Мы два раза в Николаевке разгоняли. Если Николаевка кого-то не полюбит – это смертельно. Даже школа милиции, она рядом, ничем помочь не может. Сейчас, правда, не то, пересадили многих, кто женился. Да и Николаевку почти всю снесли, раскидали по всему городу.

ВАГАН. Сколько себя помню, мотаемся за отцом по всей Сибири.

СЕРГЕЙ. Ты не заводишь, я же пошутил, просто вспомнил. Гордея порезали, мы к нему в больницу собрались. Хотели яблок купить, а они по 12 рублей. Ну, мы и возмутились, – тюбетейки в разные стороны летели. Мы в палату мешок яблок принесли.

ВАГАН. Тюбетейки у нас не носят, я сам покупал за те же цены, когда отца в дурдом упекли...

Ваган не может говорить.

ВАЛЕРА. А что с ним?

ВАГАН. Начальника управления при всех сволочью назвал.

ВАЛЕРА. И что?

ВАГАН. Ничего. Он из управления выйти не успел, подъехали санитары, руки заломили и в дурдом. Накололи чем-то, он вышел тихий, тихий. До сих пор тихий. Ляжет, может три дня в потолок смотреть... Начальник начал мне сказки рассказывать, что отец в него бросил пепельницу, показывал половинки. Потом мне одна женщина рассказала, как все было. Ничего он не бросал. Я теперь отца узнать не могу. Внешне он...

ВАЛЕРА. Ну, козел!

ВАГАН. Я думал, убью его. Живучий оказался. Если отец не придет в себя, выйду, достану эти уколы, которые в дурдоме делают, и из него тоже самое сделаю.

СЕРГЕЙ. Ладно, давай домик колотить.

Делают маленький домик для Слона. Вдруг лязгает задвижка, запыхавшись, влетел Тракторист.

ТРАКТОРИСТ. Сдавайте молотки и бегом в камеру.

ШУРА. Мы еще норму не сделали.

ТРАКТОРИСТ. Не надо, приказ немедленно привести вас в камеру, бегом!

Затемнение.

В камере Тракторист спешно обыскивает ребят, видно, как они передают домик из рук в руки.

ТРАКТОРИСТ. Снимайте грязное белье, сейчас новые комплекты принесут.

ВАЛЕРА. А у меня чистое.

ТРАКТОРИСТ. Снимай, белье новое принесут.

ШУРА. Мы же в баню не ходили.

ТРАКТОРИСТ. Сводим.

Появляется Федя с комплектами белья.

ФЕДЯ. Ну, хлопцы, вы даете! Разбирайте белье, берите по два полотенца: одно для ног.

СЕРГЕЙ. С нуля!

ФЕДЯ. Это еще не все. Вот вам туалетная бумага, сказано использовать по назначению, чтобы на завтра хватило.

ШУРА. А что будет завтра?

СЕРГЕЙ. Завтра будут смотреть, умеешь ли ты пользоваться туалетной бумагой.

ФЕДЯ. Наведите порядок, сейчас к вам воспитатель придет.

СЕРГЕЙ. Боже, какая честь, всем срочно на горшок, мыть ноги. Шура и Ваган на почетный караул!

ФЕДЯ. Ты перестань, ты еще не знаешь, какую вы кашу заварили.

СЕРГЕЙ. Какую кашу?

ФЕДЯ (закрывая дверь). Подожди, узнаешь.

Шура подбежал к дверям, послушал, сделал заговорщицкое лицо.

ШУРА (шепотом). Братцы, до меня дошло... Нас подслушали, утром помните, я говорил про туалетную бумагу и ножи столовые.

СЕРГЕЙ. Мура! Подслушали и сразу принесли, «извините, что сразу не догадались»!

ВАЛЕРА (разматывая и сматывая бумагу). А правда, никогда не пользовался туалетной бумагой. В интернате мы раз в месяц садились и вырезали портреты из газет... А потом резали газеты на квадратики – «гигиенический час», а мы называли его «политзанятия». Когда подросли, начали интересные заголовки вырезать из передовиц и клеить в туалете. После этого «политзанятия» стали проводить в младших классах.

БАГАН (берет бумагу). Значит, Валера, бумагой пользоваться так...

Открываются двери, входит воспитатель. Он, молча осматривает ребят.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Чем занимаетесь?

БАГАН. Учимся, товарищ капитан, пользоваться туалетной бумагой.

ВОСПИТАТЕЛЬ. А что, не умеете?

СЕРГЕЙ. Так точно! Научите, пожалуйста.

ВОСПИТАТЕЛЬ (съел улыбку). Все шутим. Ну, а кто придумал кричать «Свободу Анджеле Дэвис!»? Я хочу посмотреть на этого патриота.

Все молчат.

БАГАН. Радио начало, все утро кричало.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Я отпуск не догулял, отозвали. И все из-за того, что вам не дали селедки.

ШУРА. Уже дали.

ВОСПИТАТЕЛЬ. А то, что под вами, за забором, городская бензоколонка, вы, конечно, не знали?

СЕРГЕЙ. Почему, я знал. Я жил тут рядом.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Вы сегодня утром драли глотки, а на бензоколонке заправляли машину, в которой возили американских журналистов. Водитель, тоже догадался высадить их перед бензоколонкой, на газон, прямо перед вашими окнами. Они слышали крики вашей солидарности. Когда узнали, что это тюрьма, потребовали встречу. Из Москвы уже летит представитель, чтобы все решить на месте... А пока мы наметили несколько камер. Если эту встречу, не дай бог, разрешат, заведем их к вам... Но не вздумайте объяснять им, что вы это сделали из-за селедки.

СЕРГЕЙ. Ну, почему, мы действительно...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Это им расскажешь, что вы действительно... Если будете вести себя благоразумно, я на суд характеристики напишу и вас, вместо колонии как патриотов в Артек отправят.

БАГАН. Хороший лагерь, я в соседнем Орленке был.

ВОСПИТАТЕЛЬ. На работу ходить не будете, только учиться.

СЕРГЕЙ. А Ядвига Витальевна будет у нас преподавать?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Будет. Принесут журналы и газеты, только прошу ничего не дорисовывать и женщин не вырезать.

СЕРГЕЙ. Мы только одну женщину вырежем – Дэвис! Но ведь она не женщина, она символ борьбы.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Дэвис можно. Посоветуемся с замполитом, может, телевизор вам поставим.

СЕРГЕЙ. Балуете.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Вы нас тоже. Вопросы есть?

ШУРА. А ножи столовые дадут?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Зачем вам ножи?

СЕРГЕЙ. Колбасу резать.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Колбасу не обещаю, ее и в городе нет, но посылке получите. За солидарность.

БАГАН. Лучше сумасшедшего повара из столовой уберите.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Не понял?

БАГАН. В гороховый суп тухлую рыбу кидает, а в кашу – гнилую картошку. Мы все ждем, что он селедку сахаром начнет посыпать.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Разберусь. К вам я еще зайду. Да, о Дэвис никому не говорите, а то еще что-нибудь выдумают.

СЕРГЕЙ. Молчать будем, как на допросе.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Верю.

Дверь захлопнулась, все обалдело смотрят друг на друга.

СЕРГЕЙ (запел). Колонка моя, дорогая, родимая, милая... Мы на ней мопеды заправляли, со шлангов сливали, на нас заправщица орет: «Ну-ка, марш с колонки!» Так мы ее и послушали, мы пока из этого удава все не выжмем, ни с места. Зальем, а потом целый день жжжжж... (Сергей прыгает на лавку, как на мопед, и «помчался».) Садитесь, вам куда?

БАГАН (прыгает, держится за Сергея). В Ереван!

ВАЛЕРА. Меня только за ворота!

ШУРА. К маме хочу, отвезите к маме!

Раскачиваясь в разные стороны с криками «Прибавь газу!» неслись, оглядываясь на мелькающих девчонок. Тогда все начали кричать и размахивать руками.

БАГАН. Серый, тормози, смотри какие красивые.

СЕРГЕЙ. Не могу, тормозов-то нет.

ШУРА. Девчонки, киньте мороженое... Жадины! Сама ты дура!

ВАЛЕРА. Она же не знает, что ты из тюрьмы просишь.

СЕРГЕЙ. Следующая остановка Нью-Йорк! Ду ю спик инглиш, сэр?

БАГАН (привстав). Йес, май нейм из Ваган.

СЕРГЕЙ. Сит даун, плиз.

БАГАН. Чем я и занимаюсь уже два месяца.

СЕРГЕЙ. О, сэр остряк, как это будет по-русски?

БАГАН. Ножик.

СЕРГЕЙ. А вот и тюрьма, в застенках которой сидит Анджела Дэвис. Пригните головы, тараним ворота!

ВАЛЕРА. Где тут у вас Анджела Дэвис? Не понимает по-русски, дубачье проклятое. Дэвис! Дэвис!

ШУРА. Открывай все камеры!

ШУРА. Вот ее камера! Дэвис, здравствуй! Не понимает!

СЕРГЕЙ. СССР! Россия! Свобода! Как это будет по-английски?

БАГАН. Придем?

ШУРА. Вам хорошо, завтра с американцами встретитесь, а я на суд.

ВАЛЕРА. Может, еще не пустят.

БАГАН. Почему? Очень даже могут. Советские заключенные требуют свободу Анджеле Дэвис. Для них это материал, вот, мол, какие советские люди: «Сам пропадай – друга выручай».

ВАЛЕРА. Представляют, Дэвис освобождают, она приезжает в Союз...

СЕРГЕЙ. ...Ты даешь ей фальшивых денег и ее садят...

БАГАН. ...А Тракторист не дает ей селетки.

Они смеются.

ВАЛЕРА. Почему у него такая кликуха – Тракторист?

СЕРГЕЙ. Он раньше в гараже трактористом работал, когда новые трактора пришли, ему не дали, он обиделся и ушел в «дубаки».

ШУРА. А ты откуда знаешь?

СЕРГЕЙ. Он баландеру плакался, а тот мне. А я ему кликуху, чтобы он не расставался с трактором.

Они смеялись не останавливаясь.

БАГАН (с домиком в руках). В комнату, к сестре слоненок зашел, сейчас напугает... она ужасно боится маленьких слонов! ...Ее нет в комнате... Наверно, к подружке пошла.

Открылась кормушка.

ГОША. Лошадиная мечта!

ВАГАН. Опять овес.

ГОША. На вас не угодишь.

СЕРГЕЙ. Хочешь, Гоша, я тебе слона покажу?

ГОША. Ну?

Сергей сует мышонка Гоше в нос.

ГОША. Убери скотину!

СЕРГЕЙ. Сам ты, Гоша, скотина! Этот слон червонец отпахал за то, что баландера в зоопарке съел. (Схватил Гошу за голову.) Тащи его в камеру!

Ваган и Сергей тянут баландера в камеру.

СЕРГЕЙ. Отличный суповой набор!

ГОША. Отпустите, я больше не буду.

ВАГАН. А! Он нас больше кормить не будет!

ГОША. Буду! Буду!

Гошу отпускают.

ГОША. Зеки противные, сказал, не буду кормить! Валера, держи ватман. Ладно, дам чашку, ну еще одну...

Закрывает кормушку, Ваган кормит мышонка.

ВАГАН. Ну, кушай. Братцы, он не ест. Не в Слона корм!

ШУРА. Серый, а на зоне лучше кормят?

СЕРГЕЙ. Из столовки выходишь, кажется, ты еще не заходил, но это пару месяцев. Меня в первый день так накормили, что на весь срок хватило. Я в столовой не на свое место сел, подходит товарищ и говорит: «Сдуло!». Я не понял сначала, а он еще раз: «Не врубаешься, что ли? Сдуло, говорю!» – только тут до меня дошло, что я вообще вроде никто – одуванчик. Я ему прямо в столовой в рожу залез... Он стоит, меня не трогает, только глаз округлился. Он советчиком оказался.

ШУРА. Как это?
СЕРГЕЙ. Сейчас.

Кормушка открылась, отдали посуду. Стали ложиться спать, в камере погас свет, горела только дежурная лампа.

СЕРГЕЙ. Вот. А вечером, в туалете весь «совет» мимо меня прошел. Утром я еле встал, рожка так заплывала, что я, чтобы посмотреть, рукой на щеку надавливал. Воспет вызвал к себе, говорит: «Говори, кто избил?». Я говорю:

«Ребятишек боксаться учил». Воспет прекрасно знал, кто избил. Совет «борзых» сразу обламывает, весь отряд в кулаке держит. Вечером воспет на отбое вывел меня перед строем и сказал, чтобы прекратили обучать друг друга боксаться. Нам такие тренеры не нужны. Все ржали. Ко мне потом кличка Тренер прилипла... Валера, ты лучше расскажи, как ты деньги подделывал?

ВАГАН. Он уже спит. Шура, накинь на него одеяло.

ШУРА. Уморился... Ваган, ты не забудь адрес написать.

ВАГАН. Я тебе ереванский напишу, тут мы жить все равно не будем.

ШУРА. И сидеть не хочу, и Бориса подводить нельзя, у него ребенок родился. Будем спать?

Прошло время, кажется, все спят. Шура потихоньку встал, нашел коробок и выпустил Муху, долго стоит и смотрит на звездное небо. Ваган встал рядом.

ВАГАН. Ты не плачь...

ШУРА. Я без тебя на зону не поеду.

ВАГАН. Вместе поедем.

ШУРА (сквозь слезы). Не залез бы в склад, не познакомился бы с тобой.

ВАГАН. Получается, что я сидел на складе. Ты последнее слово продумал?

ШУРА. Зачем паровозу думать. Мне только для отца последнее слово нужно, как ему все объяснить? На работе у него неприятности из-за меня. Ладно, пошли спать.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

День второй. Свет медленно наполняет камеру. Шура лежит с открытыми глазами и слушает, как идет дождь. Ребята спят, широко раскинувшись на кроватях. Оглушительный звонок пытается нарушить эту идиллию, но все продолжают лежать.

ШУРА. С детства дождь люблю. В деревне как дождь зарядит – всё, на покос не надо, все дома сидят. Дед ремонтирует что-нибудь, бабушка пирожки печет, на весь дом запах. Все переживают, чтобы сено не сгнило, а я Бога молю, чтобы дождик не кончался. Разве может идти дождь, когда я тут?

БАГАН. Может, сегодня дождик тебя дождется.

Стук ключами в дверь. Федя заглянул в «волчок».

ФЕДЯ. Встаем, хватит валяться!

СЕРГЕЙ (лежа). Встаем! Уже встали! Уже побежали!

ШУРА. Сейчас на суд дернут.

БАГАН. Подождут...

СЕРГЕИ. Ну да, остановится конвейер... Нарушится план по «посадке», а если в масштабах всей страны, страшно подумать, какой будет неурожай.

Ваган начинает делать зарядку, усердно, как работу.

СЕРГЕЙ (достал пачку сигарет). Держи, перекуришь это дело.
ШУРА, Не надо, я уже отвык. Положи, еще пригодится.

Упала кормушка.

ГОША. Серый, держи письма, выбирай до вечера.

СЕРГЕЙ. Отлично. Опять овес?

ГОША. Нет, не овес.

Сели завтракать. Все молчат, посматривают на Шуру.

ШУРА. Киселя не хватает... Вы, как на поминках.

Опять молчание.

ВАЛЕРА. «Когда я ем, я глух и нем». У нас училка по литературе чокнутая была, она по всему интернату «мудрые мысли» вешала, даже в туалете. Повесит, ходит – вся светится... А Игорь Машкин, наш поэт-матерщинник, терпеть не мог эти мысли и любой лозунг брал в кавычки и подписывался Ильф и Петров. А на уроках, когда она кого-нибудь цитировала, то обязательно шептали: «Ильф и Петров?». Она бледнела.

Никто не засмеялся. Слышно, как открываются замки, все смотрят на дверь.

ФЕДЯ. Махначев, пошли.

Все встали.

ВАГАН. Шура, вот адреса. В любое время...

СЕРГЕЙ. Если что... Приходи на бензоколонку.

ШУРА. Добро.

ВАЛЕРА. Что бы ни говорили на суде, не забывай добавлять: «Сказали Ильф и Петров».

ШУРА. Пошел, мужики. В паруса дуньте.

Шура вышел, все еще некоторое время смотрят на двери, словно хотят увидеть, что будет с Шурой. Сергей пошел и дунул в паруса, потом Валера и Ваган.

ВАЛЕРА (Сергею). Условно дадут?

СЕРГЕЙ. Спроси что-нибудь полегче.

ВАГАН (кормит Слона, разговаривает с ним). Пусть все будет хорошо у Шуры. Как тебе спалось? Так у сестры и спал. Интересно, где она всю ночь гуляла? Надо в письме спросить, почему ее дома не было с первого на второе сентября. У подружки была.

ВАЛЕРА. А вдруг, она, правда, напишет, что была у подружки?

ВАГАН. Тогда я ей напишу: «высоко сижу, далеко гляжу».
(Сергей протягивает одно из писем Валере).

ВАЛЕРА. Не надо, мне заочницы не нужны.

СЕРГЕЙ (Вагану). Тебе тоже не надо?

ВАГАН. Давай, любопытно.

Сергей и Ваган читают, иногда улыбаясь. Поглядывая на них, улыбается Валера.

ВАГАН. На, читай... Вот здесь.

ВАЛЕРА (тоненьким голоском). «В нашем детдоме все девчонки имеют парней и переписываются. Я тоже хочу иметь друга. Хочу предупредить, что я не красавица, чтобы мое письмо не брали красавцы. Фотографии я тоже сразу не высылаю. Однажды я выслала, а мне написали, что я случайно выслала фотографию до пластической операции и что будут ждать вторую. Я выслала ему фотографию собственной фиги, долго упрашивала фотографа в ателье, он все-таки согласился и даже денег не взял. Недавно я ходила сниматься на паспорт, а фигу у него висит в рамочке. Он меня спрашивает: «Что, опять фигу понадобилась?»»

СЕРГЕЙ. Классная девчонка, надо ей написать... и попросить фотографию.

ВАГАН. Фиги?

Открывается кормушка. Федя держит газеты.

ФЕДЯ. Газеты надо?

СЕРГЕЙ. Какой вопрос.

ФЕДЯ. Каблучки жечь не будете?

СЕРГЕЙ (взял газеты). Я только и думаю, что бы наколоть? Может посоветуешь, дядя Федя, а только мне в голову «нет в жизни счастья» лезет.

ФЕДЯ. Таблицу умножения выкололи. Из каблучков только недоноски тушь делают.

Федя закрыл «кормушку».

СЕРГЕЙ. В колонии на седьмое ноября – парад. Отряд за отрядом, строем, с песней, и вдруг – в четвертом отряде кто-то несет транспарант «нет в жизни счастья». Воспеты налетели на этих «чуханов», лозунг вырвали, их в ДИЗО.

ВАЛЕРА. И что им было?

СЕРГЕЙ. Что им будет? Оба они по 117-й, за маленьких девочек. Они весь срок парашу таскают. Если бы вы знали, сколько на зоне идиотов, дебилов.

ВАГАН. Нас не запутать, в жизни их не меньше.

СЕРГЕЙ (развернул газету). Так, чем нас порадуют? Амнистии нет? Значит, все живы... «Вести с полей»... это надо будет Трактористу почитать... Дэвис все сидит, несмотря на наши требования. О, скатерть самобранка... денежно-вещевая лотерея... Ваган, называй, допустим, третья сверху... пылесос, вам нужен пылесос, пыль с ушей стирать?

ВАГАН. Мне только свободу.

СЕРГЕЙ. С прискорбием, нет, с глубоким прискорбием сообщаем, что Свобода, Равенство и Братство в денежно-вещевой лотерее не разыгрываются за неимением.

ВАГАН. Жаль, хотя бы иногда разыгрывали.

СЕРГЕЙ. Твою Свободу разыграют на суде.

ВАЛЕРА. Машина есть?

СЕРГЕЙ. Конечно, автомобиль «Волга-Газ-24», вам завернуть?

ВАЛЕРА. Дай газету на минуту. «Волга», это слишком, запишем за собой «Москвич». Как Тракториста зовут?

СЕРГЕЙ. Не знаю, а зачем?

ВАЛЕРА. Сейчас увидишь, спрячь газету.

Валера стучит в дверь.

ТРАКТОРИСТ. Чего надо?

ВАЛЕРА. Откройте, пожалуйста.

Кормушка открылась.

ВАЛЕРА. Вы не поможете мне, сегодня в газете таблица выйти должна, вы не могли бы билет проверить, а?

ТРАКТОРИСТ. Откуда у тебя билет?

ВАЛЕРА. Я табак по карманам собирал...

ТРАКТОРИСТ. Ты же не куришь?

ВАЛЕРА. Тоска напала, курнуть захотел.

ТРАКТОРИСТ. Держи папироску, давай билет.

ВАЛЕРА. Спасибо, вот номер, я списал.

ТРАКТОРИСТ. Тебя предупреждали, что ценные бумаги запрещено иметь при себе.

ВАЛЕРА. Может, она и не ценная, нужно проверить.

ТРАКТОРИСТ. Хочешь выиграть?

ВАЛЕРА. Мопед бы.

ТРАКТОРИСТ. Ладно, посмотрю.

Закрыв кормушку.

БАГАН. Ты... это сейчас придумал?

ВАЛЕРА. Нет, мы в интернате так нашу воспитательницу надули. Мы в классе все время складывались, хотели много выиграть денег и поехать куда-нибудь. Мечтатели... Дня выхода

ждали, как Нового года. Но за 5 лет так и не выиграли ничего. Деньги к деньгам липнут, а у нас их не было...

СЕРГЕЙ. Зато сейчас тебе крупно повезло. Выиграть «Москвич»... Выйдешь на свободу, а он стоит, дожидается тебя, весь в масле...

ВАГАН. А за рулем Тракторист.

Улыбается. Слышно, как открываются двери.

ТРАКТОРИСТ. Приготовьтесь к урокам.

ВАЛЕРА (с нетерпением). Посмотрели?

ТРАКТОРИСТ. Посмотрел, пусто.

ВАЛЕРА. А вы внимательно?

ТРАКТОРИСТ. Газету потом принесу, нет там ничего. Даже близко.

ВАЛЕРА. Обидно. Не везет так не везет.

Входит учительница, Людмила Васильевна. Все встают.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Напишите число и новую тему...

СЕРГЕЙ. Гусеничный трактор...

УЧИТЕЛЬНИЦА. При чем тут трактор? Вы опять начинаете?

СЕРГЕЙ. Я тоже не понимаю, при чем тут трактор? Или вы решили, что в присутствии... мы будем лучше запоминать?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Нет, но у меня появилась надежда, что вы, наконец, перестанете болтать.

СЕРГЕЙ. Хорошо, перестану. Можете обучать надзирателя. Что зря стоять. Скажите, вы сколько классов закончили?

УЧИТЕЛЬНИЦА. Перестаньте.

ТРАКТОРИСТ. Это не твое дело, сядь правильно и замолчи!

СЕРГЕЙ. Сижу.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Успокойтесь. (Трактористу.) Я вас позову, если понадобится.

Тракторист вышел, оставив дверь открытой.

ВАГАН. Тетрадь заберите. (Отдает тетрадь Шуры).

УЧИТЕЛЬНИЦА. Где он?

ВАГАН. На суд увезли.

СЕРГЕЙ. Ваган, ты посмотрел, сколько ему дали?

ВАГАН. Четыре... Типун тебе на язык, сплюнь.

СЕРГЕЙ. Тьфу.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сегодня мы постараемся разобраться...

Вдруг Людмила Васильевна завизжала, запрыгнула на скамейку. Вбежал Тракторист, бросился к ней, не зная, что делать.

ТРАКТОРИСТ. Всем стоять! Буду стрелять!

УЧИТЕЛЬНИЦА. Мышь!

ТРАКТОРИСТ. Где?

УЧИТЕЛЬНИЦА. У меня на юбке.

ТРАКТОРИСТ (осматривает). На юбке нет.

ВАГАН. Она выбежала в дверь.

ТРАКТОРИСТ. Рассказывай! Мышей развели! Людмила Васильевна, выйдите, пожалуйста, тут нужно навести порядок.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Да, да...

Она быстро вышла. Тракторист закрыл камеру.

СЕРГЕЙ. Сейчас шмон устроят.

ВАГАН. Как он вылез?

СЕРГЕЙ. Сади в домик, зашлим в нижнюю камеру. (Они привязывают домик, Сергей лезет на «решетку».) Валера, закрой «волчок». (Кричит.) Три-один, три-один, прими «коня».

ГОЛОС. Есть.

СЕРГЕЙ. До вечера.

Сели за стол, соорудили скучные лица. Открылась дверь. Рядом с Трактористом стоял огромных размеров надзиратель.

ТРАКТОРИСТ. Веди в одиннадцатую, пусть сушат. (Валере.)
Ты стой.

Вагана и Сергея уводят.

ТРАКТОРИСТ. Где твоя кровать?

ВАЛЕРА. Дома.

ТРАКТОРИСТ. Ты поостри... Остряки. Так будешь себя вести,
не скоро домой попадешь.

Тракторист прочитал надписи на кроватях и начал «шмон». Взял подушку, прощупал ее, потом обследовал матрац. Достал ватман и карандаш.

ТРАКТОРИСТ. Откуда это у тебя?

ВАЛЕРА. Разве нельзя иметь карандаш и бумагу?

ТРАКТОРИСТ. Зачем прячешь? Карты хотел нарисовать?

ВАЛЕРА. Почему только карты, вы еще что-нибудь придумайте.

ТРАКТОРИСТ (ломает карандаш, рвет ватман). Художник?
Ты у меня забудешь, как карандаш держать.

В дверях выросла фигура второго надзирателя.

ТРАКТОРИСТ. Раздевайся!

ВАЛЕРА. Зачем?

ТРАКТОРИСТ (орет). Раздевайся, не разговаривай!

Большой начал «помогать» Валере раздеваться. Валера сопротивляется, но получает удар по почкам и падает. Верзила сдернул штаны, Валера остался в трусах.

ВАЛЕРА. Я мышонка в трусы спрятал?

ТРАКТОРИСТ (хватаясь за трусы). Вы на все способны.

Валера отворачивается, снимает трусы и кидает их на пол. Тракторист поднимает и начинает ощупывать трусы. Верзила молча, как врач, осматривает Валеру.

ТРАКТОРИСТ (бросил трусы). Одевайся.

Валера надел трусы.

ВАЛЕРА. Я понял, что ты ищешь, значит, билет выиграл (засмеялся). Если бы я действительно выиграл «Москвич», я бы на эти деньги купил тебе новый трактор, чтобы...

ТРАКТОРИСТ. Что? Что?

Тракторист бьет, Валера падает.

ВЕРЗИЛА. Одиннадцатую будем обыскивать?

ТРАКТОРИСТ. Нет, веди обратно.

Двери закрылись. Валера поднимается, садится, непонятно, плачет он или смеется. Когда услышал голос Сергея в коридоре, встал и быстро оделся.

СЕРГЕЙ. Граждане малолетки, сегодня в нашей тюрьме День открытых дверей! Меня уже выпустили! Проситесь!

В камеру запустили Вагана и Сергея.

ВАГ АН. Ну, ты как тут?

СЕРГЕЙ. Обыскивал?

ВАЛЕРА. Даже в задницу заглядывал, я ему сказал: «Там «Москвич» еще не показался?

Они смеются.

СЕРГЕЙ. Били?

ВАЛЕРА. ...Почему они такие злые?

ВАГАН. От тупости.

Открылась кормушка.

ГОША. Вы зачем Тракториста разозлили, в столовую влетел, вашу камеру материт на чем свет стоит. Первое наливать?

СЕРГЕЙ. Уха?

ГОША. Уха. Накладываю кашу.

ВАЛЕРА. Гоша, Тракторист бумагу разорвал... говорит, что я карты собираюсь делать.

ГОША. Принесу, держи миску.

ВАЛЕРА. Я не буду есть.

ВАГАН. Ты голодовку объявляешь?

ВАЛЕРА. Просто не хочу.

СЕРГЕЙ. Так нельзя.

ГОША. Вы тоже не будете?

СЕРГЕЙ. Нет.

ГОША. Дело ваше, если честно, то «замазка» солидолом отдает. (Закрыл «кормушку»).

ВАГАН. От такой пищи можно отказаться, неизвестно, сколько будет пользы, а сколько вреда.

СЕРГЕЙ. Раз объявили голодовку, нужно что-то требовать.

ВАГАН. Давай требовать, чтобы Тракторист вернул Валере счастливый билет?

СЕРГЕЙ. Это мысль, сейчас вызовем воспитателя, скажем, так, мол, и так, Тракторист силой забрал билет.

ВАГАН. Не поверит.

СЕРГЕЙ. Дурковать так дурковать! Потребуем, чтобы убрали Тракториста, потому что он матерится.

Сергей стучит в дверь.

ФЕДЯ. Чего стучим?

СЕРГЕЙ. Добавки просим.

ФЕДЯ. Еще не всех покормили.

СЕРГЕЙ. Нет, дядя Федя, мы голодовку объявили, вызови к нам воспитателя.

ФЕДЯ. Вызову, не умирайте только.

ВАЛЕРА. Серега, ты голодал?

СЕРГЕЙ. Нет, один раз, правда, объявляли голодовку... после обеда, а дубак смотрит на пустые миски и говорит: «Так вы же поели?» А я говорю: «Ну и что? Мы все равно объявляем голодовку!» И после ужина опять до завтрака объявили голодовку.

БАГАН. Может, пойдем ящики поколотим?

СЕРГЕЙ. «Кто не работает, тот не ест», значит «Кто не ест, тот не работает».

БАГАН. Интересно, если бы люди в пище совершенно не нуждались, кто бы пошел на работу?

ВАЛЕРА. Вышли бы начальники.

СЕРГЕЙ. Зачем?

ВАЛЕРА. Как зачем, построить светлое будущее.

СЕРГЕЙ. У них светлое настоящее, они и говорят о светлом будущем, и пока все смотрят вперед, они хватают у них из-под рук.

ВАЛЕРА. Года два назад мать у меня в больнице лежала, и я месяц шампиньонами питался, вот когда я всех сытых ненавидел. Хорошо еще Васька Сапог у старых женщин по 20 копеек на хлеб выпрашивал. Васька зимой и летом в самую жару в резиновых сапогах ходит.

Входит воспитатель, ставит портфель на стол.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Вставать дружно разучились? Ну, что тут у вас?

СЕРГЕЙ. Мы объявили голодовку, молодой надзиратель разговаривает с нами нецензурной бранью.

ВОСПИТАТЕЛЬ (с наигранным возмущением). Что вы говорите, разве такое возможно? Ни разу не слышал.

Все засмеялись.

СЕРГЕЙ. Если серьезно, то мы никак не можем найти общего языка с новой учительницей.

ВОСПИТАТЕЛЬ. ...Мышей она не выносит, это, конечно, большой ее недостаток, может, крыс попробовать? Это не оригинально, вон из 36-й сделали небольшую бомбочку, начинили серой от спичек и подбросили учителю в сумочку.

СЕРГЕЙ. Не Ядвига Витальевна?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Нет, она болеет. (Достает фотоаппарат из портфеля.) Сейчас сядьте за стол, поставьте шахматы. Журналистов к вам не пустили, они попросили вашу фотографию.

Расспрашивали о вас, писать все равно будут.

ВАГАН. Шура опять пролетел.

СЕРГЕЙ. Ядвига Витальевна долго еще будет болеть?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Не знаю, сегодня я ей позвоню, узнаю.

СЕРГЕЙ. Можно, мы сами спросим?

ВОСПИТАТЕЛЬ. У вас в камере телефон?

СЕРГЕЙ. Нет, у вас. Разрешите, а?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Хочешь порадовать ее, что ты снова здесь?

СЕРГЕЙ. Сразу глаз колоть...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Ладно, уговорили. Я у замполита в кабинете рисую, пошли. (Валере.) Портрет баландера закончил?

ВАЛЕРА. Я еще не начинал, а кто вам сказал?

ВОСПИТАТЕЛЬ. Пойдем, поможешь газету нарисовать.

Ваган стоял у стены, Сергей, уходя, махнул ему рукой. Двери закрылись. Ваган наклонил голову, увидел парусник, долго смотрит на него...

Затемнение.

Кабинет замполита. Портрет Макаренко, два телефона. На столе лист ватмана, краски.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Проходите, сейчас найду ее... (Набирает номер, долго-долго ждет.) Ядвига Витальевна? Добрый день, это Кузьмин говорит. Вы извините, что побеспокоили, тут с вами

Потылицын Сергей хочет поговорить, помните, он еще стихи на вечере Есенина читал. Вспомнили? Передаю трубочку...

СЕРГЕЙ. Ядвига Витальевна, здравствуйте!.. А пустяки, школу нужно закончить... Амнистия была... Как ваше здоровье?.. Когда придете? Не расстраивайтесь, это ведь не последний сентябрь... Я его почти весь прочитал... Ее старшая сестра забрала... Мы вас будем ждать... У нас очень хорошая камера, все некурящие... десятиклассники, вот если бы с ними вечер проводить... Нет, честно, таких не бывает... Мы вас ждем... Я обещаю... И дай вам бог... (Осторожно положил трубку, воспитателю.) Большое спасибо.

ВОСПИТАТЕЛЬ. Пойдем, я тебя отведу. (Валере.) Можешь рисовать эту эмблему сбоку.

Они вышли. Валера как под гипнозом смотрит на телефон. Медленно подходит, снимает трубку, набирает номер.

ВАЛЕРА (шепчет). Семь... Ноль-ноль... Тридцать семь... Это Тома? Тома, это тот самый молчун, которого ты назвала идиотом. Я бы и сейчас не заговорил с тобой, но может так получится, что у меня не будет возможности несколько лет даже подойти к твоим окнам... для меня это... Только не это! Я назову себя, боюсь, ты не вспомнишь меня... Тома, зимой я подъехал к тебе на катке... Ты не стала со мной разговаривать, я догадался почему... Да, я не сопротивлялся... Не хотел. Мне показалось, что это ты... Это все глупость, главное, что я разговариваю с тобой... Валера... Могу я попросить тебя... Когда у меня будет возможность написать тебе, можно... Твой адрес и телефон я запомнил на всю жизнь. Я ведь почти каждый вечер, когда удавалось убежать из спального корпуса, прибежал к тополям под твоими окнами... Тома... я... (Валера увидел стоящего в дверях воспитателя.) ...Я не могу больше говорить, спасибо за все. (Положил трубку, стоял виноватый и счастливый). Извините, как-то само...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Пошли.

ВАЛЕРА. Давайте я нарисую, я постараюсь, клянусь...

ВОСПИТАТЕЛЬ. Не нужно.

Камера. Сергей и Ваган играют в шашки. Валера считает шашки на пол, игроки соскочили.

ВАЛЕРА. Я самый счастливый человек! Теперь можно сидеть! Вот уж никогда бы не подумал, что в тюрьме можно быть таким счастливым!

СЕРГЕЙ. Что случилось? Ты что, правда, машину выиграл?

ВАЛЕРА. Я с ней разговаривал по телефону!

ВАГАН. С кем? С машиной?

ВАЛЕРА. С ней! Я даже могу написать ей письмо... Это невероятно, у меня же раньше язык не поворачивался, когда я ее видел. Вы бы знали, какая она красивая! Я ее в первый раз в пионерском лагере «Березка» увидел, в третьем классе. А прошлой зимой на катке... она в японской куртке, а я в интерналовском пальто. Кто будет с таким кататься...

СЕРГЕЙ. Ты решил нарисовать себе денег, чтобы одеться... Ты это прокурору рассказывай...

ВАЛЕРА (остолбенел). Я правду говорю, а деньги я не для этого рисовал, правда, потом...

ВАГАН. А как ты рисовал, если не секрет?

ВАЛЕРА. Какой секрет, мать моя в статуправлении убирается, я по субботам, когда приходили из интерната, ходил ей помогать. Там дядя Женя на ксероксе работал. Это такая японская машина копировальная, он на ней запрещенные книги распечатывал, журналы «Вязание» и всякую ерунду, советы импотентам... У него денег в сейфе было, как в банке. Я взял несколько купюр и размножил. Так, от нечего делать пускал в оборот. Кому так давал, у кого на марки менял, весь интернат с моими деньгами ходил. Один додумался в классе у матери обменять. Когда около интерната шашлычку открыли, наши неделю шашлыки ели, пока Окурку не сказали: «Вот тебе мальчик, шашлык, а папе скажи, что он плохо рисует».

ВАГАН. А попались как?

ВАЛЕРА. Девчонка одна бутылки сдавать не пошла, отдала

матери мою пятерку... Ну и все. В магазине ее два грузчика под рученьки взяли. Потом пришли за мной... а я на джинсы себе рисовал, хотел на толчке с кем-нибудь поменяться «не глядя». Вот возьму и выколю себе джинсовый костюм, только больно наверное...

СЕРГЕЙ. Я видел у одного на этапе «тельняшку», он ее три года колол, чуть не умер.

БАГАН. Зачем тебе джинсы, есть у меня, там, где переодевали.

ВАЛЕРА. На суд сходить.

СЕРГЕЙ. На суд тебе в интернатовском идти надо, казанскую сироту изображать, а то подумают, что с жиру бесишься, и дадут на всю катушку.

БАГАН. Валера, не забудь на суде сказать: «Будь прокляты японские машины, которые могут копировать советские деньги!». Интересно, Шуру, наверное, уже осудили?

СЕРГЕЙ. Может, по городу гуляет, а может в отстойнике сидит. На зоне ему трудно будет...

ВАЛЕРА. Почему?

СЕРГЕЙ. К нему через ночь кто-нибудь во сне приходит и говорит:

«Пойдем по-маленькому?».

БАГАН. Серый, нужно с воспетом поговорить, чтобы он без нас на этап его не отправлял.

ВАЛЕРА. Книги откуда?

БАГАН. Библиотекарь был.

ВАЛЕРА. Только о войне?

БАГАН. Остальные по сельскому хозяйству.

СЕРГЕЙ. Иногда лежишь и думаешь, хоть бы война началась. Я бы сразу добровольцем.

БАГАН. Эгоист, нужно наоборот себе внушать, что война только потому и начинается, что мы тут... Мне иногда кажется, что это не я сижу.

СЕРГЕЙ. А кто?

БАГАН. Не знаю. Кажется, что смотрю какой-то фильм.

СЕРГЕЙ. Наверное, в будущем такое кино будет, где все сможешь потрогать, понюхать.

ВАЛЕРА. И почувствовать, когда по роже заедут.

СЕРГЕЙ. Скажи киномеханику, что мне надоел этот сюжет, или я ему по башке настучу.

ВАГАН (Сереже). Товарищ киномеханик, вам тут один зритель передает, что если вы не прекратите этот фильм...

СЕРГЕЙ. Ладно. Все, «конец фильма»! (Сергей разбегается и в шутку бьет головой о стену, опускается на пол, сидит с закрытыми глазами). В этой тюрьме раньше декабристы сидели, Ядвига Витальевна рассказывала. Жалко, я забыл их фамилии, то ли Кюхельбекер, то ли Бестужев... Нет, не помню, врать не буду.

Валера подходит к стене и начинает простукивать стены.

СЕРГЕЙ Ты чего?

ВАЛЕРА. А вдруг где-нибудь письмо замуровано.

СЕРГЕЙ. Ты постучал, ну и как, помогло? Ты думаешь, они не писали в наш век? Давайте напишем письмо в 21 век и замуруем. Вы писали в школе письма в 21 век?

СЕРГЕЙ. Накарябай на стене «Здесь сидел Валера» и успокойся.

ВАГАН. Это старо. Пиши, Валера, мы это письмо в целлофановый мешочек завяжем и в унитаз спустим.

ВАЛЕРА. Зачем в унитаз. Отломаем большой кусок штукатурки и попросим принести цемент и зацементируем письмо.

ВАГАН. А мне кажется, что все письма в 21 век нужно торжественно смывать.

Ваган подходит и насвистывает туш, дергает смывной бак.

СЕРГЕЙ. Пиши, пиши, запорожец. Не забудь написать про фильм. Да и что лучше деньги хранить в сберкассе – это выгодно, удобно и надежно, особенно фальшивые.

ВАЛЕРА. Не мешайте.

Открылась кормушка.

ГОША. Будете голодать?

СЕРГЕЙ. Конечно, только поужинаем и начнем.

ГОША. Не понял. Жрать будете?

СЕРГЕЙ. Корми.

ГОША. Валера, рисовать меня не надо. Я договорился с воспитателем, он меня сфотографирует.

Садятся ужинать. Валера ест и пишет. Поели, отдали миски.

СЕРГЕЙ. Читай, что ты там накарябал.

ВАЛЕРА. Я еще не дописал.

БАГАН. Не томи.

ВАЛЕРА. Значит так... Письмо в 21 век! (Читает.) Здравствуй Тома! Прошу не удивляйся, если на конверте письма будет 2000 год. Я пишу тебе из будущего. Я понял, что время измеряется количеством добрых людей вокруг... Сейчас меня окружают только добрые люди, поэтому я чувствую себя в будущем, в настоящем такого не может быть. Наконец-то я счастлив, наконец-то общество стало справедливым. Тут все поровну, и еда, и одежда. Пусть она не очень изысканная, но зато никто никому не завидует. И никакой Данко не требует здесь искусственного сердца в одну руку, а в другую кусок колбасы вне очереди. Сегодня я разговаривал с тобой по телефону, но главное не сказал: «Тома, я тебя люблю!»

Молчание.

СЕРГЕЙ. ...Вышел на свободу, мне паспорт выдали, там написано, что выдан по справке об освобождении, я помыкался и обратно.

БАГАН. Ты как мой попугай. Он вылетел в форточку, я думал

– всё, кошки съедят. А он полетал и вернулся, даже в клетку влетел.

СЕРГЕЙ. Станешь тут попугаем.

Открылись двери, дядя Федя впустил Шуру.

ФЕДЯ. Собирай вещи.

ВАГАН. Сколько?

ШУРА. Три. А можно в этой камере до утра побыть?

СЕРГЕЙ. Дядя Федя, пусть до утра. Тихо будет, как в гробу.

ФЕДЯ. Нельзя. Дайте мне спокойно доработать. Я его в соседнюю посажу, там осужденка, кричите хоть весь вечер, разрешаю.

СЕРГЕЙ. Портишься ты, дядя Федя. Чем ближе к пенсии, тем хуже.

ФЕДЯ. Внуков кормить надо, вы ведь мне пенсии платить не будете.

СЕРГЕЙ. Мы никак своего профсоюза организовать не можем. Ну, оставь...

ФЕДЯ. Все взял, ничего не оставил?

СЕРГЕЙ. Шура, это не срок, через год можешь выйти.

ШУРА. Про конфеты совсем забыл.

Шура выложил конфеты на стол... Двери захлопнулись.

ВАГАН (залез на «решку»). Четыре-два, четыре-два? Шура, подельнику сколько?

ШУРА. Четыре условно.

ВАГАН. Я тебе завтра Слона с баландером вышлю.

ШУРА. Спасибо.

Прозвенел звонок. Укладываются спать. Ночь. Открываются двери, врывается поток света. Валера понимает, что в дверях стоит Кухельбекер. Валера вглядывается в черты его лица и узнает Шуру. Слышен барабанный бой. За спиной Кухельбекера появился Тракторист и положил руку ему на плечо,

Кюхельбекер что-то кричит, но крика Валера не слышит. Ему видно только искривленное в крике Шурино лицо. Наступает темнота и врывается крик, от которого просыпается Валера. Усиленный эхом бетонных коридоров, крик повторяется. Сергей бросился к «волчку», Ваган и Валера к решетке.

БАГАН (кричит). Что случилось?

ГОЛОС. В четыре-два повесился!

СЕРГЕЙ. Кто знает, что случилось?

ВАЛЕРА. Четыре-два, Шура! Шура, кто повесился?

Кто-то постучал по дверям и крикнул: «Не орите, откачивают!»

БАГАН. Шура, кто повесился?

ГОЛОС. Четыре-один, Шура повесился!

Ваган бросился к дверям и стал колотить с такой силой, что казалось, они должны вот-вот рухнуть. Слезы текли по его лицу, он в кровь разбил кулаки. Сергей и Валера сначала били в дверь, но увидев, что у Вагана истерика, стали его держать. Он упал около двери. Открылась кормушка, появилось Федино лицо. Ваган снизу неожиданно ударил, не дав ему ничего сказать.

БАГАН. Из-за тебя, сука он повесился! Нельзя было...

ФЕДЯ (плача). Я же не знал... его скорая увезла, я сам... дыхание ему делал...

СЕРГЕЙ (подошел к Вагану). Может, откачают?

Ваган не ответил, медленно дошел до раковины, включил воду, поставил руки, смывая кровь.

БАГАН. Он же просил...

Открылась дверь, вошел Тракторист. Все застыли, еще бы секунда и Ваган бросился бы на него. Тракторист протянул записку. Ваган опухшими руками взял записку, прочитал и положил на стол. Подошли и прочитали Валера и Сергей.

СЕРГЕЙ (читает) ...мне надо выйти, а то дождя не будет...

Ваган упал на кровать и уткнулся в подушку.

Тракторист вышел, не закрывая дверь.

Валера сам прикрыл дверь камеры.

ДВОРЯНИН

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Володя
Потоловский – поэт
Тараканы
и другие

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

- Папа, а там девочка говорила большие слова.
- Какие большие?
- Ну, нехорошие...

(из разговора с дочкой)

Свет из мутного окошка едва касается никелированной дужки кровати. Слышно, как шумят канализационные трубы, хлопают двери подъезда. Если посмотреть на подвал сверху, то кровать, стоящая на середине комнаты, напоминает остров: около кровати табурет, на нем чайник, стакан с остатками заварки, вокруг разбросаны книги, журналы, газеты.

На кровати – Володя. Ему около тридцати. Он небрит, лежит с открытыми глазами. Наконец он поворачивается на бок, берет тюбик с пастой, выдавливает прямо в рот. Из чайника вливает воду и долго полощет, выливая струйкой, между зубов, прямо на пол. Почистив зубы, он взбивает подушку и снова ложится, отвернувшись к стене.

Не оглядываясь на Володю, по своим делам пересек мастерскую Таракан с белой полосой на спине. Единственное отличие нашего таракана от ваших состоит в том, что он ходит на двух лапах и рост его достигает человеческого, но в этом «виноват» Театр. И сам Театр решает, какие будут у них тараканы.

Слышны шаги по лестнице, потом шум падающего тела, мычание. Рывком открывается дверь, в проеме застывает фигура. Лица не видно, свет освещает фигуру сверху. Володя встал, кутаясь в одеяло больничного образца, включил свет. В дверях, слегка покачиваясь, стоял Потоловский. Седая грива волос торчала в разные стороны, красные, полные слез глаза.

ВОЛОДЯ. Никак Потоловский пожаловал?

ПОТОЛОВСКИЙ (держась за Володю). Это я, что ли?

ВОЛОДЯ. Нет, это я. Падай. (Пытается уложить его на кровать, но удалось уронить на стул, рядом с кроватью.)

ПОТОЛОВСКИЙ (пытаясь встать). Володька, ты единственный друг! Они все... ненавижу! Они самое настоящее дерьмо! (Сжал кулаки, словно «они» стояли перед ним.)

ВОЛОДЯ. Кто?

ПОТОЛОВСКИЙ. Писатели все дерьмо! Запомни, все дерьмо!

ВОЛОДЯ. Хороших совсем не осталось? А ты?

ПОТОЛОВСКИЙ (долго смотрел в пол). Я, Вовка, тоже.

ВОЛОДЯ. Все ясно, ложись, отдохни.

ПОТОЛОВСКИЙ (мотаает головой). Не...не...умру, знаешь сколько выпили? (Начинает загибать пальцы, собирая в кулак, но уже другая мысль торопится наружу, глаза наполняются слезами.) Володька, не хочу никому делать зла, но почему я не хочу делать добра? (Молчит.) Хочешь, я тебе стихи почи-таю?

ВОЛОДЯ. Нет, не сейчас. Чай заварю.

ПОТОЛОВСКИЙ (утвердительно кивает головой). Чай, чай... (Медленно начал сползать со стула.)

Володя бросается к нему, подхватывает и начинает затаскивать на кровать. Потоловский открывает глаза, они полны страха, но страх тут же гаснет, и он обвисает на Володиных руках. Володя снял с него туфли, на нем были разного цвета носки. Володя смотрит на него, потом поворачивает на бок, чтобы не захлебнулся. Ставит тазик.

Володя заваривал чай, когда услышал, как медленно, со скрипом, начала открываться дверь. Дверь открылась, но никого не было. Явно кто-то стоял за дверью. Володя бесшумно подошел к двери и навалился на нее. За дверью раздался смех, потом кто-то завизжал.

ГОЛОС. Отпусти!

Он отпустил дверь, и на пороге появилась Ольга.

ВОЛОДЯ. Ты... зачем?

ОЛЯ. Тебя, дурака, накормить.

ВОЛОДЯ. Ты что, на работу не пошла?

ОЛЯ (раздеваясь). Хватит, поработала... Сан-день у нас. Гвоздики по окнам вешали, все уже пьяные... и я немножко. (Сняла плащ, на ней белый халат.)

ВОЛОДЯ. Еще пойдешь?

ОЛЯ. Взяла постирать. (Перешла на шепот.) Кто это там спит?

ПОТОЛОВСКИЙ. Мужик какой-то пришел, лег... не выгонять же.

ОЛЯ (на цыпочках подходит к Потоловскому). Собираешь всякую пьянь. Где это он с утра набрался?

ВОЛОДЯ. Наверное, в магазине работает.

ОЛЯ. Да ладно, будешь... чуток выпила. Правда, что за ханыга, я его боюсь.

ВОЛОДЯ. Он не ханыга, а поэт. У него книги есть.

ОЛЯ. Вознесенский, что ли? (Наклоняет голову горизонтально, чтобы посмотреть ему в лицо.) На улице встретишь, не подумаешь, бич да бич...

ВОЛОДЯ. Работа такая, ему «глаза промывать» нужно. Он месяц сидит, не выходя из дома, – работает, потом ему нужно выйти и, как он говорит, «промыть глаз».

ОЛЯ. Это нам сам Бог велел «глаза промывать». Бабы сейчас приняли по двести на грудь, их как прорвало... Толик подвернулся под горячую руку, сейчас его откачивают, «скорую» боятся вызвать.

ВОЛОДЯ. А что с ним?

ОЛЯ. Воспитывали, чтобы не приставал. Метр с кепкой, а туда же... Кузьмищева бьет и приговаривает: «Нам тебя на поруки отдали, мы тебя этими руками и перевоспитаем». Сначала рожу ему расквасили, а теперь бегают вокруг него да ахают.

ВОЛОДЯ. Ты тоже била?

ОЛЯ. Лопатой. (Достает свертки из сумки.) Кормить буду. Это

тебе на праздничный стол. (Поднимает крышку кастрюльки, сбрасывает с нее таракана, пытается раздавить.)

ВОЛОДЯ. Не трогай! Всех бы давили!

ОЛЯ. Ну ты лень, не мог суп из пакета сварить?

ВОЛОДЯ. Я его так съел.

ОЛЯ. Дурное дело нехитрое. Заработай язву.

ВОЛОДЯ. Хоть что-то заработаю, а на могиле напишите в назидание потомкам: «Он супа не варил, язву та-та-та схватил...».

ОЛЯ (показала на спящего). Парами надышался?

ВОЛОДЯ. Он входит, вернее, вваливается. Я говорю: «О, Потоловский пришел!» А он смотрит на меня остекленевшими глазами, говорит: «Это я, что ли?»

Тихо смеются.

ОЛЯ. Как, Потоловский? (Подошла и еще раз внимательно посмотрела на спящего.) Кажется, он у нас в школе стихи читал, когда я в восьмом была. Правда, тот был красивый и высокий, как Маяковский...

ВОЛОДЯ. Оля, ты газет не читаешь, и твоему невежеству нет предела...

ОЛЯ. Чего?

ВОЛОДЯ. Того... Сейчас выяснилось, что Маяковский после революции ходил на ходулях... Однажды он спал, Есенин подкрался с ножовкой и отпилил ему ходули... Маяковский застрелился.

Оля машет руками, пытаясь остановить его фантазию.

ОЛЯ. У Людки заберу наш «Рассвет», они себе цветной взяли, притащу его сюда.

ВОЛОДЯ. Зачем?

ОЛЯ. Парад посмотреть. На меня посмотришь.

ВОЛОДЯ. Можешь сейчас пройти. Да здравствуют труженики прилавка и их родственники! Ура. (Отходит подальше от

Оли и комментирует.) Вот в первых рядах шагает Фомягина Ольга. Сегодня она участвовала в воспитании своего собрата по прилавку – била его лопатой... (Ольга хватает стул и на- двигается на Володю.) Вот и сейчас она пытается воспитывать диктора местного телевидения. На этом парад прекращается по техническим причинам!

ОЛЯ. Давай жри. Тебя с ложечки покормить?

ВОЛОДЯ. С поварежечки... Я, правда, не хочу, я чай заваривал.

ОЛЯ. А ты знаешь, что от чая...

ВОЛОДЯ (перебивая). Все знаю. «У тебя от чая (противным голосом), от сахара, от соли... от жизни». Иногда я думаю, что ты оборотень! Обернулась моей сестрой! Как пришла, гундишь уже целый час.

ОЛЯ. Ладно, молчу. Ничего тебе не скажи. Я работу тебе придумала... Детское такси. Продадим «Яву», все равно стоит. Купим «Запорожец» горбатенький, выкрасим его как божью коровку и будем детей катать, а? Вон сколько личных машин как такси работает...

ВОЛОДЯ. Это ты здорово придумала... детское такси. А я тебе мужа нашел...

ОЛЯ. Одного?

ВОЛОДЯ. А тебе сколько нужно? Забыл, забыл, тебе же...

ОЛЯ. Замолчи!

ВОЛОДЯ. Хорошо, «абоненту 946, просим больше не писать».

Оля быстро пошла к вешалке.

ВОЛОДЯ (не дает ей одеться.) Ну, перестань.

ОЛЯ (сопротивляется, пытаясь надеть плащ, потом опускает руки). Вечерами по городу шастаю, не могу дома сидеть... Уеду, уеду куда-нибудь... От прохожего рожу, кто пристанет, от того и рожу. Уйду в общежитие. Тут недавно еду в автобусе давка страшная, а рядом мужик говорит: «Девушка, здесь так толкаются, пойдемте ко мне домой...». Если еще раз встречу, обязательно выйду... Думаешь, не выйду?

ВОЛОДЯ. Не заводись. Сегодня всю ночь охотился на тараканов, ловил и красил их в разные цвета: белые, синие, зеленые – для красоты. Если бы они имели разную окраску, их бы разводили как рыбок. Перед праздником, видать, затравили, они все в подвал. Тут у них вроде бомбоубежища.

Потоловский открыл глаза, когда Володя начал рассказывать о тараканах. Он непонимающе уставился на Ольгу. Володя сообразил, что творится в его голове.

(Громко.) Вы знаете, раньше у него такого не наблюдалось, пил как все. А тут начал кричать, что он всех пережил, все уже умерли – и Пушкин, и Пастернак, а он живет. Орал, что он бронзовеет и пусть голуби гадят ему на голову. Что делать, не знаем.

ОЛЯ. Ну а раньше как он себя вел после употребления?

ВОЛОДЯ. Раньше как все, ну, кричал, что «я гений, прочь сомненья», но это вся их братия кричит.

ОЛЯ (подошла к Потоловскому). Как вы себя сейчас чувствуете?

Потоловский соскочил с кровати, не надевая туфель начал делать зарядку. Он делал ее энергично, как заведенный.

ПОТОЛОВСКИЙ. Я изумительно хорошо себя чувствую. Я бодр и полон здоровья. (Приседая, чуть не завалился, но вовремя подставил руку.)

Володя и Оля с трудом сдерживают смех. Ему стало жарко, он хотел снять плащ, но из кармана выпала бутылка, заткнутая пробкой от сухого вина. Он ловко отфутболил ее под кровать.

ОЛЯ. Что это там?

ПОТОЛОВСКИЙ (задыхаясь, сел на кровать). Я не знаю. Я не знаю. Не знаю я.

Потоловский увидел Таракана, присевшего на край кровати. Пока смотрел на Олю, повернулся. Таракан уже исчез. Он так и не понял, что это было.

ОЛЯ (Володе). А ну достаньте. (Потоловский пытается что-то показать Володе, но тот, не обращая внимания на его жесты, достает бутылку. Берет бутылку, рассматривает ее, открывает.) Дайте чистый прибор.

Володя подает ей стакан.

(Она наливает, делает глоток.) Да это же водка!
ПОТОЛОВСКИЙ. Не может бы-ть! Быть не может! Не может быть! (Быстро схватил стакан и залпом выпил) Да, это водка! Это водка!

Володя и Ольга стоят в растерянности, им уже не смешно.

ПОТОЛОВСКИЙ. Эх вы, комсомольцы! (Наливает себе пол-стакана и выпивает.) Как вам не стыдно?! Над старым человеком... Я просыпаюсь, смотрю, врач и вроде как обо мне говорят, что я «ку-ку». Я-то понимаю, что я вроде как еще не совсем.

Все смеются.

ПОТОЛОВСКИЙ (шутя). Вы, правда, не врач?

ОЛЯ. Я продавец. (Володе.) Ты знаешь, что вчера Кузьмищева отмочила. Стоим вечером вдвоем на весь зал, закрываться уже пора. Входит мужчина, в возрасте уже. А Катька говорит: «Оля, дай-ка этому козлу решетку яиц, пусть берет и мотает на хрен скорее». Я остолбенела. Ну, думаю, доигрались... А он хоть бы хны, берет решетку яиц и выходит. Я слова сказать не могу, а Катька ржет. Потом только, зараза, сказала, что он глухой. Она меня точно немой сделает! Хорошо, что покупатели мысли читать не умеют.

ВОЛОДЯ. Они догадываются, потому что у них такие же.

ОЛЯ. Вчера мастер твой приходил. (Оделась.)

ВОЛОДЯ. «Рыба», что ли?

ОЛЯ. Какая рыба?

ВОЛОДЯ. Мастера в цехе «Рыбой» зовут, мужикам доигрывать всю жизнь не дает, подойдет, все домино перемешает, кричит: «Рыба!»

ОЛЯ. Отца на прежнее место зовут.

ВОЛОДЯ. Пусть идет... «династия Фомягиных пошла по второму кругу». (Отцепил два ключа от связки.) Держи, этот от каптерки, а этот от шкафа с инструментом, он знает.

ОЛЯ. Он еще не согласился. Хочет для тебя место сохранить. Чего злишься на него?

ВОЛОДЯ. Ни на кого я не злюсь.

ОЛЯ. Я же вижу.

ВОЛОДЯ. Еще раз повтори. Журналы заberi.

ОЛЯ. Больше ничего не надо?

ВОЛОДЯ. Принеси что-нибудь из жизни дураков почитать.

ОЛЯ. Например?

ВОЛОДЯ. Ну не знаю, тебе же видней.

ОЛЯ. Почему... сам ты... Я ушла. (Уходит.)

ПОТОЛОВСКИЙ. Я выпью?

ВОЛОДЯ. Пей.

ПОТОЛОВСКИЙ. Может, я помешал? Извини.

ВОЛОДЯ. Все нормально, это моя сестра.

ПОТОЛОВСКИЙ. Ясно. Пью. (Выливает остатки в стакан, долго держит бутылку над стаканом. Считает капли или задумался.)

ВОЛОДЯ. Проснись, Боря.

ПОТОЛОВСКИЙ. Я устал, я устал... я смертельно устал.

ВОЛОДЯ. Ты откуда такой хороший?

ПОТОЛОВСКИЙ. В издательство зашел. Потом у Красильникова дома пили, чуть не подрались. Олега Кустова опять из плана выкинули. Живые мертвым дорогу переходят. Из нашей компании гениев талантливые умерли, остались так... Будь здоров! (Выпивает.)

ВОЛОДЯ. Может, ты еще поспишь?

ПОТОЛОВСКИЙ. Добрый ты, Вовка, человек, не гонишь меня... Паршивое время... требует так много доброты, а ее нет.

ВОЛОДЯ. А может, счастливое время, еще нужна доброта.

ПОТОЛОВСКИЙ. Ладно, чего философствовать, к бабе Шуре надо идти. Меценатка моя. (Встал, его сильно качнуло.) А может, ты?

ВОЛОДЯ. Она мне не даст, ты же знаешь.

ПОТОЛОВСКИЙ. Я пароль скажу, она поймет, что мне плохо. (Считает деньги, стоит покачиваясь.) Ее на триста рублей штрафнули, теперь каждая бутылка по двадцать три, с наценкой, пока штраф не покроет. Три раза стукнешь, поскребешь, а как откроет, скажи: «Привет, Арина Родионовна!». Она все поймет.

ВОЛОДЯ. Приду, а у нее Пушкин сидит. (Взял сумку и вышел.)

Потоловский припал к крану с водой. Когда попил и повернулся, вздрогнул, увидел Таракана, стоящего за ним.

ПОТОЛОВСКИЙ (тяжело дыша). Что, брат, тоже колосники горят? Пей.

Таракан припал к воде.

Дихлофоса нажрался? (Закрыв кран. Сел на кровать. За ним, как собака, плетется Таракан, сел, уставился на Потоловского. Что они при этом думали, одному Богу известно.)

Володя потихоньку вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, прислушался, подошел к двери и косточкой пальца три раза стукнул... «Переведя дух и прижав рукой стукавшее сердце, нащупав и оправив еще раз топор. Раскольников стал осторожно и тихо подниматься на лестницу, поминутно прислушиваясь». ...потом, услышав шаги, поскреб дверь. Дверь распахнулась, и Володя увидел девушку. Он покрутил головой вправо и влево, понял, что не ошибся.

ВОЛОДЯ. Здрасте...

Она выжидающе смотрит.

(Очень тихо.) А бабушка дома?

ТАНЯ (громко). Нет, бабушки нет.

Рука, сжимавшая деньги, мгновенно вспотела, он почувствовал, как микробы на деньгах зашевелились и поползли. Дверь захлопнулась. Володя постоял, потом очень деликатно стукнул в дверь. Дверь от удара ногой, не успев скрипнуть, открылась. Опершись одной рукой о косяк, стояла Таня.

ВОЛОДЯ. Извините, а она скоро придет?

ТАНЯ. А что?

ВОЛОДЯ. Да тут такое дело... очень нужна.

ТАНЯ. Прямо очень?

ВОЛОДЯ (пытаясь улыбнуться). Да.

ТАНЯ. Может, я вам помогу?

ВОЛОДЯ. Вот... (Наконец разжимает руку, на ладони, словно что-то живое, зашевелились червонцы.)

ТАНЯ. Подожди.

ВОЛОДЯ. Сумку возьмите.

Она закрыла дверь. Пошли минуты ожидания. Для конспирации Володя встал спиной к двери и слегка облокотился на перила. Он не увидел, как из открытых дверей на него хлынула вода из ведра. Он не успел опомниться, как двери хлопнули, щелкнул замок.

ТАНЯ (из-за двери). Чтобы я больше тебя тут не видела.

Володя стоял как пугало после дождя, боясь пошевелиться. Он увидел себя «со стороны», а когда, стараясь не делать лишних движений, начал снимать пиджак и холодная вода по-

пала на спину, он расхохотался. Повесил пиджак на ручку дверей и стал выжимать рукава.

ВОЛОДЯ. Я же околею.

ТАНЯ. Ты из подъезда в подъезд – и доберешься. Уматывай, мне еще пол за тобой вытирать.

ВОЛОДЯ. Я два месяца назад воспаление легких перенес.

Наступило молчание, открылась дверь.

ТАНЯ. Заходи. (Посмотрев на него, улыбнулась.)

ВОЛОДЯ. Смешно? А ты не боишься?

ТАНЯ (посмотрев на него в упор). А ты?

ВОЛОДЯ (постукивая зубами). Боюсь, а ты меня не съешь?

ТАНЯ. Раздевайся. (Пошла на кухню.)

ВОЛОДЯ. За солью?

ТАНЯ. За перцем.

Володя бегло осмотрел комнату, в ней все застыло с сороковых годов. Вернулась Таня, включила утюг.

ТАНЯ. Во что же мне тебя одеть? (Открывает комод, перебирает тряпки. Кидает Володе белый костюм.) Держи.

ВОЛОДЯ. А ругаться не будут?

ТАНЯ. Не будут. Бабушка к сестре поехала.

ВОЛОДЯ (надел костюм). Здоровый...

ТАНЯ. Да, мельчает нынче народ...

ВОЛОДЯ. ...И злой становится, чуть что – помои на голову.

ТАНЯ. «Чуть что»... я уже два дня оборону держу. Идут и идут и скребутся день и ночь. Скажи спасибо, что с лестницы не загремел.

ВОЛОДЯ. Большое спасибо.

ТАНЯ. Большое пожалуйста. (Вывернула брюки и начала сушить.)

ВОЛОДЯ. Чей это костюм?

ТАНЯ. Деда.

ВОЛОДЯ. А где он?

ТАНЯ. Деда на кладбище.

ВОЛОДЯ. Да ты зачем?.. (Снимает куртку, не решаясь снять штаны. Потом все-таки снимает и садится на стул, сложив руки на коленях.)

ТАНЯ. Какие мы!

ВОЛОДЯ. Я суеверный.

ТАНЯ. Суеверный – сиди голый. (Молчание.) Расселся, иди гладь, я поставлю чай, а то, правда, заболеешь, сиди с тобой.

ВОЛОДЯ. По-моему, у меня температура поднялась.

ТАНЯ. Может, тебя в постельку уложить? Ложись.

ВОЛОДЯ. Вы слишком любезны.

ТАНЯ. Да чего там, ложись... (Смотрит на реакцию.)

ВОЛОДЯ. Не добивайте меня своей добротой, а то я заплачу.

ТАНЯ. Не вынесу столько сырости. (Вышла на кухню.)

Раздался стук в дверь.

Кто-то постучал или мне уже мерещится?

ВОЛОДЯ. Стучали.

ТАНЯ. Когда же это кончится?

ВОЛОДЯ. «Народная тропа»... Я на кухню.

Таня открыла дверь.

ГОЛОС (бодрый). О, здравствуй... баба Шура дома?

ТАНЯ (так же бодро). Нет бабы Шуры, все? (Она хотела закрыть дверь, но он вставил костыль.) Убери костыль, я его на твоей шее сломаю.

ГОЛОС. Да не кричи, баба Шура просила розетку посмотреть на кухне.

ТАНЯ. Мне она ничего не говорила.

ГОЛОС. Слушай, дочка, голова раскалывается, может...

ТАНЯ (кричит в комнату). Василий, тут у товарища голова раскалывается!

ВОЛОДЯ (громко рычит). Сейчас как выпрыгну, как выскочу – и пойдут клочки по закоулочкам...

Таня захлопнула дверь.

Это Цыбуля приходил. Ногу года два назад ломал, но с тех пор так и ходит с костылями, говорит, что не так заметно, когда пьяный, менты не пристаю. А как нажрется, костыли под мышкой носит.

ТАНЯ. Ты, наверно, всех знаешь, буду к тебе за консультацией ходить.

Она прошла на кухню, он вернулся в комнату. Постучал по столу. Вылетела Таня и рванулась к дверям. Пнула дверь, но там никого не оказалось.

ТАНЯ (возвращаясь на кухню.) Еще играют, скоты.

Через минуту Володя постучал снова. Таня, с поварешкой в руках, бросилась к дверям. Пнула, выбежала. Вернулась запыхавшаяся. Подошла и посмотрела Володе в глаза.

ВОЛОДЯ. Убежали? (Губы предательски растянулись в улыбке, он не вытерпел и рассмеялся.)

ТАНЯ (бьет его поварешкой). Пьяница, алкаш, я тебя убью.

ВОЛОДЯ (кричит, убегая). Возьми нож, поварешкой долго и больно.

ТАНЯ (отдыхая). Я бы их всех поубивала. У нее тут целый синдикат. Я удивлялась, откуда она мне такие переводы наскребала?!

ВОЛОДЯ. Баба Шура исправляет ошибки правительства...

ТАНЯ. И берет за это проценты?

ВОЛОДЯ. А как же, дали возможность каждой домохозяйке если не управлять страной, то исправлять ошибки...

ТАНЯ. А если не исправлять?

ВОЛОДЯ. Странно вы рассуждаете, государство старается для вас, идет на ошибки...

ТАНЯ. А мы такие неблагодарные.

ВОЛОДЯ. Почему я тебя раньше не видел?! На этой улице всех знаю.

ТАНЯ (пошла на кухню). Я раньше тут не жила.

ВОЛОДЯ. А где ты раньше жила?

Раздался тройной стук, послышалось царапанье.

ТАНЯ (кричит). Перестань, это уже не остроумно.

ВОЛОДЯ. Это не я, правда.

ТАНЯ. Не буду подходить, надоело.

ВОЛОДЯ. Кажется, я знаю, кто это, я открою? ТАНЯ (вышла из кухни). Открой, может, хоть одного напугаешь.

Володя открыл дверь.

ПОТОЛОВСКИЙ (застыл). Тыррр...

ВОЛОДЯ. Проходи, а то холодно.

Потоловский сделал шаг и остановился у дверей. Пытается задать вопрос. Таня вышла из кухни.

ВОЛОДЯ. Чего смотришь? (Трагическим шепотом.) Вся одежда в крови... Убил я старушку... А это Лизавета, знакомьтесь.

ПОТОЛОВСКИЙ. Борис.

ТАНЯ. Лизавета...

ВОЛОДЯ. Вы нас извините, Борис, что мы в таком виде, просто не ждали... Если ты за мной, то я остаюсь. Лизавета, мы гостя чаем будем поить?

ТАНЯ. Секунду. (Ушла на кухню.)

ПОТОЛОВСКИЙ (Володе). Я не хочу чая.

ВОЛОДЯ (кричит). Борис чая не хочет, спрашивает, будем ли мы брать проценты?

ПОТОЛОВСКИЙ. Чего?

ТАНЯ (вернулась из кухни, бросила ему штаны). Одевайся и уматывай. Раскольников. Все, Борис, лавочка закрыта.

ПОТОЛОВСКИЙ. Не волнуйтесь.

ТАНЯ. Я волнуюсь?

ПОТОЛОВСКИЙ. Ну и прекрасно.

ВОЛОДЯ. Хотел только позаботиться о нашем бюджете.

ТАНЯ. Одевайся молча.

ВОЛОДЯ (морщится, надевая еще не просохшие штаны). Не везет нам с тобой, Борис, то пионера встретим, то комсомольца... Как тебя зовут?

ТАНЯ. Лизавета.

ВОЛОДЯ. Лиза, ты когда-нибудь поступала в жизни не так, как тебя запрограммировали, против своей воли? Судьбу обманывала?

Таня, не понимая, смотрит на Володю.

ВОЛОДЯ. Ты сейчас всем своим сознанием решила, что ты не дашь Борису опохмелиться, а ты возьми и обмани себя. Наперекор своей логике.

ТАНЯ. А зачем?

ВОЛОДЯ. Это же интересно. Жизнь такая скучная и однообразная. Все живут как роботы. Знают, «что такое хорошо, что такое плохо», и другого не дано... Всю жизнь предсказать можно.

ТАНЯ. Если я сейчас вынесу бутылку водки, я буду непредсказуема?

ВОЛОДЯ. Ну...

ТАНЯ. А потом унесу? А?

ПОТОЛОВСКИЙ. Это, извините, будет просто издевательство.

ВОЛОДЯ. Да ты не знаешь, над кем решила поиздеваться. Борис единственный в нашем городе поэт.

ПОТОЛОВСКИЙ. Не надо, не надо.

ВОЛОДЯ. Классик рядом с тобой, а ты бутылку жилишь. Что о тебе потомки скажут? Я ведь это так не оставляю, напишу воспоминания.

ТАНЯ. Ах, ах.

ПОТОЛОВСКИЙ. Перестань, Володя.

ВОЛОДЯ. Мы сейчас, конечно, уйдем, но я уверен, ты что-то бесконечно огромное теряешь в своей жизни. Вот сейчас ниточка порвется, и все... Нет, ты не понимаешь, вот мне всегда страшно, когда кто-нибудь уходит... Пошли, Борис.

Они стояли около дверей, когда Таня молча ушла на кухню, вернулась с бутылкой.

ВОЛОДЯ. Как тебя зовут? Ты, Лиза, человек! (Протягивает ей деньги.)

ТАНЯ. Предсказуемый... дурак, иди.

ВОЛОДЯ. Как я в людях люблю ошибаться.

ТАНЯ. Захочешь принять душ, заходи.

ВОЛОДЯ. Обязательно. Как тебя зовут?

ТАНЯ. Лизавета.

Володя и Борис вышли на площадку. Таня закрыла дверь.

ПОТОЛОВСКИЙ. Ты зачем раздевался?

ВОЛОДЯ (делает загадочное лицо). Как тебе сказать... Я водки попросил, она ведро воды вынесла.

ПОТОЛОВСКИЙ. Хорошо я не пошел.

ВОЛОДЯ. Мне не очень, штаны не просохли.

Слышно, как, спускаясь в подвал, поет Потоловский: «Я люблю тебя, жизнь...». Двери открылись, у крана с водой возится старуха. У ее ног стоит ряд вымытых бутылок.

ПОТОЛОВСКИЙ. У нас гости!

БАБУШКА (сухонькая, подвижная, говорит очень быстро). Я, сынки, зашла бутылочки помыть. А Федор-то не живет, че ли?

ВОЛОДЯ. Живет, скоро приедет.

БАБУШКА. Он мне всегда позволял. Дома-то мне воды не натаскаться. Вы на меня не обращайтесь, я щас домою и уйду.

ПОТОЛОВСКИЙ. Дай чего-нибудь занюхать.

Володя нарезал сыр.

ПОТОЛОВСКИЙ. А что, мать, стопочку пропустишь?

БАБУШКА. Нет, милоч, спасибо, всю жись не пила, а теперь уж поздно начинать. Бутылочку отдадите, и на том спасибо.

ПОТОЛОВСКИЙ. Присядь с нами. (Ведет бабушку к столу.)

БАБУШКА. Посидеть посижу...

ПОТОЛОВСКИЙ. Хоть пригуби.

БАБУШКА. Сыру съем, крошки с утра во рту не было. (Съела кусочек сыра и встала.) Ходики-то стоят? Спасибочки вам, подаваться нужно, ехать еще к черту на кулички.

ПОТОЛОВСКИЙ. Скорая ты, посиди с нами.

БАБУШКА. Нет, милоч, и не проси, умаялась. Я бутылочки оставлю, не донести мне.

ВОЛОДЯ. По подвалу их много, я соберу.

ПОТОЛОВСКИЙ (встал, роется в карманах, находит три рубля). Возьми на дорогу.

БАБУШКА. Ой, да что же это делается, зачем же... Дай тебе Бог... (Быстро засобиравшись, поставила в сумку несколько молочных бутылок.)

ВОЛОДЯ. Заходите, когда нужно.

БАБУШКА. А как же, приду, милай, приду. (Ушла.)

ВОЛОДЯ. Тихо!

ПОТОЛОВСКИЙ. А?

ВОЛОДЯ. Слышишь? Ходики затикали. Вышел поужинать.

ПОТОЛОВСКИЙ. Кто?

ВОЛОДЯ. Таракан... он в часах живет, по ночам выходит ужинать, и тогда часы идут.

Потоловский встал, пошел со стаканом к раковине, налил воды. Пьет и смотрит на бутылки.

ПОТОЛОВСКИЙ. Интересно, доживу я до пенсии или выпнут меня из Союза? Тоже буду бутылки собирать.

Таракан щеткой чистит пиджак Потоловского.

ПОТОЛОВСКИЙ. Костюм, видишь, мать из сундука достала... В издательстве когда работал, сборники выходили, костюмы менял после каждой большой пьянки, пижонил. А мать костюмы чистила – и в сундук, как в воду глядела... (Выпивает.) Видишь, какая дальновидность! И костюм нормальный, ты видишь?

ВОЛОДЯ. Отличный костюм и, главное, модный, все повторяется. Время пошло вспять.

ПОТОЛОВСКИЙ. Слушай, а что если снова к Лизавете сходить?

ВОЛОДЯ (смеется). Теперь ты иди.

ПОТОЛОВСКИЙ (выпивает). Хорошая девчонка. Я не знаю, что со своей делать. Техникум бросила, связалась с курсантом, он тоже молодой, но ушлый. Они уже там замесили... он ее к какой-то бабе на аборт повез, она от нее убежала... Лежит в своей комнате, подруги приходят, она себя героиней чувствует. Из класса первая рожать будет. Скоро стану дедом. Как ты считаешь, нужно мне с ним поговорить?

Володя лежал с закрытыми глазами, слушал Потоловского, но думал о своем.

ПОТОЛОВСКИЙ. А вообще-то, какой я им советчик? А, Володя? Она мне заявляет: «Я его не люблю и замуж за него не пойду, хоть он и предлагает». В кровать легла, а замуж не пойду... Не любит, пусть лучше одна живет? Сегодня это в норме... А, Володя? Ты молодой, объясни мне.

Потоловский поставил недопитую бутылку в карман и вышел. Володя встал, подошел к выключателю. Выключил свет, постоял в темноте, снова включил.

ВОЛОДЯ. Я есть. (Выключил.) Меня нет... Чего тебе хочется? К Лизавете хочется сходить? Нельзя тебе туда. Учти, я тебя предупредил.

Володя проходил мимо ресторана, когда хлопнули двери, из ресторана выбежал какой-то парень. Он кричал что-то на своем языке. За ним выскочило несколько человек. Парень бежал в Володькину сторону. Его сбили, начали пинать. Володя стал растаскивать, кричать. Среди пинавших он узнал Лешку, парня из его цеха.

ВОЛОДЯ. Леха, уйми своих, подожди.

ЛЕХА. Ты чего?

ВОЛОДЯ. Ну вы что, нельзя сейчас!

ЛЕШКА. Друг твой?

ВОЛОДЯ. Мужики, отпустите! Нодар это... Вставай, Нодар.

ГОЛОСА. Уводи его. Козлы, совсем оборзели. Пошли, такой танец испортил...

ВОЛОДЯ (помог ему встать, платком вытирает кровь на лице). Извини их, нажрались. Они ничего не понимают. Нас всех извини. У меня в армии друг был, Нодар Момцелидзе...

ПАРЕНЬ. Я не грузин, я из Армении.

ВОЛОДЯ. Все равно извини.

ПАРЕНЬ. Я в гостинице живу, давай зайдем.

ВОЛОДЯ. Извини, не могу, спешу к девушке.

ПАРЕНЬ. А... как тебя зовут?

ВОЛОДЯ. Володя.

ПАРЕНЬ. А меня Арам.

ВОЛОДЯ. Ну, давай, Арам, пошел я. Тут колонка за углом.

Володя стоял перед ее дверьми. Тихо постучал три раза. Таня открыла дверь и почти не удивилась. Не закрывая дверь, отступила, давая ему дорогу. Володя прошел и снова сел на стул. Таня встала напротив. Помолчали. Поулыбались.

ТАНЯ. У меня было предчувствие, что ты идешь.

ВОЛОДЯ. У меня тоже. Знаешь, почему я пришел? Догадываешься? (Таня сделала загадочное лицо.) Борису не хватило... (Он увидел, как загадка улетучилась с ее лица, и рассмеялся.) Я шучу, шучу.

ТАНЯ (тоже засмеялась). А где он сейчас?

ВОЛОДЯ. Спит. Вернее, сочиняет. Он часто выдает стихи, написанные во сне. Последнее стихотворение было о белом карандаше.

ТАНЯ. Я думала, о белой горячке.

ВОЛОДЯ. Помню только, что он записывает белым карандашом свое самое гениальное стихотворение... Белым карандашом на белой бумаге... и когда проснулся...

ТАНЯ. Ты черным записываешь?

ВОЛОДЯ. Я рисую. По ночам крашу спины тараканам в разные цвета.

ТАНЯ. Интересно. А днем?

ВОЛОДЯ. Днем я обижаюсь. Сделал вид, что меня обидели, лежу и обижаюсь.

ТАНЯ. Где же могли обидеть такого замечательного человека?

ВОЛОДЯ (как маленький ребенок). На заводе...

ТАНЯ. Ну не плачь, что же ты там делал?

ВОЛОДЯ. Я там фрезеровщиком работал.

ТАНЯ. Ты совсем не похож на рабочего.

ВОЛОДЯ. Да? А на кого я похож?

ТАНЯ. Не знаю, но не рабочий.

ВОЛОДЯ. Наверно, поэтому я и ушел. Если не похож, что мне там делать?

ТАНЯ. А на что вы живете, сударь?

ВОЛОДЯ. Бегаю, поэтам водку покупаю.

ТАНЯ. И тебе хватает?

ВОЛОДЯ. У, знаешь, как они пьют!

Они смеются.

ВОЛОДЯ. Я впервые почувствовал себя человеком. Сплю, гуляю, читаю. Не тащусь по утрам в душном автобусе. Не трачу времени на людей, которые мне несимпатичны. Потоловский говорит, у меня «болезнь строя», я устал видеть грудь четвертого человека. Выпрыгнул из автобуса, и все...

ТАНЯ. А если все выпрыгнут, что будет?

ВОЛОДЯ. Все не выпрыгнут, они привыкли. Это старые газеты?

ТАНЯ. Старые, а что, ты еще вторсырье собираешь?

ВОЛОДЯ (смеется). Да нет, я просто люблю старые газеты читать. Нравится читать, как нас дурачили, и чувствовать себя умным... Лучше понимать, как дуруют сегодня.

ТАНЯ. Забирай.

ВОЛОДЯ. Я принесу.

ТАНЯ. Не надо, умней.

ВОЛОДЯ. А ты где работаешь?

ТАНЯ. Учусь, в медицинском.

ВОЛОДЯ. Правда?

ТАНЯ. Отец женился, вот я и у бабушки. Хорошо что в вашем городе медицинский есть. А что тебя так удивило?

ВОЛОДЯ (помолчав). Жена у меня была медиком.

ТАНЯ. А сейчас она где?

ВОЛОДЯ. Где? Дома, наверное; рецепты выписывает, каждый вечер садится и выписывает рецепты больным... Она заранее заполняет, говорит, что других лекарств все равно нет. Тебе это тоже грозит. (Подошел к дверям.)

Она смотрит на его спину и молит, чтобы он не ушел.

ВОЛОДЯ. Каждый день жду, что придет письмо или друг придет. Дни ожидания непонятно чего... Однажды... Как тебя зовут?

ТАНЯ. Таня.

ВОЛОДЯ. Таня... Однажды с бабушкой я продавал ромашки, только не белые, а сиреневые такие. Бабушка куда-то ушла, и я остался... Цветы никто не покупал, и так мне обидно стало, что я заплакал. Какая-то женщина спросила: «Что ты плачешь?» Я сказал, что зуб болит. Она все поняла, порылась в карманах, но ничего не нашла. Так никто и не купил мои ромашки...

ТАНЯ. Ты принес их мне?

ВОЛОДЯ. Возьми их... Таня.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Снилась красная река. Бурые волны перекатывались под звуки марша. Приглядевшись, Володя увидел спины идущих рядами тараканов. Вдруг, к своему удивлению, среди тараканов он увидел себя. Голова, как топляк, выныривала среди волн. Володя стал задыхаться, он тонул. Володя проснулся; когда открыл глаза, увидел, как Таракан под марш с улицы исполняет странный танец, что-то среднее между брейком и строевым маршем. Гремя бутылками, в подвал вошла баба Нюра.

БАБУШКА. Ты уже извини меня, сынок, сегодня такой день, богатый день, дома грех сидеть. Спину надсадила. Кружу, кружу, не пускают никуда. Ироды. (Выставляет бутылки.) На воздух чего не выйдешь? Прошелся бы... там девок много, сидишь тут как ведмедь. Меня баба Нюра зовут, я тут раньше часто Федору варила.

ВОЛОДЯ. У вас пенсия маленькая, баба Нюра?

БАБУШКА. А у меня, сынок, пенсии вовсе нету. Ноженьки кормят, только бы не отказали.

ВОЛОДЯ. Одна живете.

БАБУШКА. Нет, не одна. Собака есть, Пират. Квртиранты жили, телевизор оставили, да сгорел он, а так браво с телевизором. Сгорел.

ВОЛОДЯ. А что сгорело?

БАБУШКА. Что сгорело? А... сгорело, откель мне знать-то, не кажет, и все.

ВОЛОДЯ. Надо посмотреть. Живете вы где?

БАБУШКА. Как Собачий мосток перейдешь, в проулке последний домик мой. Дальше дачи пошли. Я раньше там подрабатывала, у Шурыгиных полы мыла. Бросила. И ведь ученый человек. Разве так можно? Найду жалко. Смотрю, Пират трется спиной, а она стоит как вкопанная, только оскалилась, вот так. Он, веришь ли, чучело из нее сделал. Тряпками набил.

Говорит, кормить не надо, и собака во дворе вроде замка. Это же надо. И ведь ученый человек. Так измываться над животиною. Я все боялась, что Пират Шурыгина загрызет, перестала ходить к ним... Заболталась, там, поди уж, налетели... Они на машинах собирают, вороны. Только бутылочку заприметишь, уже схватили. (Направилась к дверям.)

Володя умылся, поставил чайник. На улице гремела музыка. Он встал напротив окна и смотрел на плетущиеся ноги; подбежала и обнюхала окно собака. Присел маленький мальчик и что-то поднял из праздничного мусора. Володя резко отвернулся. Взял таз, поставил его на табуретку. Из маленького чемоданчика достал чистую рубашку. Разделся, собираясь вымыть голову. Услышал, что кто-то спустился в подвал и не может отыскать дверь. Володя толкнул дверь и увидел отца. Он молча вошел, оглядывая подвал, застыл около стоящих у раковины бутылок.

ОТЕЦ. Не пойму, напили столько или собираешь?

ВОЛОДЯ. Собираю.

ОТЕЦ. Хорошо устроился.

ВОЛОДЯ. Не жалуюсь.

ОТЕЦ. Сколько штук в день?

ВОЛОДЯ. Много.

ОТЕЦ. На помойках собираешь?

ВОЛОДЯ. По подъездам хожу. У меня несколько домов, «Дворянские гнезда». Галстук надеваю и хожу. Милиционер туда только в галстук пускает.

ОТЕЦ. Так ты дворянином заделался?

ВОЛОДЯ. Дворянином.

ОТЕЦ (отдает сверток). Мать тебе настряпала.

ВОЛОДЯ. Это лишнее, у меня все есть. Разве что от мамы.

ОТЕЦ. Скушайте, ваше величество. Как за стол садимся, мать о тебе начинает говорить, кусок в горло не лезет.

ВОЛОДЯ. Не знаю, чем вам помочь.

ОТЕЦ. Может, наш дворянин поработает на заводе, а не бу-

дет ключи посылать? Или он думает, что я за него буду работать?

ВОЛОДЯ. Я никого не просил.

ОТЕЦ. В город выйти стыдно... вырастил себе смену... на кого ты похож? Что, так и будешь бутылки собирать? Валера вчера звонил. Пять сотен заколачивает, и не чешись. Вера родила, четыре кило... (Помолчал и опять за свое.) Вовка, такое место, сколько я инструмента насобирал, а... Вчера с Лешкой разговаривал, у них запарка полная. Отнесу ключи, потом локти кусать будешь.

ВОЛОДЯ. Ключи Михалычу отдай.

Помолчали.

ОТЕЦ. Дома стол уже собрали, наверно. Пойдем? (Володя отрицательно покачал головой.) Не хочешь домой, давай тут справим. (Достал из кармана бутылку коньяку.) Праздник как-никак, и за внучку.

ВОЛОДЯ. Я не пью теперь.

ОТЕЦ (улыбнулся). Значит, мужики правду говорили, что ты с «торпедой» ходишь?

ВОЛОДЯ. Просто пить с ними не хотел. Помнишь, я с легкими лежал. Когда вышел, сказал, что «торпеду» вшили. Поверили. Устал я пить,

ОТЕЦ. Ты бы хоть предупреждал, а то я чуть ящик не спорил.

ВОЛОДЯ. Надо было спорить. Мамед так поверил, что после собрания ко мне подошел и шепчет на ухо: если я еще выступать буду, мне водочки в компот плеснут. Я сделал вид, что напугался, неделю с собой обед носил.

ОТЕЦ. Мамед?

ВОЛОДЯ. Не надо никаких выяснений. Я себя с трудом переношу, а ты завод... Я как к ней схожу... Все, короче... Ты мне коньяк не оставишь? Отдать нужно.

ОТЕЦ. Бери, это мать мне его всучила, ты же знаешь, я коньяк не очень.

ВОЛОДЯ. Я мотоцикл продам, ты не возражаешь? Половина твоя.

ОТЕЦ. Давай теперь считаться начнем. Что матери сказать?

ВОЛОДЯ. Зайду.

ОТЕЦ. Может, снять ремень да всыпать тебе?

ВОЛОДЯ (рассмеялся). Всыпь, батя, всыпь.

ОТЕЦ (подошел к двери). Ты бы хоть побрился, дворянин. Лезвий принести?

ВОЛОДЯ. Негоже дворянину «Невой» скоблиться.

ОТЕЦ. А других нету. (Ушел.)

Володя стоял, слушал его шаги. Поставил коньяк в карман куртки. Стянул свитер, намылил хозяйственным мылом голову. Вошли два мужика, по виду явно не демонстранты, они были в засаленных фуфайках. У маленького в руках была сумка, из которой торчал газовый ключ. Второй держал горящий фонарик синими от наколок руками.

МЕЧЕНЫЙ. Ты чего, братка, живешь тут? Ясно. Надо воду перекрыть.

Они прошли в угол, искали стояк горячей воды. Из угла вышел недовольный Таракан, сел около кровати.

МАЛЕНЬКИЙ. Гошка стояк менял, засранец. Как ни проверишь, так стояк без крана.

МЕЧЕНЫЙ. Я его, козла, заставлю пальцем затыкать. Иди дом перекрой.

МАЛЕНЬКИЙ. Ключ от элеватора в какой квартире?

МЕЧЕНЫЙ. Замок там просто висит. Перекрой, а я поменяю, минут через пять включишь. Сюда приходи.

Они вышли. Таракан вернулся в свой угол. Володя вытер голову, лег на кровать, наклонился, достал из-под кровати старую газету. Вернулись веселые сантехники.

МЕЧЕНЫЙ. Че пишут?
ВОЛОДЯ. Да так, про сантехников, плохо работают.
МЕЧЕНЫЙ. Ну-ка дай!
ВОЛОДЯ. Шучу, директор фабрики проворовался.
МЕЧЕНЫЙ. Из партии выпрут, и все, нашего брата сразу за это (показал) и к потолку. Дай, братка, стаканы.

Володя дал два стакана, достал три пирожка, один взял себе.

МАЛЕНЬКИЙ. А себе стакан?
МЕЧЕНЫЙ. Это он про тебя забыл. (Смеется.)
ВОЛОДЯ. Я не пью, болею.
МЕЧЕНЫЙ. Смотри, дело хозяйское. (Достал из сумки бутылку, поглаживает ее.) Она сует мне червонец, я ей говорю: «Оберни, хозяйка, им трубу, чтобы не лилось, чего я с ним сегодня делать буду?». Смотрю, несет.
МАЛЕНЬКИЙ. Вздروгнули.
МЕЧЕНЫЙ. Пирожки домашние?
ВОЛОДЯ. Нет, подвальные.

Меченый доволен, улыбается.

МАЛЕНЬКИЙ. Скажем, труба по шву лопнула.
МЕЧЕНЫЙ. Не гнуси, Чарли. Задвижка не держит, раз. Гошка вентиль на стояк не поставил, два. А в-третьих, я тебя еще горячей водой ошпарю. (Ржет.)
МАЛЕНЬКИЙ. Я знал, что ты мне друг. Наливай.
МЕЧЕНЫЙ. У тебя юла... закрутилась, сядь, прижми. (Володе.) Брось глаза портить, я когда вижу кого-нибудь с газетой, мне кажется, он на горшке сидит, ха-ха... Ты говоришь, мы плохо работаем... Анекдот слушай. Американцы запускают космический корабль, он падает, запускают, он падает. За-мучились. Причину установить не могут. А тут наш сантехник эмигрировал, по политическим соображениям...

Створка окна в подвале с треском открылась, все оглянулись. В окно полетели портреты, огромные красные цветы, влетел флаг и воткнулся наконечником в пол. Первым опомнился Меченый.

Кинулся к окну. Хотел что-то крикнуть в окно, потом сорвался и бросился на улицу.

МАЛЕНЬКИЙ. Псих, убьет кого-нибудь.

ВОЛОДЯ. Демонстрация кончилась...

Через минуту вернулся Меченый.

МЕЧЕНЫЙ (развел руками). Умотали. Жалко.

МАЛЕНЬКИЙ. Садись, я разлил.

МЕЧЕНЫЙ. Вот же падла... Не откупились бы. Верняк две бутылки ушло.

МАЛЕНЬКИЙ. Еще заработаем, пошли.

МЕЧЕНЫЙ (огрызается). Заработаем, тебе это раз плюнуть... (Володе.) В детском садике хомут поставит – трояк, никто не знает, что он сам эти дырки делает. Я сейчас пойду и сдам тебя. Паскуда.

МАЛЕНЬКИЙ. Не шуми. Давай допьем и пошли.

Стали собираться.

ВОЛОДЯ. Пару хомутов дюймовых оставьте, свищи замучили.

МЕЧЕНЫЙ. Дай-ка сумку. (Вытащил связку хомутов.) Бери. Ну, будь, братка.

ВОЛОДЯ. Пока.

Они вышли. Володя подошел к куче транспарантов, поднял чей-то портрет, посмотрел, бросил в кучу. Вытащил знамя, поставил его к стене. Выключил свет и вышел. Темнота. Звучит странная музыка, словно гимн играют на 78 оборотов. Вылезают тараканы, каждый из кучи транспарантов берет себе «оружие». Началось побоище. Тараканы, как вениками в бане, хлестали друг друга цветами. Портреты от удара

вылетали из рамок, в них оказывались «живые лица». Бой продолжался, и не было ему конца...

Квартира Тани. Володя еще не постучал, как перед ним открылась дверь.

ТАНЯ. Я тебя в окно увидела.

ВОЛОДЯ. Я долг принес. (Снял куртку, достал из кармана коньяк.)

ТАНЯ. Нет, коньяк не пойдет, вы же водку брали... Поэтому коньяк мы выпьем.

ВОЛОДЯ. Давай, только я не пью.

ТАНЯ. Я тоже, но сегодня праздник.

ВОЛОДЯ. Честно, я совсем не пью, уже полгода.

ТАНЯ. Ладно, мы помаленьку, по пять грамм.

ВОЛОДЯ. По шесть. Я выиграл.

ТАНЯ. Телик включить? Правда, мутно показывает.

ВОЛОДЯ. Его, наверное, бабе Шуре в приданое дали. Не надо.

ТАНЯ. Не надо, значит, не надо.

Таня пошла на кухню. Володя подошел к окну. Таня вернулась, поставила на стол тарелки, подошла к Володе.

ВОЛОДЯ. Тебе не кажется, что собаки понимают о нас что-то такое, что мы о себе не знаем, что нам просто не дано понять? Смотри, смотрит на нас, чувствует, что о ней говорят.

ТАНЯ. У тебя глаза как у собаки.

ВОЛОДЯ. Да? Которая на цепи сидит?

ТАНЯ. Снимай ошейник и садись к столу.

В двери кто-то постучал. Таня посмотрела на Володю, они улыбнулись. Таня открыла дверь, перед ней стояла незнакомая девушка.

ДЕВУШКА. Позовите Володю.

Володя по голосу узнал Вальку и повернулся. Встал, быстро надел ботинки и вышел.

ВОЛОДЯ. Я сейчас.

Валька посмотрела на него, отвернулась и заплакала.

ВОЛОДЯ. Следишь?

ВАЛЯ. У подвала стояла, не могла зайти. Ты вышел, я за тобой.

ВОЛОДЯ. Зачем?

ВАЛЯ. Не знаю. Прости меня.

Она зарыдала и бросилась бежать вниз по лестнице. Володя постоял в подъезде и вернулся в квартиру. Прошел, сел на стул.

ТАНЯ. Жена?

ВОЛОДЯ. Да.

ТАНЯ. Она тебя любит...

ВОЛОДЯ. Это другое.

ТАНЯ. У нее взгляд безумный.

ВОЛОДЯ. В марте... у нас дочь умерла...

ТАНЯ. Извини.

ВОЛОДЯ. Зачем она приходит? Это невыносимо. Я не могу ее видеть. Когда Наташа умерла, между нами встала вина... Нервы не выдерживают, часто хочется кого-то обвинить, но... я видел, она сама страдает. Я хотел сказать ей много утешительных слов, но я не мог... что-то порвалось у нас, во всяком случае, у меня к ней. Этого не вернешь. Я иногда ясно понимаю, что я умер вместе с ней. На все я теперь смотрю ее глазами. Я понял, что нас давно не считают за людей. Живем в блевотине... «Общественное выше личного». Эта бестолковая жизнь с работой, пьянкой, собраниями. Все это не стоило одного ее слова: «Папа, нарисуй мне кораблик». (Встал, надел куртку.) Я пойду.

ТАНЯ. Давай выпьем. (Володя открыл бутылку и налил большие фужеры. Молча, посмотрев друг на друга, выпили.)
Поешь.

ВОЛОДЯ. Нет.

Он наклонил голову к ее голове, быстро вышел.

Подвал. Трое молодых, «джинсовых» парней. Юра с Виталькой мерили рулеткой площадь подвала. Юра записывал в блокнот.

ЮРА. Звонил вчера, вы где пропадали?

ВИТАЛЯ. В кабаке затащил, неустойчивый.

ЖЕНЯ (развалившись на кровати). Юлька посадила нас к двум телкам, говорит, у них горе. Подсаживаемся, фотография на столе, они обе жены одного мужика, первая и вторая, а он не то разбился, не то убили. Сидят, бухают. Мы тоже с ними погоревали, потом к Витальке на фазенду поехали. Я решил проверить, что за подружки.

ВИТАЛЯ. Не ты, а я, тебе уже хоть кого было подавать.

ЖЕНЯ. Короче, выходим из машины, вроде за пойлом зайти. Плеер я оставляю включенным. Прослушали. (Смеется.) Витальку они прыщавым козлом называли...

ВИТАЛЯ. Тебя пидаром толстозадим.

ЖЕНЯ. Не сочиняй, это не вчера. Приедем, я дам послушать. Главное, не умер у них никто, они так в кабаке просятся.

ЮРА. И чем дело кончилось?

ЖЕНЯ. Покувыркались, потом выгнали...

ЮРА. Если эту стенку убрать, человек сто пятьдесят втолкать можно.

ВИТАЛЯ. А можно ее убрать?

ЮРА. Можно, она не несущая.

Когда хлопнула входная дверь в подвал, Женя соскочил с кровати, подбежал к выключателю. Погас свет. Открылась дверь, вошел Володя; не включая света, он прошел по световой дорожке до кровати. «Засада» услышала рыдания и не знала, что делать. Прошло время, первым не выдержал Виталя.

ВИТАЛЯ. Ты чего, парень?! Чего плачешь?

ВОЛОДЯ (повернулся, размазал рукой слезы). Чего надо?

ВИТАЛЯ. Поговорить.

ВОЛОДЯ. Говори, только быстрее. (Загорелся свет. Увидел парня уже приходившего в подвал.) А, видеомальчики.

ЖЕНЯ. Девочки... Не груби.

ВИТАЛЯ. Подожди, Жека. Мы пришли по-хорошему поговорить.

ВОЛОДЯ. А что вас так мало пришло «по-хорошему поговорить»?

ЖЕНЯ. Для тебя хватит.

ВИТАЛЯ. Ты «наших планов громадье» срываешь.

ВОЛОДЯ. Я?

ЖЕНЯ. Ты только дурачком не прикидывайся. Домоуправ тебя предупреждал, вот покажи нам, как ты бегаешь.

ВОЛОДЯ. Уже бегу.

ВИТАЛЯ. Давай нормально договоримся, чего ты хочешь?

ВОЛОДЯ. Я ничего не хочу.

ВИТАЛЯ. Сам не хочешь и нам не даешь. (Достал пачку червонцев и на глаз отделил половину.)

ЖЕНЯ. Ты зачем?

ВИТАЛЯ. Спокойно, Жека. Возьми, только чтобы завтра тебя тут не было. (Положил деньги на стол.)

ВОЛОДЯ (взял со стола деньги). Это мои деньги?

ВИТАЛЯ. Твои.

ВОЛОДЯ. Я тебе дарю их, только чтобы я вас сейчас не видел... Что, мало? Сколько дали... могу рубль добавить. (Роемся в карманах, достает мелочь.) Вот еще двадцать копеек. (Бросает на стол, они со звоном падают на пол.)

ЖЕНЯ. Ты видишь? Это же баран с рогами.

ВОЛОДЯ. Сам ты баран. Я тебе говорил, что это не мой подвал. У Феди квартиры нет, этот подвал его квартира. Что вам, подвалов мало?

ВИТАЛЯ. Этот в центре города. Давай мы найдем тебе подвал, только не в центре.

ВОЛОДЯ. Мне не надо.

ЖЕНЯ. Надоело, сказка про белого бычка. Если бы ты не ныл тут как баба...

ВОЛОДЯ. Пожалел... зря, ты не жалея, ну... Тузик...

Женя начал обходить кровать. Володя нагнулся, взял пустую бутылку, ударил ее о козырек кровати. В руках он держал горлышко с острыми краями. Прodelал он это очень спокойно, даже нехотя.

ВИТАЛЯ (остановил Женю). Тихо, не надо, все проще, как до меня сразу не дошло. Пошли. Завтра его тут не будет. (Закрывая дверь.) До завтра, парниша.

Когда захлопнулась дверь, Володя со злостью бросил горлышко в дверь и бухнулся на кровать. Через минуту открылась дверь, вошел Юра, подошел к кровати.

ЮРА. Тут Женька валялся, ключи от машины найти не можем. (Володя встал, отошел в сторону. Юра нашел ключи, посмотрел на Володю, хотел идти.) Завтра менты придут... Ты не подумай, я не пугаю, просто на всякий случай...

Володя повернулся, они посмотрели друг на друга. Юра вышел. Володя ходит по подвалу. Сел на кровать. Из своего угла вышел Таракан с белой полосой и сел рядом.

ВОЛОДЯ. Если бы мы могли поменяться с тобой местами. (Таракан встал.) Нет, ты не понял, садись. (Помолчали.) Если бы я стал тараканом, я бы никогда не встречался с людьми. Не хочу, чтобы чья-нибудь подошва была моим небом. Я боюсь людей в любой форме, я не хочу встречаться с любым начальником. У всех дикое желание раздавить. Я бы жил в норе и каждое утро вылазил полюбоваться солнцем и чистым небом.

Володя встал и пошел к выходу. Таракан пытается что-то ему сказать, но не может. Володя выключил свет и вышел. Темнота. Слышен вой сирены. Звучит металлическая музыка. Кто-то бежит с фонариками в руках. Весь свет они направляют на Таракана с белой полосой на спине. Он быстро снимает с себя тараканью «кожу», остается голый и бежит к свету. Фонарики гаснут, свет меркнет, раздается предсмертный вопль. Темнота. На месте, где упал Голый, горит свеча.

Володя остановился перед Таниной дверью, но не стал стучать. Спустился к почтовым ящикам, стоял, курил. Таня открыла дверь, выглянула, никого не увидела и закрыла дверь. Володя постоял еще несколько минут и вышел. Улица. К Володе подошел парень, он был в одной рубаше и тапочках на босу ногу.

ПАРЕНЬ. Закурить не дашь?

ВОЛОДЯ. Да. (Протянул пачку.)

Парень вытащил сигаретку.

ПАРЕНЬ. А две можно?

ВОЛОДЯ. Бери все, у меня есть.

ПАРЕНЬ. Вот спасибо. (Подает рубль.) Возьми.

ВОЛОДЯ (закричал). Да вы что все! (Быстро пошел.)

Парень догнал его, в одной руке он держал тапочек.

ПАРЕНЬ. Да ты не обижайся. Я после поездки спал, проснулся, курить хочу, хоть удавиться. Думал, у таксиста куплю. (Надел тапочек.)

ВОЛОДЯ. Да ладно.

ПАРЕНЬ. Давай и спичку. (Закуривает.) Я еще праздник не справлял, если есть желание, пойдем, у меня литра стоит.

ВОЛОДЯ. Я уже справил, спасибо. Пошел я, пока.

ПАРЕНЬ. Смотри. Надумаешь – приходи, (показал на дом.) 22-я квартира.

*Володя уходил. Парень курил и смотрел ему вслед.
Володя спустился в подвал, навстречу встал Потоловский.*

ПОТОЛОВСКИЙ. А я зашел, тебя нет. Родственники к нам приехали. Ветерана какого-то спаивают, чтобы он им машину купил, все хватают... Я у тебя переночую.

Володя снял один матрац с койки и бросил его в ванну.

ВОЛОДЯ. Ты трезвый, что ли?

ПОТОЛОВСКИЙ. Не знаю. Дома еще полбутылки стоит. Но уже бесполезно. Странный сегодня день... С издательскими зашли в парк, принять. Мирились. Расположились около Льва Николаевича, «непротивляемся злу насилием». Вдруг Толстой звуки стал издавать. Стоим, глаза друг на друга пучим... У постаментов фанерка отгибается, вылезает собачка... Посмеялись, конечно. Но сколько потом ни противлялись, не пьянею, и все... Там же много памятников, а она в Толстом жила. Так захотелось, чтобы у меня на могиле собака жила, дурь какая-то...

ВОЛОДЯ. Бронзовеешь.

ПОТОЛОВСКИЙ. Деревенею... Я не Сервантес... Время уже ничего не прибавит. Сначала даже интересно стареть, открываешь для себя многое... других лучше понимаешь... Потом надоедает.

ВОЛОДЯ. Сестра узнала тебя, ты в школе у них читал.

ПОТОЛОВСКИЙ. Да, правда? Ты врешь?

ВОЛОДЯ. Правда. Она сказала, что раньше ты на Маяковского походил.

ПОТОЛОВСКИЙ. Мне говорили. Раньше вообще к поэзии другое отношение было, везде приглашали, поклонницы звонили. Меня одна в Ялту увезла... В провинции, Вовка, огромный талант нужен. Нет, я не выдержал. Пока молодой был, работал много, постоянно мучился, думал, ходил как пьяный... Пил, чтобы отрезветь. «Опьянение мыслью», так я этот феномен называл...

ВОЛОДЯ. Я думал, почему у нас такие очереди за водкой? Все хотят быть трезвыми.

ПОТОЛОВСКИЙ. Теперь от пустоты пью. Я туг недавно «хороший» был, в трамвае читал. Все притихли. «Пустыню» читал, один мужик остановку проехал, заслушался... Такой гжелью меня потом покрыл... (Смеется, подходит к ванне, становится в нее.) Я, наконец, понял, что томило меня столько лет... Володька, я просто опоздал или забыл застрелиться. Я лет двадцать живу с другой стороны жизни. Я возвращаюсь! (Ложится в ванну.)

Володя лег на кровать, глаза открыты. Виделся Володе сон или кошмар будущего...

Дом не дом, конура. У буржуйки возится баба Нюра.

НЮРА. Ты бы встал, лешак тебя побери, воды ни грамма нет. (Прошло время.) За водой-то пойдешь? Я вон бидончик принесла.

На кровати зашевелилась груда тряпья, из нее, в фуфайке, вылез седой старик. Только по голосу можно узнать прежнего Володю.

ВОЛОДЯ. Ты че ни свет ни заря соскочила, всю ночь Пират был, теперь ты ходишь, гремишь.

НЮРА. Вставай, пойдем очередь занимать. Мне одной мешок-то не упереть.

ВОЛОДЯ. Может, не пойдем сегодня?

НЮРА. Что еще?

ВОЛОДЯ. Сны хорошие сегодня снятся.

НЮРА. Жрать тогда не проси.

ВОЛОДЯ. Да пошла ты...

НЮРА. Пошла я, пошла. (Ушла.)

Володя встал, помочился в ведро, полазил по кастрюлям, чего-то проглотил и снова залез на кровать. Послышалось сопение. Из-под кровати выполз Чистый таракан, полез по кастрюлям.

ВОЛОДЯ. Нюра, имей же совесть, Пират всю ночь выл. (Выглянул из-под одеяла.) Ты кто такой?

Со всех сторон стали вылезать и вставать на две ноги тараканы. В лапах они держат банки с краской разных цветов. Они окружают Володю, звучит строевой марш. Володя вырывается, оставляя в лапах одежду!

ВОЛОДЯ (кричит). Я не хочу! Это сон, я сейчас проснусь! (Сорвал парик с сединой.) Боря, разбуди меня!

Тараканы начинают красить кровать, стол и все, что попадает им под лапы. Володя пытается увернуться от кистей. Наконец он пойман. Тараканы навалились на него, сейчас начнут красить. Слышен крик: «Разбуди меня!». Крик усиливается, кажется, что кричит огромная толпа.

Чистый таракан закрывает занавес.

Улан-Удэ, 1990 год

Из статьи ПРОБА
(газета «Омск театральный», №8)

...Пьеса Виктора Костригина «Дворянин», представленная режиссером И. Борисовым (Новосибирск), заинтересовала необычным соотношением драматических сил, умной ироничностью автора. Герой, как это не раз случалось в драматических произведениях последних лет, попадает на сегодняшнее городское «дно», однако (и в этом свежесть конфликта) ничего в себе «дну» не уступает. Привлекательная и редкая особенность героя В. Костригина – внутренняя независимость, раскованность, убедительный и точный язык.

Важным знаком спектакля-читки стала бессловесная и странная фигура Таракана (роль для «живого» актёра!). В небольшом пространстве, соединившем артистов со зрителями, у поперечной стены репетиционного зала, постоянно ощущается присутствие этого почти неподвижного персонажа. Таракан – своеобразный немой комментатор действия, он и физический знак подвальной среды, и, кажется, тот таракан из пословицы, который копошится в сознании, лишая нас покоя...

СЕРГЕЙ ЗАХАРЯН
Кандидат филологических наук, критик
г. Иркутск

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и повесть

Пять суток с Пиросмани.	3
Лю-лю-сы.	16
Близнецы.	34
Где живут лилипуты. <i>Повесть</i>	43

Пьесы

Разве может идти дождь	86
Дворянин	132

В. Костригин

ГДЕ ЖИВУТ ЛИЛИПУТЫ

Рассказы, пьесы, повесть

Иллюстрация: Ева Костригина

Фото: В. Урбазаев

Верстка, дизайн: Д. Боржонов

Подписано в печать 00.06.2016. Формат 70х100/32.

Гарнитура PT Sans. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ №000. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «НоваПринт». Республика Бурятия. г.
Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1. Тел. 8 (3012) 212-220, 212-552.